

ISSN 1993-9477

XXI ВЕК

ВОЛГА

№ 5 2021

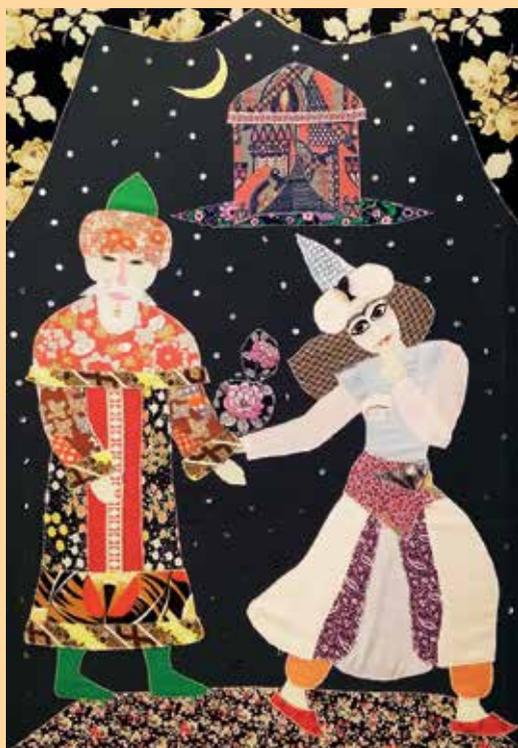
Литературно-художественный журнал

16+

РАБОТЫ ХУДОЖНИЦЫ ЛЮДМИЛЫ ГОРОЖАНИНОЙ

Фрагменты ширмы «Сказки Пушкина»
(Фото Анны Морковиной)

XXI ВЕК

ВОЛГА

№ 5 2021

Литературно-художественный журнал

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

- А.Ю. Аврутин** – член Союза писателей Беларуси (Минск)
А.А. Бусс – член Союза писателей России (Саратов)
В.И. Вардугин – член Союза писателей России (Саратов)
Е.А. Грачёв – член Союза писателей России (Саратов)
Д.Е. Кан – член Союза писателей России (Оренбург)
В.В. Ковалёв – член Союза художников (Рига)
О.И. Корниенко – член Союза писателей России (Сызрань)
М.А. Лубоцкий – член Союза писателей Москвы (Саратов)
В.Д. Лютый – член Союза писателей России (Воронеж)
Е.Н. Манова – директор музея Н.Г. Чернышевского (Саратов)
А.Н. Тимофеев – член правления Союза писателей России,
председатель Совета молодых литераторов Союза
писателей России (Москва)

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЭТОГРАД Вадим ТЕРЁХИН. Слово и музыка вечны...	3
ОТРАЖЕНИЯ Геннадий РЯЗАНЦЕВ-СЕДОГИН. Подарок	7
ПОЭТОГРАД Андрей НОВИКОВ. Где святы голуби и дети...	22
ОТРАЖЕНИЯ Алексей ВАСИЛЕНКО. Скажи-ка, Дядя...	28
ПОЭТОГРАД Галина ТАЛАНОВА. Тихая река	38
ДЕСЯТАЯ ПЛАНЕТА Александр ЛЕПЕЩЕНКО. Смерть никто не считает.	44
ПОЭТОГРАД Елена КРЮКОВА. Терминал	80
НА ВОЛНЕ ПАМЯТИ Валерий РЫЖЕНКО. Мираж	91
ПОЭТОГРАД Анатолий ГЕНЕРАЛОВ. Мне печальная музыка снилась...	111
КАМЕРА АБСУРДА Сергей ПЫЛЁВ. Оживший.	115
ПОЭТОГРАД Павел МИРОНЕЦ. Большое керченское солнце Александра АЛИДАРОВА. Пахнущие мёдом травы Сергей НОВИКОВ. Стихи из книги «Лунный листопад»	129 132 135
ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПОРТРЕТЫ Марина ПОПОВА. «В незавершённости пути...»	138
СТАТЬИ Александр ДЕМЧЕНКО. Между Саратовом и Самарой.	142
К 80-ЛЕТИЮ НАЧАЛА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ Виктор КРЕСТОВ. Мхатовская чайка над Саратовом	158
ДЕСЯТАЯ ПЛАНЕТА Виталий ПОПОВ. Снисхождение	173
В МИРЕ ИСКУССТВА Анна МОРКОВИНА. Весёлая мозаика Людмилы Горожанинной, или Интеллектуальные панно Милы Гор	177
ИНТЕРВЬЮ Фестивальный музей в Хвалынске	181
РЕЦЕНЗИИ Елизавета МАРТЫНОВА. «Люди, наполняющие нашу землю красотой и поэзией...» «Этот мир рождён единым...»	184 187
ВОЛЖСКИЙ АРХИВ Павел ПОСЛУШАЕВ, Елена РИЗАЕВА. Из истории одной награды	188

**Вадим
ТЕРЁХИН**

СЛОВО И МУЗЫКА ВЕЧНЫ...

И когда повстречал я бомжа
На каком-то вокзале убогом,
Я подумал, что наша душа
Точно так же смердит перед Богом.

Бог не требует наших молитв.
Но лежу пред тобой распростёртый.
Это я – изнемогший от битв.
Это я – худоцветный и чёрный.

Это я – предъявивший права
И просящий пощады несмело.
Понимаю, что эти слова,
Может быть, наше главное дело.

Я решил, что я – Жар-птица!
А Жар-птице ни к чему
За любовь начальства биться,
Низко кланяться ему.

Тёмным силам потакая,
Всем начальство говорит:
Птица? Жар? Да, есть такая.
Но не очень-то горит.

-
- Вадим Фёдорович Терёхин родился в 1963 году в пос. Песоченский Тульской области. Окончил Казанское высшее военное командно-инженерное училище ракетных войск им. маршала артиллерии М.Н. Чистякова и Московский литературный институт им. М. Горького. Служил на космодроме Байконур, в настоящее время работает в сфере литературы, культуры, искусства и кинематографии. Лауреат многих литературных премий. Сопредседатель Союза писателей России, вице-президент Международной академии русской словесности (Москва), председатель Калужского областного отделения Общероссийской общественной организации «Союз писателей России», член координационного совета Международного поэтического движения «Мир без стен», член-корреспондент Петровской академии наук и искусств (Санкт-Петербург), действительный член академии Российской словесности (Москва), действительный государственный советник II класса Калужской области.

И, сказать, она не очень.
Светит тускло, хоть убей.
А у нас есть, между прочим,
Птица лучше – воробей.

Но и он по всем законам
В тщетном поиске огня
Светит светом отражённым,
Исходящим от меня.

Известно, что, придя в движенье,
По всем законам естества
В системе общего снабженья
Вода безвидна и мертва.

И ждёт спасения, доколе
Не образует в трубах течь.
Вода не может жить в неволе,
Как поэтическая речь.

Она подвижница течения,
Напора, скрытого в груди,
И из любого заточенья
Всегда пробьёт себе пути.

И если посмотреть на воду,
Примерить жалкий опыт свой –
Лишь вырываясь на свободу,
Вода становится живой.

СЛОВО И МУЗЫКА

Слышишь, заводит сверчок
Песню на лире запечной.
Как бы мир ни был жесток,
Слово и музыка – вечны.

Мы рождены, чтоб пропасть.
Канут во мгле бесконечной
Слава, богатство и власть.
Слово и музыка – вечны.

Как же нам жить на земле –
Тихо, неспешно, сердечно?
В мире, лежащем во зле,
Слово и музыка – вечны.

Жизнь поместилась в семь нот.
Но в суете быстротечной
Всё в этом мире пройдёт.
Слово и музыка – вечны.

Я не сплю и жду распада.
Взгляд прикован мой к часам.
Кто-то мне привет из ада
Посылает по ночам.

Кто туда ушёл за солью,
Пересёк земной предел
И своей нездешней болью
Поделиться захотел.

Знаю точно, что в четыре,
В пять и даже в шесть утра,
Несомненно, что-то в мире
Переделывать пора!

И когда ты себя исчерпал,
И уже всё не будет как прежде,
Возвращаясь к началу начал,
Из последней и робкой надежды,
Подводящей последний итог,
У тебя появляется Бог!

Непонятный людскому уму,
Он стоял за невидимой шторой.
Оказалось, ты нужен Ему!
В этой жизни туманной, в которой
Ты бродил по углам как слепой,
Он всё время был рядом с тобой!

Ты у мира уже не в чести.
Ходишь тенью немого укора.
Всё отдать, чтоб Его обрести –
Непременная часть договора.

Прости, Боже, нас многогрешных!
Известно о том наперёд:
Уверенных, смелых, успешных
Земля без остатка возьмёт.
Хотя и везёт им во многом,
И радостно их бытие,
Придётся предстать перед Богом,
Ответить за счастье свое!

Одна ты у нас самых близких кровей,
И нету на свете румяней.
Всё меньше и меньше нас в жизни твоей.
И скоро мы облаком станем.

Не будем мешать и стоять под рукой.
Сожжёт нас житейское пламя.
Ни слова сказать, только вечный покой
И – как её? – вечная память!

Мы будем витать над твоей головой,
Как ровня с другими телами.
Под ноги посмотришь – и сорной травой
Мы будем лежать под ногами.

Живую беседу считая за честь,
Её мы дождёмся не скоро.
И вроде мы живы, и вроде мы есть,
Но не поддержать разговора.

От язвы мировой
Таюсь в лесной избёнке.
Теперь я домовой
Поэт на удалёнке.

Бессрочно находясь
На карантине строгом,
Налаживаю связь
Я ежедневно с Богом.

Творю молитвы я,
Жгу восковые свечки,
Чтоб судьбы бытия
Предвидеть из-под печки.

**Геннадий
РЯЗАНЦЕВ-СЕДОГИН**

ПОДАРОК

Лидия Николаевна умерла. Гроб с её телом поставили в северном приделе кладбищенской церкви Мученицы Евдокии напротив Распятия с предстоящими. Приехавшие из Москвы родственники толпились у входа в церковь, ожидая окончания молебна. Из открытых тяжёлых дверей доносился высокий голос молодого священника: «Спаси, Боже, люди Твоя...» – и сейчас же его подхватывал нестройный хор певчих: «...и благослови достояние Твое, победы на сопротивных даруя...» И казалось, что это исполнялось всегда в пространстве кладбищенской тишины, среди прибранных и забытых могил с покосившимися, посеревшими памятниками. Сто лет назад звучали и сейчас звучат и будут звучать те же слова церковных песнопений. И присутствие смерти соединяет времена и делает их достоянием вечности...

День был осенний, солнечный, тёплый. Стояли последние числа сентября. Деревья, тронутые рукой осени, в лучах холодного солнца пестрели печальной красотой. Их медленное увядание как нельзя лучше подходило этому грустному событию прощания с умершей. И старый кладбищенский храм, окружённый со всех сторон молчаливыми могилами, тоже подчёркивал это печальное действо.

Отец Артемий шёл по асфальтированной дорожке с южной стороны к храму. Он смотрел, может быть, в сотый раз на старое заброшенное еврейское кладбище, которое было отделено от основного кладбища почти уже упавшей от времени, невысокой полуразрушенной стеной из красного потемневшего кирпича. Он смотрел на высокие деревья с развесистыми кронами, изрядно затеняющими и без того мрачное кладбище, в надежде уви-

-
- Геннадий Николаевич Рязанцев-Седогин родился в 1954 году в с. Карамышево Липецкого района в семье учителей. Окончил Литературный институт имени А. М. Горького и Московскую духовную семинарию. В настоящее время протоиерей отец Геннадий – настоятель храма Михаила Архангела в посёлке Тракторостроителей г. Липецка. В 2016 году Общероссийским общественным движением «Россия православная» награждён двумя медалями святых Бориса и Глеба «За жертвенное служение». Стихи, проза и публицистика печатаются в литературном журнале «Родная Ладога», журналах «Берега», «Поэзия 21 век от Рождества Христова», «Экоград», «Поэзия», «Север», «Подъём». Автор романа «Становящийся смысл» (2014), книги стихов «Невидимое присутствие» (2015), сборника рассказов «Трудности перевода» (2015). Является членом Союза писателей России, сопредседателем правления регионального отделения Союза писателей России, членом правления регионального отделения Международного содружества писательских союзов. Лауреат многих литературных премий.

деть шапки грачиных гнёзд и не находил их взглядом. И вновь уже в сотый, а может быть, тысячный раз убеждался в правильности утверждения наблюдательных жителей этого района города, что птицы не вьют гнёзда на деревьях опустевшего, заброшенного кладбища, на котором уже несколько десятилетий никого не хоронят. А рядом, за разделительной стеной, в десяти метрах на деревьях виднелись чёрные кавказские шапки грачиных гнёзд.

В глаза бросалась худоба отца Артемия, которую подчёркивал длинный подрясник. Волосы на голове священника были слегка растрёпаны и тронуты сединой, борода была аккуратно подстрижена, голубые глаза на смуглом лице светились каким-то внутренним строгим светом.

Он шёл проститься с рабой Божьей Лидией, с которой его связывала тёплая и странная дружба. Накануне ему позвонила приехавшая несколько дней назад из столицы дочь Лидии Николаевны, Надежда, и сообщила это неожиданное, страшное известие.

Она увидела отца Артемия и, отделившись от толпы, направилась к нему навстречу. Она была небольшого роста, в чёрном, туго повязанном вокруг лица платке, тихая, незаметная, жена профессора, доктора наук, преподавателя одного из лучших технических вузов России с какой-то восточной фамилией. Отец Артемий видел её прежде один только раз в квартире Лидии Николаевны.

– Примите самые искренние соболезнования, – вместо приветствия, остановившись, сказал отец Артемий, глядя в выцветшие от слёз глаза Надежды и измученное, осунувшееся от страданий лицо.

– Благодарю вас, батюшка, что нашли время, – тихим голосом ответила Надежда, – мама часто в телефонных разговорах тепло говорила о вас. Вы для неё в жизни очень много значили. Она страдала оттого, что не могла по немощи своей и множеству болячек приезжать в ваш храм. Благодарю вас также, что поддерживали маму в трудные периоды её одинокой жизни здесь. Я приезжала так редко...

Слёзы наполнили её глаза, она заплакала, опустила голову и достала платок.

– Простите, – тихо сказала она.

Отец Артемий намеревался спросить, как умирала Лидия Николаевна, но почувствовал, что сейчас это неуместно.

Подошла внучка Лидии Николаевны, Маша, совсем уже девушка, лет девятнадцати, темноглазая, с густыми чёрными волосами, и обняла плачущую мать. Отец Артемий вспомнил её. Она с бабушкой ещё совсем ребёнком приходила в воскресную школу. «Как она выросла, – подумал отец Артемий, – совсем невеста». Маша повернулась к батюшке и с зардевшимся лицом попросила благословить её.

Молебен закончился, и люди с мокрыми от святой воды лицами потянулись из храма, разворачиваясь и радостно крестясь на высокие двери.

Родственники покойной, напротив, стали входить в храм.

Отец Артемий купил три свечи, подошёл к подсвечнику, стоявшему у гроба в ногах покойной, и, помолившись о новопреставленной рабе Божьей Лидии, поставил горящие свечи. Затем он подошёл к покойной и долго вглядывался в её уже какое-то другое, чужое лицо. Душа отлетела, подумал он, а человек без души не живёт.

– Вы знаете, батюшка, – услышал он уже спокойный, тихий голос Надежды за своим плечом, – она ушла очень легко и тихо. Закрывает глаза и перестала дышать.

– Царство Небесное, вечный покой, – вздохнув, произнёс священник и внимательно посмотрел в глаза Надежды. – Местные священники отслужат погребение, а я буду молиться за неё, прощайте и вы.

Он повернулся и направился к выходу, но услышал шаги и зовущий его голос Надежды.

– Подождите, я совсем забыла... – Она расстёгивала замок довольно объёмной чёрной сумки и, расстегнув, наконец протянула тщательно замотанную скотчем общую тетрадь. – Мама просила передать это вам за день до смерти.

Отец Артемий взял в руки упакованный свёрток и прочёл два слова, написанных шариковой ручкой под прозрачным скотчем: «Отцу Артемию».

Поклонившись, он вышел на свежий воздух.

Из храма раздалось: «Благословен Бог наш...» – и послышался цепной звон кадила.

Пройдя прежней асфальтированной дорожкой между могил к боковым северным воротам, отец Артемий сел в автомобиль, бросил тетрадь на заднее сиденье и завёл двигатель. Он некоторое время сидел неподвижно, как бы освобождаясь от тягостных переживаний. Но через минуту он уже думал о предстоящих неотложных делах. Он привык за двадцать лет священнического служения спокойно воспринимать горе, относя его к необходимой части своей работы, разделяя при этом священническую, таинственную погружённость в проблемы людей, именуя это сошествием во ад, для того чтобы, светом Христовой Истины указывая путь, вывести их из ада, а свои личные, человеческие переживания он хранил в чистой, незамутнённой, закрытой от всех сокровищнице своего сердца...

День выдался тяжёлый. Отец Артемий вернулся домой. Поужинав, он закрылся в своём кабинете, чтобы предаться любимому делу. Отец Артемий сочинял стихи. Но слова никак не ложились в поэтические строчки. Усталость и какая-то тревога не давали покоя. И он вспомнил об оставленной в машине тетради. Но на автостоянку идти не хотелось, он решил лечь спать. Но и сон не приходил. Оставленная тетрадь не давала покоя. Отец Артемий встал с постели, оделся и отправился на автостоянку.

На улице было темно и прохладно. Он, съёжившись, прошёл по тёмной улице до автостоянки, открыл остывший автомобиль и взял в руки тетрадь. Скотч на тетради был гладкий и холодный.

Вернувшись домой, отец Артемий ножницами освободил тетрадь от липкого скотча, устроился в кресло, укрывшись пледом, развернул первую страницу.

«Я открыла слова любви, слова молитвы, слова истинного признания: молитесь за меня, а я помолюсь за Вас. Самые неожиданные, прекрасные обещанные слова. Помолитесь за меня. Помолюсь за Вас. Я люблю Вас. Вы никогда не умрёте».

Перевернув другую страницу, отец Артемий увидел две даты на самом верху.

«02.07.10 г.

02.06.10 г.

Я причастилась в храме Архангела Михаила у о. Артемия. Господи, я благодарю Тебя за великую милость ко мне, тяжкой грешнице. Пишу вкривь и вкось, прости.

День этот я не забуду никогда. Я чувствовала милость Бога. Мне становилось легко и радостно. Я видела этот «дивный свет, пролившийся на нас с тобою». Я не смею никогда писать во множественном числе. Пишу,

предполагая во всём себя одну. В этот же день я, как никогда, чувствовала минуту Божественного счастья, Вашу сопричастность к моим деяниям; всё это в одну минуту сделало меня другой, меня осиял свет Вечности.

Отец Артемий, у меня нет слов благодарности Вам и нет слов восхищения Вами. За что мне такое счастье, такая великая милость, что Вы называете меня своим другом?! Я всё больше и больше понимаю, что я не достойна этой дружбы, и убедительно прошу Вас не оставлять меня. Были моменты, когда мне казалось, что это случилось. Но Вы же и спасли меня. Вы постоянно воскрешаете меня. Я чувствую Вашу молитву за себя и за всех нас.

Коленопреклонённо, искренне и сердечно говорю Вам: спасибо за всё.

04.07.10 г.

Дорогой отец Артемий, благодаря Вашим молитвам, милость Господня ко мне неизреченна. Сегодня я гуляла в Верхнем парке. Умилялась Божьему творению: вековым дубам, неизвестным мне птицам, ещё сохранившимся цветам (например, колокольчикам), травам, красавицам-стрекозам, суетливым муравьям... Но очень хотелось к Святому источнику. Дорога вниз и обратно трудная. Я испугалась. Просила о помощи Господа Бога, и Господь помог мне. Совершенно ни на что не надеясь, я подошла к незнакомому юноше и попросила его помочь мне спуститься к источнику.

«Идёмте», – ответил мне юноша и повёл меня за руку, спускаясь с горы от епархии к источнику. К сожалению, воды в источнике стало совсем мало, но мне хватило окунуться с головой три раза. Подниматься вверх было ещё труднее, при этом я рассказывала юноше о сотворении мира. Мальчик крещённый, но ничего не знает о Боге и даже не носит креста. Но, видимо, у него добрая душа. Я пожелала ему прийти к Богу. Я поблагодарила его за помощь, а он много, много раз сказал мне спасибо.

Потом я одна сидела на лавочке около епархии, поблагодарила Господа и ощущала радость.

С тех пор, как я была в Вашем храме, причастилась, общалась с Вами, видела совершенно необыкновенный, красивый храм, – изменилась. Не предаюсь грусти и меньше всего стала бояться. Спасибо Вам, дорогой мой отец Артемий, Ваш приём был потрясающим. «То рай был, а не мысль о рае». Я в своих действиях ни на сколько не могу приблизиться к нему даже в мечтах. Но я мечтаю... мечтаю преподнести Вам чудесный, лирический подарок и верю, Господь поможет. Пока я не скажу Вам о нём. И будет это не скоро, но в этом году. А теперь простите меня за эту загадку.

05.07.10 г.

Я прочла, что я написала вчера, и у меня заболела душа. Зачем это так? Пошли Господи, чтобы отец Артемий про это забыл.

Дорогой отец Артемий, хочется опять и опять видеть Вас. Я люблю Вас, как и прежде. Страдаю, надеюсь. Самое интересное, на что я надеюсь? И на что можно надеяться? За все эти долгие годы мы только два раза были рядом (в этот раз, когда я приезжала в храм, и давным-давно, когда Вы лежали в кардиологии в восьмом микрорайоне, я приезжала к Вам). Интересно, помните ли Вы это? Я привозила Вам миллион, миллион алых роз. (Простите меня, пожалуйста. Конечно, не роз, а много тюльпанов.)

Я в упор смотрела на Вас. Черты Вашего лица такие тёплые, добрые, родные, милые. Так хотелось дотронуться рукой до Вашего лица, до Ваших волос, до Ваших рук, опуститься перед Вами на колени. Эта любовь прино-

сит мне боль и страдания. И эти страдания и есть моё счастье. Простите, что так криво пишу, сама не знаю, почему.

Дорогой отец Артемий, мне очень хотелось бы, чтобы мои письма сопровождалась музыкой. Музыка есть лествица между землёй и небом. Я знаю, Вы любите музыку Моцарта (но я могу и ошибаться).

13.07.10 г.

Вчера, на Петров день, я была у Кати. Встретились мы радостно. Катя воскликнула: «Как ты изменилась, как ты изменилась!» Я понимаю, что изменилась в худшую сторону, но нисколько не огорчилась. Когда же я уходила, Катя провожала меня во дворе, и вдруг с восторгом она сказала: «Нет, нет, ты нисколько не изменилась, такая же красивая, как прежде!»

Ну, это я просто так написала Вам. А вот дальше... Я зашла в Евдокиевский храм. Поставила свечу, приложилась к иконам. Матушки, которые ещё оставались за ящиком, почему-то мной заинтересовались и стали приглашать меня работать в их храме. Делать ничего не надо, сказали они, просто приходите постоять с нами – так они определили мою работу. Они подавили мне газету «Епархиальные ведомости» за апрель месяц. Можете представить моё радостное удивление: в рубрике «Память» с заглавием «Страдание длиною в жизнь» была статья о протоиерее Александре Васильевиче Дронове. Я была у них участковым врачом и очень их любила, а они любили меня. Мишу, сына отца Александра, а теперь отца Михаила, я помогала определить в армию. Он не был комсомольцем, и его просто не взяли. Батюшка обратился ко мне, видимо, в их понимании я была значимой личностью. А я просто помолилась и с коньяком пошла в военкомат. Господь помог. Служил он хорошо. Художником. После армии поступил в Духовную семинарию, затем в академию, защитился. Живёт в Германии, имеет шестерых детей. Он уже большую крестил нашу Машу. Она ему очень понравилась. А Дмитрия крестил сам батюшка, отец Александр. Меня же отец Александр постоянно окормлял. Служил он в деревне Двуречки. Конечно, у его всегда поминаю. И поминаю его так: протоиерея Александра (Дронова), а затем протоиерея Александра (Жданова) – это священик из Студёновского храма Рождества Христова. Светлая память, Царство Небесное батюшке Александру, матушке Варваре, монахиням Сергии и Елисавете. А здравствующим отцу Михаилу, девицам Ольге и Клавдии Божьего благословения...»

Отец Артемий отложил тетрадь, вышел на кухню и налил себе чай.

Он механически насыпал сахар в чашку, размешивал его, а в воображении он видел Лидию Николаевну в неизменном старомодном светлом плаще с обвислыми плечами, платке, повязанном под шею, её кроткий взгляд сквозь очки в золотистой оправе и благородную осанку.

Отец Артемий вернулся в кабинет и посмотрел на часы. Они показывали половину двенадцатого ночи. Завтра предстояло служить Великий праздник Рождества Богородицы. Отец Артемий устроился поудобнее и продолжил чтение.

«14.07.10 г.

Дорогой отец Артемий, а может быть, Вы всё-таки посетите меня? Всё это моё написание я хочу прочесть Вам сама. Написано очень плохо, разными ручками, с большим количеством небрежностей и ошибок. Простите меня, пожалуйста. Сегодня 14.07, утро. Пока не жарко, надо идти на прогулку. Только благодаря Вам я в этом году чувствую себя лучше.

Ваша молитва спасает меня. Если что будет интересное на прогулке, я напишу Вам.

Дорогой отец Артемий, я пришла, гуляла в Верхнем парке два с половиной часа. Я пишу Вам свой дневник для Вас, и это, вероятно, совсем не интересно. Так вот, сегодня я гуляла в Верхнем парке и увидела сидящего на скамейке священника, видимо, с матушкой. Оба молодые, и оба очень красивые. Я подошла к ним. Вежливо, насколько это возможно, я извинилась и попросила благословения. Батюшка встал, благословил меня и, представляя себе, спросил: «Вам плохо с сердцем? Вы очень холодная». Он дотронулся до моего лица и опять выразил встревоженность моим состоянием. Я сказала ему: «Ничего, ничего, это просто от жары, видимо». Батюшка был из деревни Ярлуково, приезжал в епархию. Имя его Владимир.

Я бы своим коллегам-врачам посоветовала быть такими же внимательными к людям. Я от всего сердца поблагодарила его и пошла домой. Что со мной было дальше? Ничего...

15.07.10 г.

Я помню дивный день, когда я впервые у Вас исповедовалась... Я подошла к Вам и сказала: «Батюшка, благословите меня, я утром у Вас исповедовалась», а Вы мне ответили: «Я запомнил Вас». Разумеется, это было очень давно. И для меня это было началом всех начал...

Возвращаясь к написанному выше. Затронул ли моё сердце отец Владимир из Ярлукова? Моё сердце, душа моя, мысли мои и чувства – всё принадлежит только Вам. Я люблю Вас, я хочу Вас постоянно видеть и слышать. Я не звоню Вам по одной причине: чтобы не досаждать. Ваши стихи я пою. По Вашим стихам я изучаю Вас, прикасаюсь к Вам, радуюсь и огорчаюсь.

17.07.10 г.

Вы меня просто не любите. Ни не любите, а просто не любите.

Очень переживаю за Надю и Машеньку. Милостивый Боже, Пресвятая Богородица, Святителю отче Николае, Преподобный отче Серафиме, святые мученицы Вера, Надежда, Любовь и матери их София, Святая Равноапостольная Мария Магдалина, все Небесные Силы, помогите моим родным.

И, наверное, по закону доминанты, я вдруг опять повторю: «Вы меня просто не любите».

Только я это произнесла – звонок, Надя: «Мамочка... всё хорошо».

А может быть, Вы и вовсе меня не любите, отец Артемий?

Отец Артемий, простите меня, во-первых, за небрежное, разное написание. У меня два стержня и одна ручка. То один стержень не пишет, то другой. Простите. Мне давным-давно пора спать, но я предаюсь поэзии, то есть читаю Ваши милые, изящные, ни с какими другими несравнимые, чудесные стихи:

*Я переписываю чувства
Травы, цветов, зверей и птиц.
Так в формах вечного искусства
Открыто небо без границ...*

Дорогой отец Артемий, эти тёплые слова, сказанные о Ваших стихах, ещё большее отношение имеют лично к Вам.

Я люблю Вас. Вы моя вечная весна.

18.07.10 г.

Очень хочется позволить себе некоторый экскурс в свою жизнь. На сегодняшний день тревога на сердце ужасная. Надюшенька с Машенькой на море где-то, в какой-то Хорватии. Вчера Парваз Куламович Берзигияров сказал, что звонила Надя: Машенька обгорела. Мои дети никогда не обгорали. Надя, что же это ты?! Нет, я не могу писать...

Была на улице. Встретилась со своими бывшими пациентами. Спаси их, Господи, от всяких бед и напастей. Люблю всех. И верю, что они любят меня. Я потеряла всякое самообладание, и, хотя мне запрещено звонить в эту Хорватию, я позвонила на Машин телефон: «Маша, у вас всё хорошо?» «Всё хорошо, до свидания». «До свидания», – только успела сказать я. Слава Богу, услышала её голос.

Я видела сон. Прекрасная, чудесная девочка, я держала её на руках. Я поняла: позвонит Надя. Боже Всевышний, Боже Всевышний – Надя позвонила!

Наденька моя родненькая, любименькая позвонила! Всё хорошо. Машенька хорошо кушает, и всё остальное прекрасно.

Дорогой отец Артемий, вот я так же люблю Вас. Скажите мне, как Вы служите в таких одеждах? Естественно, солнечный удар Вам не угрожает, а тепловой? Надо постоянно пить холодную воду. А если это Литургия? Боже Милостивый, помоги отцу Артемию. Я молюсь за Вас.

21.07.10 г. 21 час.

Позвонил отец Артемий. Для меня это было совершенно неожиданно, но очень радостно. Это помогла Казанская икона Божьей Матери. Вот к чему я видела сон: красивая, необыкновенная девочка у меня на руках. Когда позвонила Надя – это наполовину сбылся сон. А когда позвонили Вы – это было Божественное диво-чудо.

Я никогда не просила Вас: «Люби меня, пусть эта радость будет...» Но всё это, что я имею, уже более чем достаточно. Только не оставляйте меня, не гневайтесь на меня.

Завтра пятница, три недели, как я приезжала в Ваш храм (три недели, как я причащалась, общалась с Вами, видела Ваш неповторимый, чудесный храм).

Я уже писала: «То рай был, а не мысль о рае». И Вы любили меня. Боже, это не повторится. Со мной одновременно был Всевышний и любимый мой. Я надеюсь, Вы за всё простите меня.

Миша, мой сын, прямо с грядки принёс мою любимую зелень: салат, укроп, маленькие огурчики, красные помидоры, яблоки и ещё что-то.

Я понимаю, что Вы не придёте ни сегодня, ни завтра, а может быть, никогда. Если бы Вы знали, как больно и грустно, и мне не хочется плакать, а я уже горько плачу. Вчера Вы позвонили. Я была очень рада. Я молюсь, я думаю, что Вам очень тяжело, как поздно Вы вчера ехали с работы (я предполагаю, что Вы работали на стройке). Я могу много писать, но я всё время задаю себе вопрос: Вам это... нужно? Вот это Ваши слова: «Хотелось сделать что-то красивое и изящное, чтобы Вам понравилось».

Что мне сделать, дорогой отец Артемий, чтобы Вам понравилось, чтобы я хоть сколько-нибудь стала Вам дорогой? Чтобы я не напрасно хотя бы иногда могла ожидать телефонного звонка, я уже не говорю о звонке в дверь, и сама могла позвонить без страха, что это не вовремя, что это незачем и некстати.

22.07.10 г.

Вчера в программе «Время» выступал Святейший Патриарх. Он говорил о значимости христианской любви. Я уже как-то давно собиралась рассказать Вам, что я слушала в Одесском театре оперы и балета оперу «Евгений Онегин». А вчера наш Патриарх выступает со своей речью в этом театре. Мне было приятно и радостно. Я люблю нашего Патриарха и молюсь за него, не по долгу только, а по движению сердца. Отвечая на вопрос журналистов, Патриарх сказал, что любит музыку Верди. Люблю и я, думаю и Вы любите, и многие. Опера «Евгений Онегин» была представлена скучновато, но я была рада самому факту присутствия в театре, занимающем третье место в Европе.

24.07.10 г. 17 часов.

Началось Всенощное бдение. Мне очень хочется в храм. Но я могла только два часа погулять утром. Наверное, и вода появилась в источнике, но они (мои близкие), уезжая, взяли с меня слово «сидеть дома».

А как Вы, дорогой отец Артемий? Вы теперь и фелонь надели, и все остальные одежды? Это только помоць Господа. Я помолюсь. Помолюсь со слезами, чтобы Господь помог Вам.

Когда мне можно позвонить Вам? Наверное, никогда. А когда я увижу Вас? Наверное, никогда. Я хочу, чтобы Вы почитали мне стихи. Новой книги у меня никогда не будет, никогда...

Мой папочка жил долго, да и мамочка тоже. Помолитесь, чтобы Господь продлил мне лета живота моего. Никак не хочется умирать. Во-первых, как умирать с такой ношей грехов?

25.07.10 г.

Господи, благодарю Тебя. Сейчас звонила Надя. У них всё хорошо. Маша кушает и немного поправилась.

А потом я позвонила отцу Артемию и рассказала про свой сон. Почему-то он спросил, написала ли я об этом? Поэтому я решила ещё раз вспомнить.

Девочка была небольшая. На ней было пышное, нарядное белое платье. Тёмные вьющиеся волосы, пухлые щёчки розовели. Она сидела у меня на руках – такая лёгонькая, весёленькая, счастливая девочка, а мне было радостно, хорошо. Когда я проснулась, радость овладела мной, только я чётко не представляла, что такое замечательное ждёт меня. Хотя точно предполагала, что позвонит Надя. Она действительно очень быстро позвонила. Это был первый звонок радости. И совсем, совсем не предполагала... Зазвонил телефон. Я почти испугалась, насторожилась и, честное слово, поняла, кто мне звонит. Это были Вы.

Я надоела Вам своими чувствами, своими эмоциями, страстями. Но если бы всё было наоборот, я была бы Вами понятой и Вы сочувствовали бы мне.

В Ваших стихах я слышу Ваш умиротворяющий голос, наполненный любовью, порой тоской, откровением, чувственностью, и всегда я слышу Ваш талант, которому ничего не угрожает. Почему? Потому что Ваш талант большой, изящный, утончённый, красивый, настоящий, Божественный, и Вы умеете им управлять. Господь покровительствует Вам. Господь дал Вам много, много талантов, и Вы успешно приумножаете их. За что мне такое счастье?! Вы называете меня своим другом. Я стою перед Вами на коленях...»

Отец Артемий оторвался от чтения и посмотрел на часы. Час ночи. Пора было ложиться спать. Он отложил тетрадь, выключил свет и направился в спальню.

Матушка проснулась и сказала:

– Как ты долго сегодня читал «Правило».

– Готовился, – неопределённо ответил отец Артемий и подумал, что он совсем забыл вычитать «Последование ко Святому Причащению».

Придётся вставать на двадцать минут раньше. Он поставил будильник в телефоне на пять часов сорок пять минут и, мысленно посчитав, сколько ему осталось времени на сон, вздохнул.

Отцу Артемию снился тревожный сон. Будто он, совершая Богослужение, замечает, что облачение его неполное, он забыл надеть подризник, без которого совершение Литургии невозможно. А подризник он забыл дома. Остановить службу нельзя, было произнесено: «Благословенно Царство...» – и служба приближалась к Евхаристическому канону. Он поворачивается в Царских вратах, чтобы сказать народу: «Мир вам» – и видит Лидию Николаевну, которая улыбается одними глазами и протягивает ему белоснежный, выстиранный и отглаженный, аккуратно сложенный подризник. «Мир вам», – произносит отец Артемий, он понимает, что Лидия Николаевна умерла, и от этого противоречия просыпается за пять минут до звонка будильника.

Он идёт в кабинет, надевает подрясник, молится и, разбитый, едет на службу.

«28.07.10 г.

Прилетели. Точно по расписанию в четырнадцать тридцать. Надя сразу позвонила из аэропорта. Слава Богу, всё хорошо.

Сегодня я не приглашаю Вас на свежие салаты, потому что у Вас в гостях дети. Счастливого Вам вечера.

30.07.10 г.

Очень по Вас скучаю. Никогда Вас не вижу, изредка слышу. Но за всё слава Богу. Я привыкла к своим страданиям, и это есть моё счастье.

Случайно включила телевизор. Рассказывали про дегустацию вина. Достаточно интересно. Решила: покупаю хорошее вино и приглашаю Вас на дегустацию. Простите меня. Эта тетрадь – моё общение с Вами. Я теряю самообладание, я больше не могу справиться со своим одиночеством и жарой. Молюсь. Господь слышит меня. Этим живу. Очень хочется Вам позвонить. Но... Праздники. Завтра воскресенье, затем память Серафима Саровского, и 2 августа – пророка Илии.

Дорогой отец Артемий, как служить в такую жару и в Вашем одеянии? Милостивый Боже, помоги батюшке Артемию и всем священнослужителям. Тяжкая грешница я.

Сейчас семнадцать пятьдесят, наверное, в храме полиелей. Я вижу Вас, сходящего с Амвона. Такая необыкновенная, мягкая, красивая походка только у Вас. Спасибо Вам за Вашу красоту и изящество. Завтра у Всеночном будут освящать пять хлебов, а потом елеопомазание. В Христорождественском храме (в те почти уже далёкие времена) мы, Ваши чада, всегда стремились подойти к елеопомазанию именно к Вам. Меня Вы всегда поздравляли с праздником, лицо Ваше при этом было приветливым, просто светилось небесным светом. Для меня всё это ушло... Хотя для меня Вы останетесь милостивым и сердечным: благословляете меня заниматься эпистолярным жанром, разрешаете мне звонить и, когда я гово-

рю Вам о своих чувствах, Вы терпеливо меня выслушиваете. Спасибо Вам за всё, дорогой отец Артемий, мне очень грустно, может быть, всё-таки закончить этот эпистолярный жанр? Я уже всё написала, что можно было написать. Ближе я Вам не стала и интереснее я Вам не стала. Я кончилась. Я догораю. Я гасну, как свечка, от которой на мгновение остаётся назойливый, введливый дым...

Я хотела что-то написать о своей прошлой жизни. Но, думаю, это и неинтересно, и боюсь наскучить Вам. Ладно, вот коротко.

У С.С. был брат Анатолий (а всего в их семье пять братьев и две сестры).

Братья уважали меня и никакого зла мне не делали. Свекровь ко мне относилась плохо, а всех хуже – младшая сестра, которой всего было десять-одиннадцать лет. Перед Господом Богом я давно им всё простила...

Ваши проповеди я люблю. Как бы я ни уставала на службе, во время Вашей проповеди я всегда буквально проталкивалась вперёд и слушала, слушала, ни на что не отвлекаясь до последнего Вашего слова. Но мне запомнилась однажды проповедь отца Олега. Он говорил, что никогда, ни перед кем не надо унижаться. Мне это очень хорошо запомнилось. Так вот, я хочу Вам сказать, что я перед С.С. и его семьёй переносила невероятные унижения. Прошли годы, оставалось два брата и одна сестра (я о ней уже упоминала).

Старший брат был из Ленинграда, тяжело заболел онкологией. Он был хороший человек, ко мне относился хорошо, дарил мне цветы, ходил ко мне в больницу, мы в то время жили в ГДР. Так вот, когда родилась Надя, С.С. был в командировке, а Анатолий в больницу носил мне цветы, соки и фрукты. И вот он тяжело заболел. Мы не общались. Я размышляла о Господе. И позвонила в Прощёное воскресенье. С добрыми чувствами, с открытой душой я просила у него прощения. Он был несказанно рад моему звонку и так горячо просил прощения. После я звонила не более трёх раз. А последний раз он сказал мне: «Лидя, я целую тебя». Я была растрогана и заплакала. Он умер нынешним Великим постом. Это воспоминание я посвятила рабу Божьему Анатолию.

Вот таким ласковым обращением ко мне, я думаю, он пытался примирить меня со своими родственниками. Царство ему Небесное. Я сделаю так, как он хотел.

Перед свекровью я, стоя на коленях, просила прощения. Она была потрясена и сказала мне, что я никогда её не обижала. Было это давным-давно, полвека назад, и умерла она давно, но я всех их поминаю. В семье я была лучшей снохой. Старший брат был Анатолий, но женился первый С.С. Так этот С.С. вслух, при всех и своих, и чужих восторгался женой брата и всячески поносил меня. Жена Анатолия, прожив с ним лет шесть, бессовестно бросила его и ушла к другому, а Анатолий хотел застрелиться. Оружие у него было: он командовал ротой. Свекровь молилась за него, и Господь его спас.

Отец Артемий, вы ведь не благословили меня, что писать конкретно, поэтому простите меня, что я пишу это.

02.08.10 г.

Дорогой отец Артемий, поздравляю Вас с праздниками угодника Божия Серафима и пророка Илии. Сердечно прошу Великих молитвенников и заступников о ниспослании Вам благоденствия, здравия и благополучия.

Я сегодня была в храме Успения Пресвятой Богородицы, получила духовную радость и утешение. Позволила себе немного фантазии и представила себя, грешницу тяжкую, где-то далеко, далеко... в Иерусалиме, например.

Здесь очень красиво (золотой, блестящий христианский Крест попирает мусульманский полумесяц), белые, прохладные аллеи из деревьев и цветов.

На Крестный ход к источнику я не ходила, испугалась жары. Екатерина Ивановна сказала, что воды в источнике нет. Однако я молю Господа помочь мне завтра пораньше утром сходить к источнику. Мой «начальник», Надюша, разрешила мне ходить только рано утром. Отец Артемий, благословите меня.

Я очень хочу позвонить. Благословите и на это.

«И никуда, никуда мне не деться от этого...»

Когда ходили с Крестным ходом, я сидела на скамейке, вкушала просфору, пила святую воду, молилась и была счастлива.

В парке я собираю необыкновенно красивые жёлуди на ножке и в шапочке.

И вдруг я чётко представила, сколько вокруг сейчас горя. Дела наши получают своё вознаграждение. И как понять моё новое, понравившееся выражение: «Никуда, никуда мне не деться от этого...»? Я пишу о каком-то счастье. Бывший алтарник Священномученика Уара Василий, когда звонит мне, всегда желает счастья. Каждый раз я думаю, что именно он мне желает? Не надо этих слов, когда совсем очевидно, что терпение Господне приходит к концу.

Дорогой отец Артемий, тяжело, невыносимо, хотя бы не разорвалось сердце и не лопнула голова. Хотелось бы позвонить, но ведь и Вам трудно, наверно, труднее, чем мне, видимо. Позвоню как-нибудь потом. Только бы Вы мне оставили книгу. А сейчас читаю то, что у меня есть. «Счастье – скверная примета» – Ваши слова опять мне понятны.

Дорогой отец Артемий, большое Вам спасибо, спасибо вот именно за всё. Можно сказать опять же словами Ваших стихов: «...спасибо, милый друг, что ты живёшь на свете...»

Эту тетрадь я, видимо, подарю себе. Постараюсь...

Закончу с этим жанром... И ещё бы Господь помог мне не беспокоить Вас, не звонить...

08.08.10 г.

Предыдущие строки написаны (я думаю, Вам это понятно) в душевном волнении, дальше уже я расшифровывать не буду. А вот сегодня Вы так разговаривали со мной, что я сразу раскрыла свою тетрадь. Вы порой...

Ручка на том месте тетради не стала писать, поэтому Вам предстоит самому разгадать, что «Вы порой...».

Если жара не спадёт, не надо напрягать мысли...

«Спасибо, милый друг, что ты живёшь на свете». Мне очень понравилось: «Не вздумайте улизнуть». Вы даже не предполагаете, как Вы здорово сказали.

Мне опять пора спать, и я опять не сплю. Вы совершенно необыкновенный человек. А я, как бы я ни стонала, просто счастлива. (А пишу я всё хуже и хуже, давайте всё спишем на жару.)

По вере Вашей воздастся Вам.

Вы любите меня. Я это не спрашиваю у Вас. Я это говорю Вам. Я верю в это. Итак, это, я считаю, продолжается двадцать лет, с тех самых пор, когда Вы сказали: «Я запомнил вас».

Жара... Невероятная.

Гуляю утром. Люди все нуждаются в слове. А у меня есть полоса встреч. Это тротуар на противоположной от нашего дома стороне. Дорога, ведущая к магазину. Я постоянно встречаюсь здесь со своими бывшими пациентами. Для меня эти встречи дороги. Я точно не знаю, какой у меня стаж работы, но примерно лет сорок пять. И проработала я эти годы на одном участке. И скоро приближается срок.

«...Господь сына блудного спросит:

«Был ли счастлив ты в жизни земной?».

Я так думаю, я обязательно их всех вспомню. После института совсем молодой я пришла к этим людям. Они приняли меня с любовью. Эти слова любви и признательности они говорят мне и сейчас. А сами они также нуждаются в добром слове. И я говорю им добрые, ласковые слова. Люди созданы как существа, нуждающиеся друг в друге. Им следует избегать замкнутости и сентиментальной гордыни. Призывный Свет Царствия Божьего горит вдали, но в то же время отблески Его рядом с нами в простых вещах и событиях жизни, в радости и скорби, в самоотверженности и одолении соблазнов. Предчувствие Его в звёздах и цветах, в весенней природе и золоте осени, в кипении прибоя и ливнях, в радуге красок и музыке, в мечте и творчестве, в борьбе и познании, в любви и молитве. Пока ты любишь – ты избран...

12.08.10 г.

С наступающим Успенским постом Вас, дорогой отец Артемий. Как Ваше здоровье, как переносите жару? Какая новость замечательная: к нам приезжает Святейший Патриарх! Вы, конечно, будете на его службе. Ничего и никого не может быть выше священнослужителя. Всем юношам пожелаю бы учиться на священника, а всем девицам пожелаю бы выходить замуж за них.

Все священники красивые. Почему? Потому что у них красивые души, красивые помыслы, красивые деяния. Дорогой отец Артемий, а Вы самый изящный, самый красивый и не самый любимый, а единственный, неповторимый, божественный.

15.08.10 г.

Я колебалась – позвонить Вам или нет. Помолилась. Позвонила. Почувствовала Фаворский Свет, исходящий от Вас. Мне стало хорошо. И на Ваш вопрос о моём самочувствии я ответила: «хорошо».

Можете себе представить, как невероятно моя духовная зависимость от Вас. Ваше даже мгновенное внимание ко мне творит со мной чудеса. Благодарю Господа Бога, благодарю Вас. Этим я живу, радуюсь, вижу мир прекрасным. А если у меня что-нибудь плохо, тогда я особенно нуждаюсь в Вас, в Вашем сострадании, участии, любви.

18.08.10 г.

Дорогой отец Артемий, я приветствую Вас, низко Вам кланяюсь и поздравляю с Великим праздником Преображения Господня. Я очень люблю этот праздник. Праздник завтра, а у меня уже сегодня хорошие настроение и самочувствие. Очень хочу видеть или хотя бы слышать Вас. Завтра я позвоню. Приходите. Миша к празднику принёс мне свежие яблоки со своего сада. Приходите.

Сейчас Вы собираетесь на службу. Желаю, чтобы Фаворский Свет озарил Вас и Вы возрадовались всему, что окружает Вас, и Ваш храм станет горой Фаворской...

Можно позвонить. Сейчас Вы, видимо, вернулись со службы, но завтра Вам служить Литургию. Лучшие я позвоню завтра. Ответили бы Вы мне. Вы мне не ответили уже на пять звонков... Или уже значительно больше...

19.08.10 г.

Дорогой отец Артемий! Спасибо Вам за всё, за все эти годы и за сегодняшний день тоже. Меня же за всё, за всё простите. Это я во всём виновата, за всё виновата я, с самого того момента, когда я первый раз исповедовалась у Вас.

Эта тетрадь – мой очередной грех, простите мне его и всё, всё простите. Тетрадь я уничтожу. Пожалуйста, простите меня и, видимо, прощайте. Пожалуйста, я прошу Вашей молитвы. Господи, помоги мне, я каюсь во всём содеянном, не оставляя меня в одиночестве...

Спасибо Вам за всё. Сейчас я попрошу у Вас благословения порвать эту тетрадь.

20.08.10. г.

Не благословил.

Сегодня я опять звонила Вам. Только пришла от Миши. Принесла овощи и цветы. Попутно зашла в магазин. Купила красного сухого вина, производитель – Чили.

Но я вчера, видимо, попала под влияние лукавого. Потеряла свою тактичность. Боюсь, Вы не простите мне это. Срок хранения вина не ограничен, столько же я буду ждать Вас...

Благословите меня подарить Вам романс на стихи А. Фета (чья музыка не помню) «На заре ты её не буди».

*На заре ты её не буди,
На заре она сладко так спит,
Утро дышит у ней на груди,
Ярко пышет на ямках ланит.*

*И подушка её горяча,
И горяч утомительный сон,
И, чернеясь, бегут на плеча
Косы лентой с обеих сторон.*

*А вчера у окна ввечеру
Долго, долго сидела она
И следила по тучам игру,
Что, скользя, затевала луна.*

*И чем ярче играла луна,
И чем громче свистал соловей,
Всё бледней становилась она,
Сердце билось больней и больней.*

*Оттого-то на юной груди,
На ланитах так утро горит,
Не буди ж ты её, не буди,
На заре она сладко так спит.*

Почему и зачем я Вам написала эти стихи? Вчера я опять включила телевизор. Шла передача «Жди меня». Женщина-полячка разыскивала своего отца – офицера Советской армии. У её родителей была трогательная любовь, но в те времена браки между иностранцами были запрещены, и её отца, как советского офицера, просто выслали из Польши. Меня очень затронула эта история потому, что рассказ её сопровождался исполнением Полонеза Огинского. Это музыка моей молодости. Я исполняла сама Полонез на фортепиано. Воспоминания, причём исключительно грустные, овладели мной. Мне кажется, здесь уместно сказать: «Суждены нам благие порывы, но свершить ничего не дано». Это и грустно, и больно осознавать на склоне лет. И я погрузилась в воспоминания. Так удивительно, просто невероятно, но я вспомнила другие музыкальные произведения, которые играла в те далёкие времена. Одним из них был романс, который я играла и пела. И это был романс «На заре ты её не буди».

Как далёкое воспоминание моей больной души, я написала эти стихи Вам...

28.08.10 г.

Дорогой и возлюбленный о Господе, батюшка, отец Артемий, поздравляю Вас с праздником Успения Пресвятой Богородицы.

Вы мне только сегодня не ответили на три звонка. Я всё понимаю, но мне надо было только спросить, служите ли Вы завтра. Хотелось поехать в Ваш храм. Кажется, всё отменяется.

28.08.10 г. Вечер.

Я была на службе в храме Успения Пресвятой Богородицы. Стояла, как и на встрече с Патриархом, на улице, вернее, на прихрамовой территории. Богомольцев было очень много. У отца Митрофана был день рождения. После службы были крестный ход, молебен и затем обед. У них выстроена летняя трапезная. Давали чай и пирожки с разной начинкой. Мне достался с грибами.

01.09.10.

Это было давно. Господь мне послал Надежду Фёдоровну и сына её Мишеньку. Вначале как пациентов, вскоре мы стали друзьями. Но Господу Богу было угодно взять Мишу к себе.

Господу нужны строители
Град Небесный созидать...

А нужны Ему соратники,
Сорадетели в делах,
Ибо души их Создателю
Там нужней, на Небесах.

Ко Господу Богу отошли муж её и мамочка. Но Надежда никогда не жалуется на одиночество. Утешение своё она нашла в Господе Боге, в посещении храмов. Её приход – это Успенский монастырский храм, она здесь трудится во Славу Божью. В благоухающие розы, весной тюльпаны, осенью хризантемы вложено много её старания и любви.

Слава тебе, Господи, за промыслительные встречи с людьми, за преданность друзей, за светлые минуты моей жизни, когда я общаюсь со своими друзьями. Сегодня Надя придёт ко мне, а совсем скоро придёте Вы. Когда?

Отец Артемий, родненький, если Вы не придёте в субботу, эту тетрадь Вы никогда не увидите.

Какая гордыня! Простите меня.

Суббота. Жду Вас. Чувствую себя плохо. Помолитесь».

И Лидия Николаевна умерла, произнёс вслух отец Артемий и глубоко вздохнул, откладывая тетрадь.

– Разве стоишь ты всех этих слов, обращённых к тебе этой удивительной, тихой женщиной? – прошептал отец Артемий.

Но ничего он изменить уже не мог. Земная жизнь её завершена. И это сознание невозможности вернуть жизнь и прожить её по-другому комом подступило к его горлу и застучало в висках.

– И я даже не остался отслужить погребение...

Отец Артемий вышел на улицу и направился в Верхний парк. Погода испортилась, шёл мелкий дождь, набегал порывистый ветер, но священник не замечал этого и только повторял:

– Прости меня, Милосердный Господи, недостойного, грешного и открой мои глаза для Твоей любви...

**Андрей
НОВИКОВ**

ГДЕ СВЯТЫ ГОЛУБИ И ДЕТИ...

ПРАЗДНИК

Жизнь интересна в первой трети,
На кухне молоко кипит,
Петарды зажигают дети,
И снег искрится и шипит.

В прихожей разговоры грубы,
Свет резко падает в проём,
Приходят гости, шапки, шубы
Топорщатся хмельным зверьём.

А улица ликует в сборах,
Куранты бьют желанный час,
Расплавлен наст, чернеет порох,
Привычно праздник входит в нас.

Вот так, приливом и отливом,
Сумбуром, новизной затей.
И только хрупки и ленивы
Остатки ледяных дождей.

Видны в них будних дней удушье,
Работы повседневной боль.
Жизнь, дай чуть-чуть великодушья
И праздник выплакать позволь.

-
- Андрей Вячеславович Новиков родился в 1961 году в с. Алабузино Бежецкого района Тверской (Калининской) области. После службы в армии в 1985 году поступил в Литературный институт им. А. М. Горького на факультет поэзии (семинар В. Кострова). После окончания института в 1990 г. 25 лет работал журналистом. Первая публикация состоялась в журнале «Подъём» в 1984 году. Публиковался в «Литературной газете», «Московском комсомольце»; в журналах «Нева», «Сибирские огни», «Сура», «Байкал», «Симбирскъ», «Молодая гвардия», «Волга – XXI век», «Подъём», «Артикль» (Тель-Авив), «Русское Эхо», «Сибирь», «Зензивер», «Крым», «Студенческий меридиан», «Южное сияние», «Север», «Литературная учёба», «Петровский мост», «Ночь и день», «Гостиный дворъ», «Литературная Киргизия»; в альманахах: «Поэзия», «День поэзии», «Паровозъ», «Тверской бульвар-25», «Академия поэзии», «Связь времён» (Калифорния, США), Автор 6 книг.

ЗНАМЕНАТЕЛЬ

Игрива, шаловлива и шумна вторгалась жизнь и капала на темя,
И было только горе от ума – такое на дворе стояло время.
Ещё не назревала смена вер, и смена вех не шла ещё насмарку.
И я гулял, примерный пионер, с мороженым по городскому парку.
Незримую вынашивая связь, природа потрудилась в самом деле –
Деревья образовывали вязь, в пластмассовых кустах шмели гудели.
Среди скульптурных гипсовых химер, пенсионеров, домино и шашек,
Коней педальных или, например, аттракционов, простотою страшных,
День хроникальный длился как изгой, на дежавю мучительно похожий,
В нём янки всё ещё бомбят Ханой и Чингачгук воюет краснокожий.
Жизнь отрастила праздник, как кисту, под скальпель вездесущего мгновенья.
В том знаменатель. Ищет двойника душа, и лета зреет середина.
Как сахарная вата облака, в них запах овощного магазина.
Иду я, имя прежнее назвав, и жизни смысл сверяю с небесами,
Меня хранил кто, навсегда отстав, сухими улыбается глазами.
За мною деревянный самолет на маленьких подшипниках катился.
Не помню то, чему был страшно рад, не ведаю, с чем навсегда простился.

КРЕСТОМ ОСЕНИВ

Открой деревянные ставни,
Прохладу под вечер ищи.
Земля перемешана с камнем.
Крапива у дома на щи.

Здесь твёрдые помнят ладони
Нехитрый и бережный труд
И лёгкую лодку в затоне,
Где птицы на ветках замрут.

Над дверью прибита подкова,
Но счастье здесь было вчера.
И новая жизнь бестолково
Томится в прихожей с утра.

И дымка, в ней вера и горечь,
И отрок мужской говорок
В словесном попробует соре
И взрослым уйдёт за порог.

А следом и мне – удалиться,
Июня покой обрести,
В него мне осталось влюбиться
И лето осталось спасти.

И дождь неожиданный выждать,
В котором дорога суха,
Крестом осенив себя трижды
Под каверзный крик петуха.

ПОСЛЕДНИЙ ПАРОХОД

Тяжёлых колёс парохода боится речная волна.
Опомнись, какая погода? Природа разлукой больна!
Будь счастлив дорогой обратной, простёрт в ней
из прежних длиннот
За край невесомости ватной изорванный отсвет забот.
Есть право на память о счастье, глупа и коварно вольна,
В ответ кандалы на запястьях земная замкнёт тишина.
Любить – это значит до точки тяжёлое время понять,
Найти тебя вне оболочки, фантомную болью обнять.
Одна белизна на палитре и утра туманного вид.
Минувшее явится в титрах и имя твоё исключит.
И даже речные изломы моя повторяет судьба,
Я выйду из жизненной комы, которая слишком груба.
Прощальные отзвуки лета привиты свободой забот,
Под чашкой сыреет газета, последний плывёт пароход.
Гудок, ощущение стресса, душа первозданно боса,
И дождик рябою завесой с пролеском сольёт небеса.

ТИХИЙ СВЕТ

Я встану спозаранку,
Пойму, что день нелеп,
Бычков открою банку,
Нарежу чёрный хлеб.

Где утро в темя дышит
И брезжит тихий свет,
Садись, избранник свыше,
На скромный табурет.

И будет стол, поверьте,
Гостеприимно прост,
Так выглядит бессмертье –
За это первый тост.

На середине лета
Зачем такой сарказм
И неживых предметов
Несуетный соблазн?

Черна под утро зелень,
Двора угрюмый свод,
Лишь остаётся верить
До дрожи: всё пройдёт!

РАССВЕТ

Дубеют окна на морозе,
Рассвет вдоль холода реки,
И дремлют в полусонной позе
У тёмных лунок рыбаки.

Лишь нежность магниевой вспышкой
Порою не даёт дышать.
Стоишь с термометром под мышкой,
Любить, болеть – тебе решать.

Начало дня ещё неволит,
Смотри в окно, ищи слова.
И выходной не обездолит,
На леность предъявив права.

Грустят скамейки с птичьим шрифтом,
Пространство сумрачно разжав.
И ветер пользуется лифтом,
В подъезды шумно забежав.

ПОСЛЕДНЕЕ ТЕПЛО

Мне – упорный ветер с юга,
Нетипичный в сентябре,
Оголённая округа,
Дождик тёплый на заре.

Через заросли бурьяна
На осенние поля
Днями лист летит багряный,
Но тепло хранит земля.

Угасающее лето,
Глеет чёрная трава,
Но какая память света
Сквозь кусты и дерева!

Вот ручей струится тонко,
Входит в осень без труда.
И целует рот ребёнка
Тёплая ещё вода.

ВЕТЕР БЕЗМЯТЕЖНЫЙ

Хрустела целлофана упаковка
У августа на солнечном пути,
И высказал я громко и неловко
Одно лишь слово позднее – «прости».

И Родиную сладостно и нежно
Назвал туман, погост и лес в дымах,
Дом на холме, и ветер безмятежный,
И птиц прощальный на рассвете взмах.

Вот так, меж днями радости и скорби
Каких пристанищ жаждет жизнь моя?
Что накопил в своей холщовой торбе,
Чужие, верно, исходив края?

Не для того и вольно, и свободно
Вверялся я далёким берегам,
Где тишина от грусти первородной
Раскинулась по утренним лугам.

РЫБОЛОВ И ПТИЦЕЛОВ

Где святы голуби и дети,
Язык тех мест мне был знаком.
Орешника тугие плети
Цвели зелёным молоком.

А рядом зонтичные сныти
Прохлады отдавали суть,
Благотворили цепь событий
И отворяли новый путь.

Два паренька в траве курносых,
На птиц расставлены силки,
И поплавок торчит вопросом
В дождливом мареве реки.

Погода – дело наживное,
Приносит сырость светотень.
Природа копит горстку зноя
И наполняет смыслом день.

Реальность шлёт свои законы,
И в строе дел, земных основ
Полны торжественным резонансом
И рыболов, и птицелов.

КОРАБЛИКИ

Звенят стаканы в подстаканниках,
Зелёный золотистый чай,
Ты едешь в поезде избранником
И дремлешь сидя невзначай.
В купе, по коридору мокрому
Мелькают отсветы окон,
Леса за солнечными стёклами
Обогащают лексикон.
На лицах тени сложным рубчиком,
Не новая колода карт,
Простое бытие попутчиков,
Разгар июня и азарт.
И почему-то пахнет яблоком
Во всём подвижный этот свет,
В котором мастерит кораблики
Ребёнок из сырых газет.

**Редакция журнала «Волга–XXI век» поздравляет
Андрея Вячеславовича Новикова с юбилеем!**

**Алексей
ВАСИЛЕНКО**

СКАЖИ-КА, ДЯДЯ...

Аробщик гортанно что-то кричал, причитал, воздевал руки к небу, и речь его, пересыпаемая многочисленным повторением имени Аллаха, воспринималась сидящими на камнях офицерами и нижними чинами одним бурлящим потоком: ала-ла-ла-ла... Повод для такого извержения был с точки зрения русского человека пустячный: у перегруженной арбы сломался деревянный штырь, запиравший колесо на оси, и вот это самое колесо – огромное, сажень в диаметре – отвалилось и лежало теперь на дороге, а если точнее, то на том, что здесь называют дорогой. Двухколёсная арба почти перевернулась на каменное крошево, по которому она ехала только что, свалились какие-то мешки, высокие плетёные корзины. В России в такой ситуации уже давно высыпала бы вся самая захудалая деревня – помогать налаживать воз, а здесь хозяин обращаться за помощью к неверным не желал, а сам справиться не мог. А потому фонтан молений и жалоб продолжал изливаться, а безразличные ко всему серые буйволы опустили свои приплюснутые головы с откинутыми назад плоскими рогами и жевали, жевали...

Почти так же безучастно наблюдал сцену драгунский прапорщик. Страданий арбакеша он не разделял, слов не понимал, а просто приглядывался к живописности картины, впечатывая её в сознание: может быть, когда-нибудь... И ещё думал о том, что надо бы выучить татарский язык, без которого на Кавказе – как в Европе без французского. Солдаты, отдыхавшие тут же, близ дороги, всё же остались верны своей расейской натуре: несколько человек поднялись, неторопливо подошли к арбе, побрасывали остатки груза и подняли арбу. Дело нехитрое: насадить колесо на ось, вытесать топором запирающий клин, вставить его, загрузить арбу заново. И только-то. Но колесо было очень большим и тяжёлым, поднять одному не по силам, а двоим никак не удалось точно его посадить. Разморённые жарой и устало-

-
- Алексей Юрьевич Василенко родился в 1938 году в г. Тбилиси. Окончил филологический факультет Ереванского университета в 1960 году, сценарный факультет ВГИКа. Работал литсотрудником пограничной газеты «На боевом посту». С 1967 года – редактор, затем старший редактор на радио. Работал главным редактором, курировавшим подготовку передач для Всесоюзного радио и Центрального телевидения. С 1991 года живёт в Костроме. Работал заместителем председателя Костромского телерадиокомитета. С 2009 по 2012 годы – главный редактор литературно-художественного журнала «Кострома литературная». Автор цикла видеофильмов «Земля костромская», «Земляки», телеальманаха «Мгновения культуры», цикла видеоновелл «Один день войны» и «XX век. Россия. Кострома». Прозаик, автор многих книг. Член Союза журналистов РФ, Союза писателей РФ.

стью, остальные солдаты наблюдали за неудачными манипуляциями, потом всё же растолкали спавшего гренадера:

– Петрович! Без тебя не обойтись, наверно...

Тот хмуро глянул из-под косматых седых бровей, проворчал:

– Ну что за черти! И вздремнуть не дадут...

Уяснив ситуацию, поднялся, разогнал всех собравшихся у арбы, велел придерживать только, чтобы не заваливалась повозка. Взял колесо за две ступицы, крикнул, поднял и одним движением насадил колесо на ось. Сказал только:

– Что за слабый народ пошёл нынче... Остальное сами доделайте.

Прапорщик уже с любопытством слушал, как подначивали молодые солдаты гренадера:

– Чего это – «слабый»? Можно подумать, что раньше одни богатыри были. Что-то не слышали мы про таких! Святой Илия Муромский с товарищами давно жил, тогда, может, и были ещё богатыри. А сейчас все одинаковые!

...Нет, это было действительно чрезвычайно интересно. На его слуху разворачивался диалог, ещё недавно придуманный им самим! «Да-а, были люди в наше время...» Впрочем, этот гренадер на участника Бородинского сражения никак не похож – в тот год ему, вероятно, едва исполнилось пятнадцать лет...

– А ты себя не равняй даже! Богатыри есть и сейчас, были совсем недавно. Я тебе не совру – уж один такой точно был. Из наших мест, между прочим. Я со Стрельни родом, так вот там про него все знают, даже песни поют.

– Ну и что же он такого сделал?

– А ты не скачи как блоха! Прыткий какой! Сейчас всё и обскажу.

Петрович неторопливо расположился, так же неспешно достал табак, трубку набил, ловко высек кресалом об кремь искры на трут, раскурил... Прапорщик смотрел на это действо с затаённым восхищением: уж настолько вся повадка гренадера была наполнена силой и... уверенностью в этой силе. Видно было и другое: солдаты явно признавали за Петровичем право на такое поведение. То ли за боевые заслуги, то ли рассказчик он был хорош, то ли верным старшим товарищем был всем – кто знает? Прапорщик тоже устроился поудобнее, снял офицерский сюртук, оставшись в одной красной канаусовой рубахе. Белую свою неформенную фуражку, однако, не снимал, а черкесскую саблю на тонком ремешке, в красивых, с серебром ножнах удерживал тоже при себе. Приготовился слушать. Арбакеш всё кланялся солдатам, уложившим его скарб, всё благодарил не по-русски, хотя по жестам и интонациям было понятно, что русские люди – люди хорошие. Но каждый, кто видел и слышал всё это, прекрасно понимал, что пожилой мужичонка, с ног до головы обросший тёмными густыми волосами, в одну минуту может превратиться в умелого и жестокого воина, который при другом случае ни секунды не помедлит, увидев лицо того же самого доброго русского солдата, только что помогавшего ему, и тут же выстрелит прямо в это же самое лицо.

Прапорщик, ещё недавно бывший корнетом привилегированного лейб-гвардии Гусарского полка, за несколько месяцев, проведённых здесь, во время участия в боях и мелких стычках уже сумел понять то, что правители России, вероятно, не понимали никогда и не поймут в ближайшие столетия: эта земля – земля войны, эти люди – люди войны. Здесь нет иного служения, иных занятий, иных мыслей, кроме войны. Веками складывался этот образ жизни, когда пропитание и достаток добывались у соседей оружием, а не ежедневным трудом. Покорить их нельзя никакой силой, можно заставить их сложить оружие, но покорности пусть не ждёт победитель, потому что память о лихой хищной жизни, как костёр, гаснет очень долго.

Ты думаешь, что перед тобой остывший пепел, но пошевели его – и всегда найдёшь под ним непогасший уголёк... Ермолов был прав, ставя здесь казацки поселения, крепость Грозную: сила – против силы, обычаи против адатов. И постепенное, десятками, если не сотнями лет привыкание к мысли, что нормальная жизнь возможна только в мире и в постоянном труде...

Такие вот размышления увели прапорщика далеко, и он не заметил, что по соседству степенный рассказ уже идёт, что у Петровича прибавилось слушателей, а сам прапорщик не возле пыльной дороги находится, на смертоносном Кавказе, а где-то далеко на севере, в родных местах...

– ...А тогда с Наполеоном воевать наш император стал. А раз воевать, так, значит, служивые нужны, новые полки, новая армия. И пошла коса косить по сёлам и деревням! Я совсем малой был, меня тогда не скосило, а вообще-то у нас, в наших краях, это возле Стрельни, всех мужиков императорских вотчин (а там все земли императорские) собрали в один новый полк. И назвали его Финляндским зачем-то, будто мы чухня какая, а не русские люди. Да и то сказать – не совсем полк настоящий получился, а как бы ополченский. Как-то его ещё... О, ми-ли-цейским батальоном называли... А главным начальником был у них Великий князь Константин Павлович. Крепкий батальон был: пять рот, одна из них гренадерская, четыре мушкетёрские да ещё полурота артиллерийская была – людей больше ста, пушек с десятков...

– И погнали в Бородино? – встрял молодой солдатик с красным, облупленным от здешнего беспощадного солнца носом.

– Дурень ты, Петька. Если не знаешь чего – так не высовывайся, слушай, на ус наматывай... Какое Бородино, когда с французом война началась ещё годов за пять-шесть до того! Но воевали, правда, не в России, это потом Наполеон попёр на нас. А тогда всех наших в Ригу направили. Обучиться немного – и давай войю от души.

И состоял там наш мужик, Левонтий. Вот про него-то и речь у нас. Мне сродственник много про него рассказывал. Ещё дед его, Михаил Прокофьич, знаменит был по всем соседним деревням силой своей. Рассказывали, что на праздниках во время гуляний понасажает полный воз девок, чуть не со всей деревни, да и катает их – что в горку, что под горку! А сам вместо жеребца, да без пристяжных – один! Его за те катания так и прозвали – Коренной. А он и вправду во всём коренником был. Во всём. К примеру, если у кого изба покосилась, то сразу его звали. Походит он вокруг, посмотрит, потом возьмёт слегу потолще, почти бревно, и загоняет её под нижний венец. Забьёт, поднатужится да и поднимет всю избу, слышь, чтоб перекося не было. Только заранее предупреждал, чтоб стояли наготове с камнем большим, который под угол подставить надобно. И только потом туда чурбаки забивали, выравнивали...

До баб лютый был, ни одну не пропускал. Глянется какая – разговор быстрый: как увидел, так и сгрёб, а где сгрёб, там и... в лоб! Пытались его угомонить, наваливались разом, да только без толку: раскидает всех, тем дело и кончалось. И опять всё сызнова. У нас вообще народ в кости широк да в плечах, а в том селе да в окрестных деревнях как летом грибным: куда ни загляни – молитвами Коренного белая, крепкая братия подрастает под каждым кустом!

Ну, да это – дед. А Левонтий, родной внук его (по-нашему, по-деревенски Левонтием звали), тоже той породы: рост – гренадерского поболе, подкову смять – раз плюнуть. И вот когда, значит, в Финляндский батальон народ собирали с императорской земли, все молодцы были как один. Но Левонтий, конечно, на правый фланг! Так и пошла у них солдатская работа.

Не за себя, а за кого-то. Два года воевали с этим Бонапартием на чужой земле. И, видно, неплохо воевали, потому что уже через эти два года стрелнинский наш Финляндский стал гвардейским, и начали его называть лейб-гвардии батальоном Императорской милиции. А ещё через три года, как раз незадолго до того, как французы на нашу землю пришли, кончилась милицейская жизнь, батальон стал Финляндским лейб-гвардии полком из трёх егерских батальонов...

...Разгоревшееся было любопытство прапорщика стало постепенно тускнеть. Он никогда не разделял дотошного интереса русского воинства к истории своих полков ли, батальонов... Можно было, впрочем, понять некую словесную конкуренцию между элитными частями. Он, в недавнем прошлом гусар, и сам грешил этим делом: поглядывал на не-гусаров свысока. Но всё это было в прошлом, в другой жизни, а здесь война уравнила всех. Теперь, казалось ему, знание прошлых заслуг своей части не так важно, как память об истинных героях, о людях, которые и составляли славу русской армии.

Вот и в этом случае он ожидал интересного рассказа, сюжета, а не перечисления переформирований пусть даже одного из лучших русских полков. Он уже потерял нить рассказа, уже прикрыл глаза, уставшие от яркого солнца, но до слуха донеслась фраза Петровича:

– ...А прозвище было у него в полку Дядя...

Что за чёрт! Опять эта мистика! «Скажи-ка, дядя...» А может быть, правильнее было бы «Скажи-ка, Дядя»? Он снова прислушался.

– Он под Бородином хорошо бился. Да и полк отличился весь: егеря стояли насмерть, никак французы и поляки не могли их одолеть. Что? Да, поляки. Они ведь тоже на нас шли с Наполеоном...

...Да, конечно, поляки. Прапорщик попытался посчитать, сколько раз Польша сама или с кем-то в союзе оказывалась на исконно русских землях. Веками! Даже Москву захватывали, своего польского царя сажали. Грабили, жгли, убивали... И это – единство духа славян? При чём тут славяне? Католики и православные – вот причина, вот движущая сила этой неугасимой ненависти, напитанной высокомерием. Утвердить Крыж вместо Креста и повелевать, заставлять работать на себя. И самое во всей истории непонятное в том кроется, что самих этих гордых панов давили все кому не лень: шведы и прочие европейцы, но всё равно они неизменно устремлялись на Россию, усматривали причину всех своих бед именно в России, присоединялись ко всем, кто был против России! Каждый раз, так и не урвав кусок, получали сполна по заслугам, но всё равно – снова и снова устремлялись на восток... Вот и с Бонапартом – то же самое...

– ...И поляки обошли наших слева, пришлось даже отступить. Там два самых стойких полка держали оборону – измайловцы и финляндцы, на опушке леса, в кустах. Кавалерия в зарослях почти бесполезна, верхом поляки дальше пройти не могли, а пехоту польскую били и ружейно, и из пушек. Вперёд, правда, сами не шли. Уже к полковнику солдаты обращались: наступать-то будем или нет? А он им отвечал, мол, нет приказа. Вот тогда-то наш Дядя и отличился. Позвал его командир и велел взять нескольких добровольцев-товарищей, чтобы они на самый край пробрались и были как бы сигнальщиками, на случай, если поляки ещё глубже захотят обойти и с фланга или с тыла ударить.

Конечно, Дядя наших стрелнинских набрал из самых близких друзей. Перед уходом договорились стоять насмерть один за одного. И, слышь-ко, как в воду полковник Крыжановский глядел: сам-то он, говорят, из поляков был, так натуру ихнюю хорошо знал, наверно. Не успели наши посланные лесом пробраться на место, им сказанное, как Коренной остановился вдруг

и сказал всем за деревья спрятаться. Оказалось, стороной большой польский отряд тоже подбирается к опушке.

Дядя наш тут сразу смикитил, в чём полковник ошибся. Велено было открыть стрельбу, тогда, мол, полк услышит беспорядок на фланге и развернётся каким-нибудь батальоном навстречу. А дозорные, боевое охранение то есть, быстренько отступить должны к своим. А того полковник не учёл, сообразил Дядя, что вокруг тысячи пушек стреляют, войска палят друг в друга, кони эскадронами несутся, а рядом – штыковая и «ура!», а чуть в сторону подайся – там рубка идёт, кони ржут истошно, чуя смерть... И всё заволочло дымом пороховым, густым, без продыху, да на измайловцев и финляндцев другой противник прёт... Где уж там услышать за полверсты залп шести ружей!.. Пусть даже и дружный. Одна надежда: солнце уже к закату идёт, скоро начнёт темнеть. Если до темноты выстоять, то можно будет гонца послать к полковнику за подмогой.

Залегли они в кустах. Ещё раз наставлял Дядя товарищей своих:

– Видно, братцы, не уйти нам отсюда живыми. Потому как велено нам стоять здесь. И будем мы исполнять приказ. А заряды будем беречь до последнего, целить по офицерам да по заводилам, за кем солдаты идут. Ежели паче чаяния наши услышат стрельбу, Бога возблагодарим. Не услышат – всё, идём навстречу той судьбе, какая нам предназначена!

...Петрович рассказывал, и перед слушателями вставала как наяву картина боя. Несколько дружных залпов изрядно покосили строй поляков. Они остановились, пытаются понять: сколько их там, этих русских, сидит в засаде, что предпринимать будут... А залпы продолжались, плотные, смертоносные. Потеряв десятка два человек, отряд дрогнул, попятился. И в этот момент из кустов встали шестеро финляндцев. Грозно выглядели они, неся перед собой блестящие острия багинетов, шагая широкой поступью. Впереди, не оглядываясь, уверенный в том, что за ним поднялись все, шёл Дядя. В сумерках, в дыму не было видно, сколько русских идёт за первыми храбрцами. А за ними никого не было...

Поляки даже перестали стрелять и лихорадочно начали изготавливать к штыковой атаке. И вот в этот момент сзади, из леса, раздалось громкое «ура!», выбежали посланные на подмогу егеря-однополчане... Отряд был разбит окончательно, немногие оставшиеся в живых бежали с места этой маленькой битвы на поле большого сражения...

– Так откуда ж подкрепление пришло? – снова высунулся Петька. – Сам говоришь: не услышать ничего!

– Да откуда я знаю! Меня ж там не было. Я говорю, как у нас в деревне рассказывали. Наверно, полковник сам понял, что за грохотом можно и не заметить сигнала, и послал на помощь. А Дядя не посрамил лейб-гвардии егерский Финляндский полк. Все шестеро первыми в штыковую пошли и начали гнать поляков. Потом уж, когда песню сложили в полку, так и пели:

«Мы помним Дядю Коренного, / Он в нашей памяти живёт. / Бывало, на врага какого / В штыки с ребятами пойдёт. / Тогда булат зашевелится, / Бой рукопашный закипит, / Ручьём кровь вражья заструится, / А Коренной вперёд валит!»

– А наградили?

– Врать не буду, точно не знаю. Слышал, что вроде солдатским знаком отличия Георгиевского ордена. Но вообще-то у Дяди много таких случаев было. За один из них он такой чести удостоился, какой, наверно, в русской армии никто не имел.

– Ну да?

– А вот и точно! Сейчас перекурю, расскажу. О том небываемом, которое бывает...

...Прапорщик насторожился: что за солдат этот Петрович, что вот так просто повторяет слова Петра Великого? Нет, наверно, заурядное совпадение. Или это император где-то у народа выражение позаимствовал? Небываемое... Бывает оно, бывает... Несколько месяцев назад корнет блестящего лейб-гвардии Гусарского полка, злой остроумец, природные свои недостатки роста и стройности исправлявший славой искусного фехтовальщика, успехами у дам и мало кому известным пиитическим даром, разве он мог предположить, что всё своё зло, всю свою ненависть он выплеснет в двух десятках строк, бросит их в лицо обществу, как вызов на дуэль?.. Ах, Пушкин, Пушкин! И божество, и вдохновенье... Уж не вернутся они. Нет Пушкина. Ради кого другого сложились бы те строки? Ради кого другого он как награду принял бы эту ссылку на Кавказ? А ведь жизнь казалась такой благополучной! Теперь же помогла ему в недолгих кавказских странствованиях воспитанная с юнкерского училища способность слиться с обстоятельствами жизни, не покоряться им, не раболепствовать перед ними, уметь принять эти обстоятельства как единственно возможные в этот момент. Вот и сейчас: есть геленджикская окрестность, Кавказ, точнее – Предкавказье, дорога, на которой уже нет исправленной арбы, отдыхающие солдаты и неторопливый рассказ о недалёком прошлом... И ничего больше нет в мире! Впрочем, ещё в этом мире может быть очередной набег горцев...

Он посмотрел по сторонам, однако не только не увидел, но и не почувствовал ничего тревожного. Прислушался. За отдалённые вершины цеплялись облака и, наверно, шептались при этом... Оказаться бы там, в этом шёпоте. Но на таком расстоянии всё равно ничего не слышно. Только басовитый шмель Петрович гудит и гудит, иногда приостанавливаясь и присасываясь на затяжку-другую к своей обгоревшей самодельной трубке из какого-то корня...

– ...К этому времени уже давно Бонапартия за Березину погнала, уже и Кутузов не командовал, а дело было возле города Лейпцига. Тогда император наш Александр договорился с двумя другими императорами покончить разом с императором четвёртым – Наполеоном. Всё, вроде, приготовили, чтоб замкнуть его, а вышло-то не совсем так: уж больно ловкий и умелый был вояка. Да что я говорю! Да если б не был он сильным, разве дошёл бы он до Москвы? Тем и славно Бородино, что наполовину разбили там французов, хотя до того они сколько стран подмяли под себя. Но живуч был супостат! Из России бежал без оглядки, а ведь сумел снова войско собрать. Я не знаю, как уж там получилось: то ли измена между союзниками прошла, то ли кони в разные стороны поскакали, то ли каждый хотел себе всю славу забрать, про других забывая... Но не получилась тогда эта битва так, как было задумано. Говорят, многими языками и непониманием наказал Господь людей, и не достроили они Вавилонскую башню, не достигли неба, не сравнялись с теми, на небесах... Сражение то потом называли битвой народов. А ведь не народы там бились. Ну, какое дело тому же рядовому третьей роты егерского полка гренадеру Коренному до французов, если из своей страны он их уже выгнал? Бились там императоры. У каждого своя амуниция, у каждого своя амбиция. А Наполеон здорово дрался. Рассказывали, что тогда был даже момент, когда три императора совет держали, как его всё же скорей доконать. А он, слышь, их всех чуть в плен не взял. Только русские солдаты и выручили! Уж не знаю, правда или неправда...

А с Левонтием Коренным дело так обстояло. Битва эта очень долгой была – три дня подряд, да потом ещё мелкие сражения... И хотя разгромили французов, но Бонапартий этот ещё довольно много войска сохра-

нил и сумел из окружения уйти. А вначале-то никто и не знал, что всё так закончится. Слава-то великая у него была, вот и побаивались, осторожничали союзники. А перед этим городом Лейпцигом деревня была – Госса или Госсе, точно не скажу, там как раз наше войско было, и сам наш император Александр там находился...

...Прапорщик в который уже раз прикрыл глаза, давая волю воображению, и видел холм, где рядом с императором стояла немногочисленная свита. Александр смотрел на село. Каменные дома, из которых французов очень трудно выкурить, мощёные улочки, садики с желтеющей октябрьской листвой. Меж домов прячутся пушки, далеко не все из них ведут огонь, дожидаясь своего часа. Стрельба пехотинцев – редкая, отпугивающая. Кажется, место удобное для прорыва. Но это только кажется, потому что и французы отлично понимают, что если Госса, а точнее, госсинский холм будет взят, то до Лейпцига уже нет никаких населённых пунктов, можно будет наступать широким фронтом. Но Финляндский полк, осадивший село, продвигается что-то медленно. И русский император уже подумывает: а не поторопились ли мы месяц назад, присвоив полковнику Крыжановскому звание генерал-майора? Нужно послать роту-другую в разведку боем, чтобы убедиться, что за каменной оградой, опоясывающей деревню, не кроется засада... Император, не отрываясь от трубы, сказал:

– Немедленно послать к Максиму Константиновичу распоряжение пойти в атаку. И чтобы с тыла зашли. Кто там у нас на фланге?

– Те же финляндцы. Егерский батальон, Ваше Императорское Величество!

– Пусть демонстративно идут в лоб на ограду, берут часть сил противника, если они там есть, на себя. Отвлечь, отвлечь от главного направления! В случае серьёзного неравенства сил разрешаю отступить.

...И вот верховой уже влетает на позицию:

– Приказ Его Императорского Величества командиру батальона полковнику Жерве!

...А Петрович тем временем поёт полковую:

*«Молвил Царь: «Финляндцы, в дело!» / И Финляндский полк готов.
/ Сердце каждого кипело / Исполнять священный долг. / Командир всегда удалый, / Крыжановский наш орёл, / Молодцов своих со славой / В Госсу на врага повёл».*

...И сразу – шевеление, беготня, построение. Все офицеры впереди. Ещё бы! Приказ самого императора, который, как сообщил ординарец, будет лично наблюдать за действиями егерей и гренадеров.

Жерве обернулся к строю:

– Третья рота преодолевает ограду прежде всех, сразу за офицерами. Остальным ждать сигнала. И помните: на нас смотрит сам император! Вперёд! В атаку!

Пошли. Ускоренным шагом, почти бегом. Где-то впереди, на другой стороне села, идёт бой, слышны ружейные залпы, гремят орудия. А здесь – каменная ограда и ни одного выстрела. Только тогда, когда офицеры вместе с передовыми егерями спрыгнули на землю, они поняли, что попали в засаду. Французы были готовы встретить противника и с этого направления, но ничем себя не проявляли до поры, до удобного момента. И вот этот момент наступил.

Растерянность Жерве. Он со своей обнажённой шпагой суетливо оглядывается по сторонам: французы радостно бегут к ним. Ещё бы! Так повезло! Сразу несколько офицеров можно взять в плен. Егеря стали полукольцом, защищая командиров, но французов намного больше, и шансов уйти – никаких, сзади – стена...

Коренной перебрался одним из первых, ловил прыгающих сверху товарищей, помогал офицерам. Одним из первых заметил противника...

— ...И пошёл он на этих французов! А за ним — его земляки, друзья.. А враги вначале не сразу поняли, с кем им придётся дело иметь. Увидели, конечно, что здоровенный мужик на них идёт, но их-то много, смеются, пальцами показывают, что-то кричат. Наверно, чтоб сдавались они. А особенно Леонтия они хотели в плен взять, чтоб потом на площадях показывать: вот, мол, с кем приходилось нам воевать, вот зверина! Ну, вид у него, конечно, был в бою страшный. Пару раз он успел выстрелить, а они уже тут как тут с багинетами своими. Но с Дядей так шутить было нельзя, а они этого не знали. Полетели в разные стороны: кто проколот, кого прикладом по башке... А он уже на помощь офицерам побежал. Несколько егерей остались на месте, дрались геройски, но плетью обуха не перешибёшь: погибли все друзья Левонтия там же. На том же месте. А офицерам-то совсем туго пришлось, прижали их французы к стене с несколькими егерями; уже вокруг много мёртвых, что наших, что врагов, но дело безнадежное: французы, конечно, могли их всех расстрелять возле этой стены, но уж очень хотелось пленных привести своему начальству.

И вот тут-то сбоку на них, как медведь взъярённый, наваливается Коренной и расшвыривает их как котят. Своим штыком будто вилами орудует! Один, другой, третий... Попятились они в страхе, а Левонтий — к своим:

— Чего стали? Офицеров спасайте!

Егеря замешкались — как, мол, спасти?! А Дядя как гаркнет:

— Кто из офицеров если ранен, то спину подставьте, чтоб перелезть. Ну, а если кто цел-здоров, просто перебрасывайте!

Сам подхватил полковника Жерве под колени, толкнул вверх, тот и перевалился через ограду, как куль с мукой. Потом тем же путём ещё двоих перебрал. Двух раненых егеря аккуратно перетащили. И стали они у той стены, богатыри русские, и дали свой последний в жизни бой. Ни одного выстрела! Нет времени заряжать. Только дышат тяжело, только стоны да ругань на двух языках. Падали они на землю, которая им и матушкой-то не была, не могла она им сил придать, и умирали. Многие, может, успевали подумать, что враг тоже дорогую цену заплатил. А ведь так оно и было!

Вскоре Дядя остался один. Да ещё такая незадача: штык сломался. Да другая незадача — кровь из проколотой руки течёт, третья — из плеча кровь льётся, четвёртая... Восемнадцать таких незадач кровавых навалилось на Дядю Коренного, а он взял ружьё за ствол и всё бил и бил прикладом по головам, отбрасывал свору, но она вновь бросалась на великана, вновь кусала больно, а кровь всё текла и текла из ран... Он много крови потерял. Закружилась под ним земля, и упал он, уже не сознавая, что с ним...

Когда русская рота вся наконец ворвалась за ограду, когда погна-ли французов, егеря с помутнённым от горя разумом бросились искать Левонтия, героя этой битвы. Не нашли. У ограды лежало несколько десятков трупов врагов. Нашли тела и трёх последних егерей, кто ещё оставался с Коренным. А его самого нигде не было... Значит, решил полковник Жерве, попал его спаситель в плен. А это уже нехорошо, когда здорового солдата, не израненного, берут в плен, пусть даже он герой из героев, пусть даже он всё время кричал соратникам: «Не сдавайтесь!»

...Слушавший рассказ Петровича прапорщик при этих словах незаметно для себя кивал согласно головой: так у нас бывает часто. Человека какого-то уважают, ценят, любят, что-то очень нужное он делает... Всё нормально. Но стоит ему... нет, не оступиться, не предать, не украсть, не убить невинного — сделать что-то, что окружающие не в состоянии понять или просто не знают всех подробностей, мотивов поступка, и сразу всё кончается:

обходят стороной, как заразительного больного, как зачумлённого, не зовут, не приглашают, боясь, как бы высокое недовольство не передалось бы случайно им... И это – в жизни вполне мирной! А тут – война! Тут поиск предательства. Только что израненный человек спас тебе жизнь, а ты, Жерве, назначаешь его здоровым человеком, сдавшимся добровольно в плен! Ну неужели вот такое – сидит в русском характере и будет продолжаться и продолжаться из поколения в поколение? Впрочем, тебе, судя по фамилии – француз, трудно быть справедливым, воюя с французами...

А Петрович продолжал:

– ...Офицеры говорили полковнику, что Леонтий – герой, что не мог он сдаться в плен, на что полковник ответил, что он ещё не встречал случая, когда с поля боя забирали бы в плен израненного противника. В лучшем случае его оставят там, где он бился: если выживет – его Бог! В худшем же случае просто добивают тех, кто всё равно умрёт. А посему, закончил полковник Жерве, вывод может быть только один: Коренной не ранен, и он сдался сам, спасая свою жизнь. И обидно, что сделал это один из самых уважаемых солдат не только в роте, но и во всём полку...

Эх, не знал господин полковник, что имя Левонтия по всей армии русской разнесётся. Да он и не хотел в это верить. А дело было вот как.

...Когда Коренной очнулся, вокруг него были только чужие мундиры, говорили не по-русски. Быстро понял. Так. Французы. Плен. Он попытался шевельнуться, но увидел, что весь он – от головы до ног – в повязках, во многих местах сквозь них проступает кровь. Движение его было замечено, и над ним склонился офицер, спросивший по-русски:

– Как тебя имя?

Коренной ответил и сам поразился тому, как слабо звучал его голос, который всегда можно было услышать за версту. А по палатке лазаретной уже пошли перекрикивания, стали подтягиваться поближе люди, они разглядывали его и переговаривались. На лицах – восхищение, сочувствие, что угодно, но только не ненависть! Говоривший по-русски объяснил, что офицеры и солдаты пришли посмотреть на человека, который, имея восемнадцать штыковых ранений, продолжал биться до того момента, когда силы совсем оставили его.

К тому времени молва о русском богатыре уже прошла по всем уцелевшим частям французской армии. Доложили Наполеону. Он резко вскочил:

– Я должен это посмотреть!

И уже через несколько минут у полевого лазарета раздались крики:

– Слава Императору! Слава Императору!

Он стремительно вошёл под полог перевязочного пункта, остановился возле израненного.

– Как этот русский оказался здесь?

Врач склонил голову в вежливом поклоне:

– Так же, сир, как и все остальные: доставлен с поля боя на носилках.

– Сколько ранений?

– Восемнадцать, сир. Все штыковые и ни одного пулевого.

– Как же он дрался... – дрогнул голос. – Как дрался!.. Кто приказал доставить его сюда?

Молодой офицер сделал шаг вперёд:

– Я, Ваше Императорское Величество!

– Почему? И не смей лгать!

– Вы вправе меня наказать, но я это сделал в знак огромного уважения к такому великому воину.

Бонапарт рванулся к офицеру, обнял его:

– Bravo! Молодец, Вы оказались очень достойным человеком!

И вышел из перевязочной. Уже на следующий день в войсках зачитывался приказ императора, где простой русский солдат назывался героем, ставился в пример в исполнении воинского долга и верности своему Отечеству. Император призывал всех французов быть верными и бесстрашными, как русский рядовой Леонтий Коренной.

Вернулся Дядя через несколько дней: бледный, похудевший, весь в повязках, которые за время пути уже и испачкались, мундир был распорот во многих местах французскими штыками. Провели его к полковнику. Увидев грязного и оборванного Коренного, Жерве нахмурился и нетерпеливо сказал:

– Н-ну-с-с... Докладывай. Где пропал, дезертир?

Коренной недоумевающе похлопал глазами, потом всё же ответил:

– Никак нет, не дезертир, ваше скобородие! Честь имею явиться. Из плена прибыл. Отпущен по приказу лично самого Бонапартия...

И у Жерве отвалилась челюсть!

...Петрович после своего рассказа сделал эффектную паузу, а потом добавил:

– Потом, конечно, всё и прояснилось. Из пленных нашлись свидетели, полностью подтвердили. А Коренной всё это время, пока выясняли, всё маялся под арестом. Зато потом! Наш император произвёл его в подпрапорщики, стал он знаменосцем полка. А наградили его такой наградой, какой, наверно, ни у кого больше нет. Такая большая серебряная медаль на шею. А на ней написано: «За любовь к Отечеству».

Прапорщик дослушал Петровича, чуть заметно улыбаясь: слава Богу, хоть одному повезло, не утонул в несправедливости. Впрочем, сейчас, почти четверть века спустя, героям нашего времени везёт совсем не часто. А тогда ещё сохранялись остатки рыцарства...

...Где-то не очень далеко раздалось несколько выстрелов. Все вскочили на ноги. Куда девалась расслабленность, висевшая над ними всего минуту назад? Здесь почти каждый знает, что в любую минуту может случиться что-то неожиданное. Вот и сейчас все одновременно поняли, что боевое охранение, выставленное перед привалом и вверх, и вниз по дороге, подало сигнал тревоги. На сей раз какая-то опасность исходила снизу. Что там? Кто знает?

Петрович экономными движениями быстро отряхнулся, заправился, подтянул ремни, проверил оружие – привычный набор самых необходимых сейчас действий. Молодые занимались тем же самым, тем не менее поглядывая на старого служаку. Они ещё продолжали сбор, а Петрович уже стоял посреди дороги. Если бы художнику нужно было нарисовать картину «Солдат накануне похода», то, конечно же, натурщиком он взял бы Петровича. Подтянут, чист, всё, что нужно, блестит. А если б кто-то сказал, что на самом деле так выглядит солдат в середине тяжёлого перехода, то его, несомненно, обвинили бы в приукрашивании действительности... Через минуту, когда все почти были готовы что в поход, что в бой, прапорщик, тоже уже в мундире, держал под уздцы своего коня и слушал, как Петрович негромко говорил соседям по строю:

– Забыл ещё про Коренного сказать. Про полковую песню сказал, а вот про припев забыл. Думаю, что он нам сейчас и пригодится, даром что мы не финляндцы...

И запел негромко:

«Ура! Ура! Финляндцы! / Вы стяжали славу / Повсюду, где ходили в бой, / В сраженьях видели забаву, / Там каждый был из вас герой!»

Прапорщик незаметно вздохнул: да уж, забавы. Забавы девятнадцатого века...

Галина
ТАЛАНОВА

ТИХАЯ РЕКА

Вернулись тихая река
И ощущение покоя
Под лёгкий шелест ветерка...
Но облака бегут в три слоя.
И над кувшинкой стрекоза
Зависла, будто засыпая.
И заросла травой коса,
Где ласточки сбивались в стаю.
Не строить им в песке свой дом...
Зарос шиповником весь берег.
И узнаю всё здесь с трудом,
Хотя ключом открыла двери...
А может, в доме всё как встарь –
То я другая: постарела.
Листает время календарь
Под скрип уключин заржавелых.

-
- Галина Борисовна Бочкова (Галина Таланова) родилась в г. Горьком. Окончила с отличием биологический факультет Горьковского государственного университета по специальности «Биофизика». Работала в Горьковском филиале Института биофизики МЗ СССР, в Горьковском НИИ эпидемиологии и микробиологии. С 1995 года работает в ООО НПО «Диагностические системы». Кандидат технических наук. Автор более 50 научных работ, в том числе научных докладов на международных конгрессах и симпозиумах в Париже, Глазго, Копенгагене, Вашингтоне, Сан-Антонио, Вене, Милане, Франкфурте-на-Майне, Барселоне, Берлине, Венеции. Поэт и прозаик. Член Союза писателей России с 2009 года. Автор восьми книг стихов и четырёх – прозы, имеет более 130 литературных публикаций. Лауреат премий «Болдинская осень» (2012), журнала «Север» (2012), Международного конкурса «Её Величество Книга!» (Германия, 2016), дипломант VII Международного Славянского литературного форума «Золотой Витязь» (2016), дипломант международных конкурсов им. Ольги Бешенковской (Германия, 2015), им. де Ришелье (2016, 2017), им. Мацуо Басё (2016), премии-ордена им. Кирилла и Мефодия (2016), «Русский Stil» (Германия, 2017), конкурсов «Лучшие поэты и писатели России» (2013, 2016, 2017), «Современная российская литература (2017), им. М. Цветаевой (2017), вошла в лонг-лист премии им. И. Бунина (2011, 2012, 2015, 2017), в шорт-лист Международной премии им. Ф. Достоевского (2017).

Ушла жара.
И возвратилась грусть.
В саду большом такое запустенье!
Где каждый куст я знала наизусть,
Плутаю нынче в дебрях из растений.
Трава по пояс,
Клёны, тополя –
Всё в рост идёт,
И всё чужое стало.
И глинистая плотная земля
Лежит подобьем насыпного вала –
То сель сошёл,
Как в детстве.
И вода
Неслась с тем грозным рёвом водопада,
Что, кажется, сметёт всё без следа
Ухоженного яблочного сада.
Змеились всюду мутные ручьи.
Сбиваясь в стаи красными боками,
Там яблоки в них плыли, как мячи,
И их ловили детскими сачками.
И сель за селом
Вкапывал дом в грунт:
Так нашу юность погребают годы.
Спит под землёй сошедший с гор валун.
Лишь все капризы те же у погоды.

О чём кричите, вороны,
Над летнею рекой?
Гляжу во все я стороны,
Гоню прочь непокой.
Но вы так надрываетесь,
Что снова всплыл погост,
Весь в белой, снежной завеси
Обледеневший мост,
Ажур оградки, кованный
Заботливой рукой..
И вся рябина склёвана.
И ветер верховой,
Качавший ветки голые,
Как будто заводной..
И сердце, будто полое,
Заполнилось виной.
Зачем кричите, вороны,
Над зеркалом воды?
И голоса
Как сорваны
При крике от беды.

И тёплый дождь
Вдруг всё перевернул.
Такой неожиданный, пахнувший озоном.
И гром, как будто самолёта гул,
Не сильный, но стекло дрожит со звоном
На старенькой веранде...
Кап-кап-кап...
И звук – как стук тяжёлый на погосте.
И на крыльце следы кошачьих лап –
Пожаловала от соседки гостья.
Ещё не осень.
Летняя гроза.
Но ластится тоска,
Как будто кошка:
Замрёт, следя за птицей, для броска...
Как хочется пожить ещё немножко!
Смотреть на ветки вековой сосны,
Что колют небо жёсткой щёткой хвои,
Зелёные с весны и до весны,
Неумираньем сердце беспокоя.

Пустые улицы...
В заплатках окон свет:
Все по домам сидят на карантине.
Не купишь к морю синему билет...
И во Всемирной тонешь паутине.
В ней фейки, страхи, одинокий крик
И невозможность обниматься с другом;
Прозрение, что жизнь – лишь краткий миг;
Молитвы, чтоб земля не стала пухом...
Но потянуло
Воздухом дышать
Апрельским,
Что пропитан талым снегом,
Ведь от себя никак не убежать...
И кажется всё мороком и бредом...
...Стучат по тротуару каблучки,
Как те часы,
Что счёт ведут до взрыва,
Что мир разносит в мелкие клочки...
И я иду домой так торопливо,
Хотя никто не ждёт...
Но здесь не по себе...
И улица какая-то чужая.
И дождь играет на сливной трубе,
Как в путь последний, горький провожая.

И скоро август станет на пороге.
Пока же дни как солнцем налились.
Мне кажется:
Ромашки у дороги
И те рванули в голубую высь.
День бархатный,
Как кожа абрикоса.
И пчёлы собирают все нектар.
Но не уйти от жгущего вопроса:
Зачем был в руки дан нелепый дар?
Зачем слова нанизывать на нитки,
Как бусы собирать из желудей?
Стихи хранить как золотые слитки,
Что извлекла из шелеста дождей?
Зачем всё то,
Коль милый не услышал
И притулился к женщине земной,
Что знает точно:
Если дождь по крыше,
То сад не поливают в выходной.

Ничего не осталось для счастья.
С болью в сердце сидеть у реки.
Все воздушные замки на части
Разлетелись –
И с лёгкой руки..
Как же тихо!
Скользит водомерка
И не тонет в глубокой воде.
Жизнь мелькнула, как рыжая белка
По заросшей травой борозде.
В горле ком
Я катаю упрямо..
Вдруг да вытолкну с новым стихом?
И глядит из-за облака мама,
Машет белым, ажурным платком.
Я возьму белый камешек кинуть,
Чтоб круги побежали опять –
Но опока рассыплется глиной,
Как песочек, на водную гладь.
Значит, время приходит смиренья
И для камня ослабла рука.
Только в памяти нежить мгновенья
И качать, как река, облака.

И радуга после грозы
Растаяла заревом света.
И высохли капли росы
Под розовым краем рассвета.
И в ласковом лете одна
Я мяту среди трав собираю,
Как будто сумеет она
Снять боль, обложившую в мае.
Не слышала даже: «Прости,
Что осень уже неизбежна».
...Лишь воздух духмяный в горсти
Сжимаю по-прежнему нежно.

БОЛЕЗНЬ

Закутаться в немую тишину,
Как в ватное большое одеяло.
Готовиться к спасительному сну.
Скруглять углы,
Как мудрое лекало.
Болезнь баюкать.
Милых вспоминать,
Забредших в сердце
В отцветавшем мае.
Как самолёт-ковёр парит кровать.
И я лечу, как в детстве, в птичьей стае..
Болезнь не страшно.
Больно вспоминать.
О будущем подумать вовсе страшно.
Но одеяло греет, словно мать.
И хочется вернуться в день вчерашний.
Следы стирает мягко снегопад.
Метель, и завалило снегом окна.
В одеждах белых потерялся сад.
Жизнь полиняла, выцвела, поблёкла.
И только там,
Средь памяти моей
Я слышу птичье пенье за окошком.
И вижу сонм истоптанных теней,
Усыпавших судьбы моей дорожку.

Окончилась рождественская сказка.
От ожидания чуда – ни следа.
Я по асфальту волоку салазки,
Не прокатившись в них по корке льда.
Ушла любовь с бенгальскими огнями,
И пахнет серой палочка в руке.
И почему-то больше уж не тянет
К огням цветным, что манят вдалеке.
Я так боюсь игры неверной света
И миражей оранжевых во мгле,
Когда лицо, зардевшись от ракеты,
Напомнит: всё сгорает на земле.

Не провожаю високосный год.
И не встречаю Новый год с надеждой...
Как будто вдруг окончился завод.
Смотрю на город:
В белых он одеждах –
Невесты цвет и платьев выпускных,
Халатов белых у врачей в больницах,
Листочков чистых в книжках записных
И инея на маминых ресницах
В тот март, когда зажмурила глаза
И перестала ограждать от мира.
И я в себе ловила голоса,
Как звуки приглушённого эфира.
И снег ложился на её виски
И заносил года, что за плечами...
И лишь стихи – спасенье от тоски,
Что мучает беззвёздными ночами.

**Александр
ЛЕПЕЩЕНКО**

СМЕРТЬ НИКТО НЕ СЧИТАЕТ

Главы из романа

Посвящается моей жене

«Смерть никто не считает» – роман, в котором всё поверяется классиком русской и мировой литературы Ф. М. Достоевским. Бермудская «зона» с многочисленными чудесами и таинственным Стражем порога, наконец, сам Океан – вовсе не главные герои. Главные – это русские моряки-подводники, попавшие «в тиски экстремальной нравственности». А их подлодка – «исповедальная барокамера, где нагнетается такое моральное давление, под которым память выдаёт подспудное».

Достоевщина? Скорее, «пропетая сердцем сказка про Человека». Человека, который возвысил голос и сказал, что «бытие только тогда и есть, когда ему грозит небытие». Конец света. Ядерный апокалипсис.

Уж сколько людей померло, а смерть никто не считает.

**Андрей Платонов
«Чевенгур»**

Военно-Морской флот должен иметь способность нанесения неприемлемого ущерба противнику в целях его принуждения к прекращению военных действий на условиях гарантированного обеспечения национальных интересов Российской Федерации.

**(Основы государственной политики
Российской Федерации в области военно-морской
деятельности)**

*Море уходит вспять.
Море уходит спать...*

**Владимир Маяковский.
«Неоконченное»**

-
- Александр Анатольевич Лепещенко – член Союза писателей России, член Союза журналистов России, лауреат международных литературных премий, автор книг «Монополия», «Сороковой день» и «Смешные люди».

ГЛАВА ПЕРВАЯ

В конце июля, в чрезвычайно жаркое время, под вечер один молодой человек вышел из своей клетушки, которую снимал в Г-м тупике, на улицу и медленно, как будто колеблясь, отправился к А-ву мосту.

Хозяйку свою он, к счастью, не встретил. Сейчас ему вовсе не хотелось перед ней изворачиваться, извиняться и лгать, что, как только мать денег пришлёт, он рассчитается за гостеванье. Впрочем, эта вспухшая, с девственными щеками хозяйка не очень-то и напирала бы насчёт платы, будь он помарьяжней с нею. Но в последнее время молодой человек, слыша призывное царапанье её ноготков в дверь, почему-то не открывал. Гасил лампю и притворялся, что его нет, хотя она точно знала, что из своей клетушки он даже не выходил. Её белые матовые коленки ещё больше белели, она тосковала и злилась.

Молодой человек тронул аттические усики.

«На какое дело хочу покуситься, а от бабёшки таюсь! – поморщился он. – Как же это верно подмечено, что всё в руках человека, и всё-то он мимо носу проносит, единственно от одной трусости... Это уж аксиома... Испугаться нового шага, нового слова – это не всё равно что испугаться гада пустыни – скорпиона... О, что за дичь!.. И зачем я теперь-то выскочил? Разве с моей кишкой на такое выскакивать?..»

Вороны расчёсывали крыльями знойный воздух.

Многие окна были распахнуты, но занавески не надувались пузырьём и не проникали глубоко в комнаты. Молодой человек вглядывался в дома цвета жидкой похлёбки, пока на берегу Невы перед ним не предстала огромная полусгнившая распивочная. Нестерпимо воняло солёной рыбой, и какой-то пьяненький горланил песню.

*У боярина жена лакома,
Отвернёт на сторону,
Да не всякому...*

В распивочную молодой человек не зашёл, а напротив, удалился от неё и от реки. Путь он держал – и теперь это было совершенно ясно – к зевастой подворотне. Вскоре он юркнул туда, пересёк петлистый, замуравленный травой двор и оказался перед подъездной дверью. Набрал код. А когда дверь затворилась, постоял, прислушиваясь, на лестнице и прокрался на четвёртый этаж.

Всё то время, что молодой человек был в квартире Алёны Ивановны, минуты падали как ножи, вызывая у него страх и омерзение. Пока он убивал старуху-процентщицу, пока лушил топором по голове её несчастную сестру Лизавету, некстати вернувшуюся домой, ему казалось, что время сделалось ракоходным. И, терпя бедство, только случайно не остановилось вовсе.

Как он потом очутился в своей клетушке, в Г-м тупике, молодой человек не постигал. Несколько дней кряду колотился в лихоманке. Жара в животе. Такое обмирание! Временами, правда, очухивался и начинал искать заносенный, с пятнами крови носок. А ещё тревожился о том, куда делось орудие преступления и прочие улики. И только когда сознание его открылось как рана, вспомнил, что тщательно обмытый топор он положил обратно в дворницкую, причём сразу же после убийства, а ценные вещи снёс в один глухой двор, под камень. Но так и не рассмотрел, что именно снёс. Точнее, совсем этим не интересовался. Да и денег Алёны Ивановны, лежавших в верхнем

ящике комода, не тронул. «И ограбить-то не умел, – говорили о нём впоследствии, – только и сумел, что убить! Первый шаг... первый шаг... потерялся! И не расчётом, а случаем вывернулся!»

Но вывернулся ли?

Примерно через пять до тошноты одинаковых и страшных дней после убийства, ещё вдребезги распатанный, он куда-то засобирался. Большой синий город лежал перед ним. Сеял дождь своё просо. Скучно работали фонари. Но и этого оказалось довольно, чтобы разглядеть необычного человека средних лет. О таком бы, пожалуй, сказали: «с огоньком сугубой бдительности в глазах».

– Убивец! – оскалил вдруг крупные зубы незнакомец.

– Да что вы... что... кто убийца?

– Ты убивец.

Молодой человек подался к незнакомцу, словно хотел пригвоздить на месте, но тот исчез.

«Наверное, скрылся в подворотне... Ба! Да это та самая подворотня... А вон дом и окна Алёны Ивановны... Почему же у неё горит свет?»

И тут он встрепенулся – послышался звон разбитого стекла. Бросил себя к дому, вкатился в подъезд и – наверх, перескакивая через две, а то и три ступени сразу. Дверь в квартиру была отворена настежь. Молодой человек тронул колокольчик на входе, но тот не звякнул – куда-то запропастился язычок.

Из прихожей была видна половина ночи, и в ней слоистая и тёмная вода, просачивающаяся с самого верха. Когда поток воды забурился, с потолка отвалился кусок штукатурки. Потом ещё один. И другой... Кажется, вода была горячей, поскольку от молодого человека шёл пар, но он этого не замечал. Как не замечал и муху, с налёта ударившуюся об единственное уцелевшее стекло и жалобно зажужжавшую. Если что и видел он, то это лишь жиденькие пегие волосы, опускавшиеся на чьё-то лицо. И хотя лица нельзя было разглядеть, но молодой человек знал, что это старушонка. Ведь встреча их была неизбежна, как встреча жертвы и палача.

«Вот бы ей... э-э... свинцовую синицу посадить в грудную клетку», – зло подумал он о старушонке.

– Как же так, Саша? – узнал он голос матери.

От неожиданности у молодого человека даже запеклась душа. Теперь он видел не Алёну Ивановну, а свою матушку. И она обращалась к нему, как когда-то в детстве. В нём заскулила слабая боль, и он выдохнул.

– Мама... Я, я не хотел. Это всё тот, другой... Урод, фуляровая кровь...

– Знаю.

– Мне так трудно... Я распят на собственной жизни, как на кресте.

– Из-за того, другого... Я знаю...

– Помоги мне, пожалуйста!

– Помогу, только вымой руки. Глянь, как ты испачкал...

Матушка не договорила – щёки её тронуло робкое пламя. И вдруг она вспыхнула вся, с головы до ног, и была сожжена настоящим, заправским огнём. Почти сразу сгорел и её сын. В последний миг своей жизни он видел лишь бессмысленно кривившийся диск в небе. И то, как это небо и этот диск разъедались страшным световым мором.

...Широкоград почувствовал боль в шее и – проснулся.

«Отлежал, наверное... Ещё бы! Такой триллер посмотреть... с ядерным околеванцем в эпилоге... Впрочем, если бы так начинался какой-нибудь

современный роман, то начало было бы так себе... Кого теперь удивишь убийством?.. Удивишь? Да разве этого хотел классик?»

Александр Иванович покосился на книгу, темневшую на прикроватной тумбочке, и нахмурился.

«Рассказали страшное... Дали точный адрес... старухи-процентщицы. Нет-нет, это не Достоевский сработал, а спусковой механизм проблем... Ну конечно, так и есть. Когда вернусь в Волгоград, надо будет к матушке съездить... Как она там, на новом месте? Уживётся ли с тёткой? Почему ко мне не перебралась? Беда! В семьдесят девять лет в погорелицы угодить...»

Снова упал его взгляд на книгу: была она сине-серой, а вовсе не чёрной, как ему до того казалось. Он даже подивился. Взял её и, загадав по обыкновению строку и страницу, открыл. Нацепил очки и прочёл вслух: «Ну так вот, брат, чтобы лишнего не говорить, я хотел сначала здесь электрическую струю повсеместно пустить, так, чтобы все предрассудки в здешней местности искоренить».

– А что, брат, по существу! – усмехнулся Александр Иванович.

Он оставил книгу на кровати, влез в халат с якоробразным вензелем гостиницы «Адмиралтейская», раздвинул жалюзи и открыл окно.

Облака плавали по небу.

«Если по существу, то между мной и Раскольниковым, – думал Александр Иванович, – нет ни единой пылинки, которой я не отверг бы... Все эти его деления людей на разряды не допускают перемирия между мной и ним...»

– Никакого перемирия...

«Да, я книжник, как и он. И что? У него все твари дрожащие и грязная пена, а я под каждым платоновским словом о жизни подпишусь. Разве количество радости, оптимизма приблизительно не одинаково? И оно, это количество, не способно проявляться почти в любых формах?.. В самой даже жалкой форме? Разве кто-то может, хочет отложить жизнь до лучших времён? Нет, он совершает её немедленно, в любых условиях. Конечно, нельзя согнуться всем, присмиреть. Этого-то как раз и нельзя!»

«Ах, нельзя... Да слышал ли ты, непримиримый, что есть золотое правило механики?» – возразят потомки Раскольникова.

«Слышал... Только я и другое слышал: не живите никогда по золотому правилу... Это безграмотно и нечестно... Природа более серьёзна, в ней блага нет...»

«Вот именно... – захохочут мне в лицо наши новые казуисты. – Без блага же достиг моллюск чести сделаться прародителем человечества...»

«Плевать на выточенную как бритва казуистику... На это ваше психологство... Я упрямо вторю Платонову... Нет выхода даже в мыслях, в гипотезах, в фантазии – после хорошего рассмотрения обязательно окажется Господь... Да что бы ни было... Слышите, казуисты? Даже выдумать что-нибудь нарочно, противоположное Господу не удаётся. Только из-за таких, как вы, казуистов, мы действительно (мы – весь мир) попались в страшную ловушку, в мёртвый тупик. Вероятно, в истории это уже было не раз...»

Резню с потомками Раскольникова остановил телефонный звонок.

– Александр Иваныч, ты уже проснулся? – послышался в мобильнике ровный, приглушённый голос Савельева. Он всегда говорил так, вполголоса.

– Давно, Андрей Николаич, – ответил Широкопад, перенявший у бывшего своего командира манеру не здороваться, а словно продолжать не сегодня даже начатый разговор.

– Помни: встречаемся вечером у Метальникова! Посидим, выпьем. Да, вот ещё что: будь поделикатнее с ним... Я не успел тебе рассказать, извини... Но полгода назад какие-то подонки убили его единственного сына. В общем, Вячеслав ещё не оправился. А может, и никогда не оправится...

– Я понял, командир. Мы больше скажем молча, чем если будем обсуждать происшедшее.

– Всё так, Александр Иванович, ты правильно понял... Ладно, бывай! Э-э, отставить! Ты готов к записи передачи? Завтра тебя, меня и Метальникова ждут на телевидении...

– Запишемся, Андрей Николаич.

– Ну всё, бывай!

– Есть бывать!

Широкорад выключил мобильник и пошёл в ванную. Быстро помылся, побрился, подправил молодежавые усики. Потом достал из шкафа костюм и, почистив щёткой, надел. Синий, отменно сшитый костюм сел так как надо. На лацкане серебрилась маленькая подводная лодка. Александр Иванович лишь перевязал бордовый галстук – не нравилась морщина на узле, и тщательно поправил воротник рубашки. Наконец закрыл номер на ключ и отправился завтракать. На лестнице ему повстречалась распылившая ярко-красный рот хозяйка гостиницы. Широкорад суховато, но вежливо поздоровался с нею, не обратив, впрочем, никакого внимания на её призывно белевшие коленки. В многочисленные зеркала, развешанные по стенам гостиничного ресторана, он тоже не глянул. Собственно, он никогда не смотрел в зеркала. Не фотографировался на память и покидал троллейбус, если видел кого-нибудь похожего на себя. А ещё испытывал тошноту, замечая у других свою интонацию.

Уже без семи минут девять он вышел из гостиницы «Адмиралтейская», в которой занимал люксовый номер, и не спеша направился к Дворцовому мосту. Главный военно-морской парад был назначен на десять ровно, поэтому Широкорад не торопился. Когда он миновал Генконсульство Румынии, Музей политической истории, сад и декоративные якоря, то заметил на гранитном парапете набережной свежую – ещё вчера её здесь не было – надпись:

*Море уходит вспять.
Море уходит спать...*

«Какой-нибудь разлюбленный курсантик поработал...» – мелькнула мысль у Александра Ивановича.

И вдруг, будто смотав в клубок лет эдак тридцать пять жизни, он, черноусый мичман, нестеснительно уселся в первом ряду гарнизонного Дома офицеров, между каперангами и кавторангами, чтобы насладиться выступлением Полины Душиной.

Если б кто дерзнул в ту пору сказать о ней, что, мол, «фельдшерица подходящая», то с зубами бы попрощался тотчас. Но и в последующие годы он никому бы не позволил так отзываться о Поле. Впрочем, теперь уже о Полине Ивановне Широкорад. А читала в тот далёкий день со сцены Дома офицеров она Маяковского, его «Неоконченное». Вот эти самые, начертанные теперь на невском граните строки...

До замужества Полина угощала иных ухажёров озорной частушкой.

*Я какая ни на есть –
Ко мне, гадина, не лезь!*

*Я сама себе головка,
А мужик мне не обновка!*

Саше же она признавалась в письмах, что любит «сердцем и кровью». И Широкоград тысячи раз потом перечитывал эти письма в заморье. А в редкие встречи на берегу целовал Полину и называл тёплой крошкой своей. А ещё говорил: «Красива собой и настолько хороша, словно её нарочно выдумали тоскующие и грустные люди себе на радость и утешение». Нет, он не сам это сочинил, но ему очень нравилось. Когда вернулся из третьего похода, позвал девушку расписываться в ЗАГС – отказ не принимался. Ну а в 1981-м появилась Поля-маленькая, она же Полик, Полёнок, Детик.

Широкограды не могли сказать: «Приходи к нам, тётя лошадь, нашу детку покачать...» Ведь ни тётки, ни других родственников в Гаджиево не было – кто в Волгограде, кто на Смоленщине. В общем, управлялись сами. Александр Иванович научился не только яичные ромашки на сковородке подавать, но и кое-что поинтересней. А именно плов. О, что это был за плов! Даже лучший кок Северного флота Михаил Григорьевич Борейко пускал слезу от зависти. Слеза одна, на две, как говорится, не было силы. В доме же поселилась пара кошек, пара собак. Денег порой не хватало, а вот глупостей не водилось вовсе.

...В медленные воспоминания Широкограда проникали быстрые.

«Любовь в этом мире невозможна, но она одна необходима миру. И кто-нибудь должен погибнуть... А иначе нельзя... Или любовь войдёт в мир и распяет его... Или любви никто никогда не узнает...»

В Неве началось какое-то прозябание – ещё не движение, а лишь слабый ток, медленное зарождение события. И наконец вызначилось: белый катер с президентским штандартом возник и полетел к десантному кораблю «Минск», малому противолодочному кораблю «Уренгой» и ракетному катеру «Дмитровград», выстроившихся в линию возле острова Заячий и Петропавловской крепости. С кораблей, возглавлявших парадное построение, то и дело неслось: «Здравия желаем, товарищ Верховный главнокомандующий!» А потом приветствовали президента экипажи малых кораблей и дизельных подлодок, растянувшихся от Летнего сада до конца Английской набережной.

На большом экране Широкограду было видно, как с президентского катера бросили швартовые концы на Сенатскую пристань. Мелькнули сюртук и кителя... Президент, министр обороны и главком ВМФ поднялись по гранитным ступеням на просторную набережную и, пройдя к памятнику Петру I, заняли места на трибуне.

Грянул гимн. А когда отторжествовал, ведущий объявил, что на Адмиралтейскую набережную выносятся развёрнутое полотнище кормового Георгиевского флага линейного корабля «Азов» – символ этого парада. Александр Иванович глядел на моряков, направлявшихся к западной башне Адмиралтейства. На шпиль высокой башни они и должны были поднять флаг.

– В Наваринском сражении, – говорил полным голосом ведущий, – «Азов» потопил три фрегата, один корвет, вынудил выброститься на мель и сжёг восьмидесятипушечный турецкий флагман «Мухарем-бей». Наш же флагман получил сто пятьдесят три пробоины... Из них семь – ниже ватерлинии... Были снесены все мачты, стеньги и реи, прострелены паруса, перебит такелаж. Геройски проявил себя лейтенант Бутенёв: с раздробленной ядром рукой он командовал батареей, игнорируя просьбы отправиться

на перевязку. «Надо было любоваться, с какой твёрдостью перенёс он операцию, – писал впоследствии Нахимов, – и не позволил себе сделать оной ранее, нежели сделают уряднику, который прежде его был ранен...» За подвиг в Наваринском сражении командир «Азова» Лазарев получил звание контр-адмирала. Лейтенанты Нахимов и Бутенёв были удостоены высшей награды для молодых офицеров – ордена Святого Георгия четвёртой степени – и произведены в следующий чин капитан-лейтенанта. В следующий чин был произведён и мичман Корнилов. Он получил орден Святой Анны четвёртой степени. Сам же «Азов» был отмечен высшей наградой... Указом Николая I от 17 декабря 1827 года впервые за всю историю русского флота кораблю были пожалованы кормовой адмиральский Георгиевский флаг и вымпел «в честь достохвальных деяний начальников, мужества и неустрашимости офицеров и храбрости нижних чинов».

Моряки отливали шаг.

«Корнилов, – ковырнуло вдруг Широкограда, – а точнее, вице-адмирал Корнилов... Он погиб, обороняя Севастополь... Нахимов же принял потом командование... И тоже услышал злоречие пули...»

– Злое место пустым не бывает... Это уж верно подмечено...

Нева текла тихо. Александр Иванович наклонился над прошлым, как над Невой, и ничего поначалу не увидел... Но потом показалась тёмная спина подводной лодки... В беловатом пару октябрьского дня она вышла из базы в Гаджиево, чтобы следовать своей водяной дорогой... В 1985-й...

ГЛАВА ВТОРАЯ

– Вижу: слева семнадцать, шестьдесят пять кабельтовых – рыболовный траулер идёт вправо.

– Есть, сигнальщик, – отозвался вахтенный офицер.

– Поздно заметили, сигнальщик, я наблюдаю за траулером, – сказал капитан первого ранга Савельев, сверяясь с наградным водонепроницаемым хронометром, – уже двадцать секунд... Вахтенный офицер... Леонид Ильич, вы невнимательно несёте вахту. Соберитесь!

– Есть, товарищ командир! Больше не повторится.

– Что с вами такое, Воркуль? Вы изменились в последнее время... – вкрадчиво вклеил замполит Базель.

– Разрешите не отвечать на вопрос, товарищ капитан третьего ранга... К службе это никакого отношения не имеет...

Лев Львович Базель уловил некоторую небрежность к себе в нарочито вежливых словах вахтенного офицера и обиженно поджал маленькие губки.

На мостике шикнуло переговорное устройство.

– Товарищ командир, пришли в точку погружения. Штурман.

– Есть, штурман.

Савельев привычно вонзил серые глаза в сигнальщика, вахтенного офицера и замполита и скомандовал:

– Всем вниз, погружаюсь.

А по громкой связи уже неслось: «По местам стоять к погружению».

И, словно эхо, возвращалось: «В первом по местам стоят к погружению», «Во втором по местам стоят к погружению...»

Зацапанный ветром Савельев вдруг вскинулся. Ему сразу стало легко, будто сбросил с плеч тяжёлую медвежью шубу. Будто не цепенел только что на мостике. Андрей Николаевич почти прошептал:

– Гениальное море... Жаль, штурман не видит... Иван Сергеич точно не удержался бы, пустил бы в ход поэзию... Как тогда в Крыму... Что-то про цветы... Ну да, про них... и небо синее... То в нос тебе магнолия, то в глаз тебе глициния...

Андрей Николаевич, посмеиваясь, задраил рубочный люк, и его сапоги застучали по трапу, уходящему вниз. Там его ждали, голосил корабельный ревун.

– Задраен верхний рубочный люк, – проговорил Савельев, войдя на ГКП, – принимаю доклады..

– Товарищ командир, принята расчётная дифферентовка.

– Есть, командир БЧ-5.

– Товарищ командир, есть сигнализация закрытия забортных отверстий, объединён запас ВВД.

– Готовимся к погружению, Илья Петрович, – приветливо кивнул старпому Савельев. – Принять главный балласт, кроме средней!

– Есть, принять главный балласт, кроме средней, – повёл саженными плечами Пороховщиков.

Казалось, что это не старший помощник пришёл в движение, а тёмная громада утёса, откуда-то взявшаяся здесь, на главном командном пункте.

Застонала в цистернах вода.

– Заполнить среднюю группу!

– Есть, заполнить среднюю группу.

– Боцман, – обернулся к старшему мичману Ездову командир, – погружаться на семьдесят метров с дифферентом пять градусов на нос.

– Есть, погружаться на семьдесят метров с дифферентом пять градусов на нос! – Василий Фёдорович Ездов покосился на рулевого-сигнальщика Аксюту, сидящего рядом с ним, и двинул ручки управления.

– Мальй вперёд.

– Есть, мальй вперёд.

Звякнул машинный телеграф, и подводная лодка вздрогнула всем своим телом.

– ГКП.

– Есть, ГКП, – качнулся командир.

– Гидроакустический горизонт чист. Акустик.

– Есть, акустик.

Савельев остановился возле штурманской рубки.

– Штурман, место?

– Находимся в заданном районе.

– Товарищ командир, – крикнул Ездов, – глубина семьдесят метров...

Курс – тридцать градусов, скорость – пять узлов, крен – ноль, дифферент – ноль...

– Есть, боцман... Средний вперёд.

Андрей Николаевич Савельев нажал тумблер громкой связи.

– Слушать в отсеках, говорит командир... Перед нами поставлена задача – занять в Саргассовом море район боевого патрулирования. Напоминаю: наша основная задача, как и всех стратегических ядерных сил Советского Союза, – по сигналу органов военного управления нанести неприемлемый ущерб противнику, в случае развязывания агрессии против нашей Родины... Помните, товарищи-краснозвёзды, мы всегда должны быть готовы разбить «мастеров того света»!

Громкоговоритель похрипел и затих.

Через семь минут и двадцать секунд акустик доложил на ГКП:

– Слышу шум винтов отряда надводных кораблей в секторе пеленга тринадцать тридцать градусов.

– Есть, акустик, – сказал Савельев. – Классифицируйте цели.

– Тральщики, товарищ командир.

– Хорошо, Юрий Василич. Как меняется пеленг?

– Быстро на нос.

Савельев склонился над штурманской картой.

– Штурман, каков характер маневрирования кораблей?

– Лежат на курсе сближения, товарищ командир.

– Так, боцман, замри!

– Понял!

– ГКП.

– Докладывайте, Юрий Василич!

– Тральщики быстро уходят, контакт теряем, – начал доклад старшина команды гидроакустиков Кормилицин. – Дистанция – сорок кабельтовых. Всё, контакт потерян.

– Слушать сектор слева сорок пять и справа сорок пять...

– Есть, товарищ командир!

Савельев оправил аспидно-голубую «эрбэшку» и подмигнул замполиту со старшим помощником:

– Товарищи офицеры, дела, как говорится, много – только поспевать...

Лев Львович, обойдите отсеки, напомните личному составу об особой бдительности несения вахт...

– Сделаю, Андрей Николаич! – приосанился Базель.

– Илья Петрович, а вы объявляйте учебную тревогу в четвёртом отсеке и далее по плану.

– Есть! Принято, товарищ командир... – Пороховщиков потянулся к документации.

Пока маленькая, сгорбленная фигурка замполита выскользывала с ГКП, а Пороховщиков вносил запись в журнал, Андрей Николаевич ещё раз оглядел подчинённых: боцмана Ездова с рулевым-сигнальщиком Аксютой, командира БЧ-5 – механика Метальникова, командира дивизиона живучести Ромашкова и инженера дивизиона живучести Добрушина, начальника секретного делопроизводства – «секретчика» Замкова, помощника командира Покорского, штурмана Первоиванушкина, командира БЧ-2 Мороза, а также отвечающих за радиотехнику – начальника РТС Палехина и инженера вычислительной группы Нагайцева.

Но вот старпом отложил документацию и, включив громкую связь, прохрипел:

– Учебная тревога! Взрыв в ракетной шахте номер два.

И тотчас заработал корабельный ревун.

В соседнем с ГКП четвёртом отсеке все сорвались с мест. Стало жарко. Приказы командира группы старта ракетной боевой части Леонида Ильича Воркуля метались, как искры в печке:

– Загерметизировать четвёртый отсек, открыть пост замера газа... Приготовить броневые заглушки...

– Задраен люк ракетной шахты, – едва не срывался на крик разбитной матрос Игнатов.

– Есть, двадцатый.

– Приготовлены броневые заглушки, – чётко выговаривал слова вечно невозмутимый матрос Братченко.

– Есть, сто десятый.

После того как Пороховщиков принял доклад Воркуля и отметил хорошую выучку ракетчиков, снова наступил черёд ревуна. Была объявлена учебная тревога во втором отсеке, куда якобы «поступил воздух высокого давления», и в десятом, где «образовалась течь». Когда старпом закончил песочить не уложившуюся в норматив вахту десятого отсека, на ГКП вернулся Базель. Маленькие губки его были по обыкновению поджаты, рыжие волосики опроборены.

– Товарищ командир, ваше приказание выполнено. Все отсеки мною самолично обойдены.

– Спасибо, Лев Львович!

– А это, значит, рапортик.

– А что там?

– Прочитайте, Андрей Николаич... Я всё подробно изложил.

Савельев пробежал глазами по бисерным замполитовским строчкам и нахмурился.

– Товарищ капитан третьего ранга, вы предлагаете в приказе по лодке объявить командиру группы старта ракетной боевой части Воркулю выговор?.. Как я понимаю, за невнимательное несение утренней вахты на мостике... Верно?

– Так точно.

– Ну что ж, рапортик, как вы изволите выражаться, я приму, но хода не дам.

– Не постигаю, Андрей Николаич?

Савельев взял Базеля под маленький локоток, посмотрел в постные глазки и прибавил:

– Скажите, благодаря кому месяц назад наш ракетносец получил призывком? Благодаря кому отличился на стрельбах?

– Э-э, Воркулю...

– Ну вот и не талмудьте голову...

– Командир... Вы, вы всегда всех защищаете...

– Такая профессия, Лев Львович... Ничего не поделаешь.

– Разрешите идти?

– Идите... Готовьтесь к политзанятиям.

Базель согнулся ещё больше обычного и, пунцовый, выскочил с ГКП. Савельев заметил понимающий взгляд старпома и вымученно улыбнулся.

«Нашла коса на камень, – кольнуло Андрея Николаевича. – Не зря мичман Широкоград прозвал замполита Великим инквизитором. Если ненавидит, то уже со всего разгона...»

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

В распахнутую дверь командирской каюты заглянул начальник медицинской службы капитан Радонов.

– Разрешите?

– Прошу, Вадим Сергееч, проходите, присаживайтесь... – Савельев отложил карту, с которой работал, и кивнул Радонову на кресло. – Вы насчёт Эйбоженко? Я обдумал ваше предложение. В целом оно здоровое: у шифровальщика действительно не так много дел в походе. Поэтому разрешаю задействовать его по медицинской части.

– Благодарю, Андрей Николаич! Но вообще-то я хотел переговорить о матросе Братченко.

– Да-да, я помню... Вчера, вы докладывали, что обнаружили у него тревожные симптомы...

Радонов поудобнее уселся в кресле, вытянул длинные ноги.

– Всё так... Слабость, тошнота, повышенная температура и боли в правой подвздошной области. Это не что иное, как острый аппендицит, – подытожил Радонов.

– Вадим Сергеевич, что вы намерены предпринять?

– Консервативная тактика успеха не имела. Покой, голод и антибиотики не помогли. Температура поднялась ещё выше. А значит, нужно срочно оперировать.

– Всё-таки операция... – сказал Савельев, помрачнев. – Как некстати...

– Командир, будьте покойны... В клинике кафедры военно-морской хирургии я оперировал больных раком. Сейчас же требуется всего лишь вырезать воспалённый аппендикс.

– Хорошо, Вадим Сергеевич, как будете готовы, приступайте! Да, и вот ещё что... Свет в амбулатории не погаснет ни при каких обстоятельствах... Никакое оборудование не выключится. Всё будет крутиться и вертеться, – скрепил Савельев и потянулся к тумблеру громкой связи.

...Не раз и не пять командир взвесил доводы за и против возвращения в Гаджиево. Вышло, что «К-799» ну никак не сподобится пришвартоваться к родному пирсу раньше, чем следующим утром, и самое верное – это оказать всю необходимую помощь матросу Братченко здесь, в море. Сейчас, немедленно... В своём, как всегда, прямом и развёрнутом в плечах докторе Андрей Николаевич нисколько не сомневался: он-то уж точно «всех излечит, исцелит». Впрочем, вселяя уверенность и очень обязательный старшина электротехнической команды Широкоград: коли отрезал Александр Иванович, что лампочки в операционной посветят, значит, так и будет. Что ещё? Цельный и твёрдый, что называется, утёсистый старпом Пороховщиков взял сторону командира. Базель же, Базель, имевший свойство почти не иметь свойств, – не в счёт. «Ну тиснет замполит по обыкновению наверх рапорт, да и чёрт с ним... Не родился ещё богатырь такой, чтобы меня обыграть», – решил Савельев.

Вскоре командира вызвали на ГКП, Широкоград стал фокусничать с электричеством, а Радонов взялся наконец за скальпель.

Когда операция уже благополучно завершилась, Вадим Сергеевич Радонов бодро пропел:

*Фридрих Великий,
подводная лодка,
пуля дум-дум,
цепелин...
Унтер-ден-Линден,
пружинной походкой
полк
оставляет
Берлин...*

– Ну что, товарищ капитан? – прокряхтел, оглядывая свой живот с белой марлевой повязкой, матрос Братченко.

– Что, что... Я же говорил: лучше сдайся мне живьём...

– Так я и сдался.

– Значит, жить будешь... Ясно?
– Ясно.
– Денис, ведь сдрейфил, а? Тётка твоя подкурятина...
– Да как же не сдрейфить-то... Один только вид вашего хирургического инструмента...

– Инструмента?.. А скажи, ты песню Высоцкого слышал? Ну в ней ещё такие слова... «Пока вы здесь в ванночке с кафелем... э-э, моетесь, нежитесь, греетесь... В холоде сам себе скальпелем он вырезает аппендикс...»

– Про клоунов знаю, но эту нет, не припомню даже... А отчего вы интересуетесь?

– Видишь ли, Денис, я ведь коллекционер.

Радонов поймал удивлённый матросский взгляд.

– Да-да, коллекционер... Но не в том смысле, что я гоняюсь за какими-то древними черепками... Артефактами... Понимаешь?

– Не совсем, Вадим Сергеич.

– Истории своеобразные, конечно... в своём, так сказать, роде... Вот что я собираю.

Неожиданно доктор зазвенел молодым, рассыпающимся смехом.

– Ну и физиономия у тебя, матрос! Раскрывает рыба рот, а не слышно, что поёт.

Братченко виновато улыбнулся.

– А впрочем, не забивай голову. Лучше прелюбопытную историю послушай.

Вадим Сергеевич закрыл кран и понёс перед собой мокрые большие руки. Потом тщательно обтёр их полотенцем и, присев на кушетку, начал свою повесть.

– Так, но с чего же начать, какими словами? А всё равно, начну словами: там, на станции Новозазаревская, в кипящем котле Арктики... Почему, скажешь, в кипящем? Ну а как я, Денис, эту необычную и неопределённую Арктику тебе опишу... Год?.. Год тысяча девятьсот шестьдесят первый... И если не изменяет мне память, то двадцатые числа февраля. Холодина! Такая холодина, что из себя самого можно выскочить. И даже на преловутые рёбра не опираться... Короча, погода ощерилась. Авиацию не поднять... А до земли обетованной, «откуда доходят облака и газеты», – восемьдесят километров... И вот тут, по гадскому стечению обстоятельств, птенец человеческий оказался на краю гибели. Тьфу! Прости, Денис, съехал на штампы... Э-э, ну так вот... Врач этой полярной станции Леонид Rogozov, заметь, единственный тамошний врач, сам поставил себе диагноз: острый аппендицит. В общем, всё как у тебя. Почти всё. Разница лишь в том, что тебя спасал я, а Rogozov – Rogozov. Нет, конечно, ему помогли метеоролог Артемьев, подававший инструменты, и инженер-механик Теплинский, державший у живота небольшое круглое зеркало и направлявший свет от настольной лампы. Начальник станции Гербович дежурил на случай, если кто-то из «ассистентов» грохнется в обморок. А что же Rogozov? А Rogozov лёжа, с полунаклоном на левый бок, вкатил себе раствор новокаина и аккуратно так сделал скальпелем двенадцатисантиметровый разрез в правой подвздошной области. Временами всматриваясь в зеркало, а временами и на ощупь, без перчаток, действовал он... Следишь, Денис? Ага, вижу, что следишь. Хорошо, сейчас посыплются ещё и цифры... Итак, через тридцать-сорок минут от начала операции развилась выраженная общая слабость, появилось головокружение. Ещё бы! Ведь добраться до аппендикса было непросто – Rogozov наносил себе всё больше ран и не замечал их. Сердце начинало сбоить. Каждые четыре-

пять минут он останавливался на двадцать-двадцать пять секунд... В какой-то момент Леонид Иванович даже пал духом. Скапустился... Но затем осознал, что вообще-то уже спасён! Да, именно так. Операция, длившаяся час и сорок пять минут, отколодилась. Дней через пять примерно температура нормализовалась, а ещё дня через два были сняты швы.

– Вадим Сергеич, значит, это о нём, о Рогозове, Высоцкий ту песню пел...

– Конечно, о нём, не о тебе же. И это ему, а не тебе, вручат впоследствии орден Трудового Красного Знамени. А впрочем, и ты, Денис, большой молодец... Хвалю!

– Спасибо! Но если бы не вы, товарищ капитан...

– Да ладно тебе... Служи Советскому Союзу!

...Умыв, что называется, руки, Радонов отправился в курилку. Дорогой он доложил командиру и, приобретя его благодарность, пребывал в прекраснотном настроении – выстукивал какой-то уж очень воинственный марш. Таким его и увидели штурман Первоиванушкин и мичман Широкоград. Оба уже разминали в пальцах туго набитые пайковые индийские сигареты.

– Что, братцы, воскурим фимиам? – чуть ли не пропел Радонов.

Штурман Первоиванушкин улыбнулся и чиркнул зажигалкой, давая каждому из товарищей прикурить.

– Какая, однако, у тебя, Иван Сергеич, горелка... Небось серебряная?

– Да, тонкая штучка... Не удержался, купил... Чуть ли не всю получку укокошил.

– Слышишь, Александр Иваныч? Во сибарит даёт! Ему бы жениться, тогда бы знал, на что полочки укокошивать...

– А сам-то когда такому совету последуешь? – сказал, выделявая дымные кольца Широкоград. – Ване-то – двадцать пять, лицо ещё пушится, а тебе через две недели... Сколько? Тридцать, тридцать лет!

– Молодость, брат, как известно, к нам уже вернуться не может... Разве что детство...

– Да чёрт с ней, с молодостью! Ну, вот что ты брякнул недавно на танцах Вале Верёвкиной? Мадам, отодвиньтесь немножко! Подвиньте ваш грузный баркас... Вы задом заставили солнце – а солнце прекраснее вас...

– Я – любавец! Я – красавец! А она, она перед моим носом изнемогла в невозможно восточной позе. А впрочем, Сань, ты прав... И мне надо бы осупружиться, а? Променять, как писал твой любимый Платонов, весь шум жизни на шёпот одного человека...

– Да ну тебя... Я серьёзно, а ты...

– Сань, да я тоже серьёзно... Поверь!.. Просто смарагдовое будущее не вытанцовывается...

Радонов незаметно и как-то лукаво подмигнул Первоиванушкину.

– Найти бы единственную мою письмовладелицу... Таковую, например, как твоя Полина, и сразу того...

– Чего того? – вскинулся Широкоград.

– Под венец! Исцелять раны цветами...

– Иван Сергеич, поговори с этим паяцем сам, – закашлялся мичман. – А мне пора, надо идти...

– Иди, иди, Карамазов... Дуй до горы! А я ещё помозгую насчёт Великого инквизитора... Базеля... Совсем распоясался, даже на командира вон бочку катит...

– Ну, мозгуй, Вадим Сергеич, – парировал Широкоград, – только потом не забудь рассказать, что намозговал! Как подсказывает опыт, лучше знать о твоих экспромтах заранее...

Он собрался уж было выйти из курилки, но тут его вдруг окликнул доктор.

– Не сердчай, Александр Иванович.. Сань.. Ну, вот хочешь, поклонюсь тебе в пояс.. Ты ж просто спас этого матросика Братченко.. Светил всегда, светил везде.. Ничего у меня в операционной даже не гакнулось. Нет, я серьёзно, брат!

– Всё, товарищи офицеры.. Адью!

– Давай, Сань, пока! – кивнул Первоиванушкин и зачем-то с каким-то даже шиком чиркнул зажигалкой.

Подводники помолчали, пуская дым.

– Он ушёл, но обещал вернуться.. – снова оживился Радонов. – Нет, ну Саня, он ведь как Болконский..

– В смысле?

– А в том смысле, брат Иван, что и он может знамя поднять.. Обожди, обожди, в свой час обязательно подымет..

– Постой, а что ты хотел о Базеле сказать?

– Что, что.. Может, на дуэль его вызвать? Вызовешь, Вань? Или на седины старика не подыметса рука?

– Вот ты юродивый!

– А может, его за бородёнку, за мочалку да и вытащить с нашей подлодки.. Как Митя Карамазов отставного штабс-капитана Снегирёва из трактира вытащил, а?

– Во-первых, Базель не отставной штабс-капитан..

– И, во-вторых, – подхватил Радонов, – без мочалки.. Ухватить не за что..

– Нет, ну юродивый.. Кто тебя только до больных допустил?

– Насчёт юродивого, брат, ты крепко ошибаешься. Во мне растут цветы подводные.. И жизнь цветёт без всякого названия..

Радонов помолчал, покусывая губы, потом сказал:

– Пойду-ка я проведу моего единственного больного. Жаль, конечно, Вань, что это не ты.. Я б тебя так проведаль..

– Добрый ты, Вадим!

– Добрый.. И ты добрый. Все, все добрые..

– И Базель?

– Базель? Нет, он не добрый, а святой.. Сердце его большое похоже на колокольню..

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ

Года два назад, только сойдясь с Широкоградом и Первоиванушкиным, Вадим Сергеевич Радонов провозгласил, что «отныне этот благословенный день будет именоваться не иначе, как главой «Братья знакомятся». И, поразмыслив, добавил: «Как в романе у Достоевского...»

Себя он аттестовал «постромантиком Митенькой Карамазовым», Широкограда – «идеологом Иваном», Первоиванушкина же – «Алёшей, Божьим человеком». Конечно, аттестация эта была сущей условностью, литературной игрой, которую так любил доктор. Впрочем, суть Радонов уловил верно: из всех романых братьев сам он более всего походил на старшего брата

Митю; Широкоград, хотя ничем себя особенным до той поры ещё не проявивший, а лишь, по общему мнению, приготовлявшийся, был Иваном; младший же из них – Первоиванушкин – так тот и впрямь оказался Алёшей, но только не в Бога верующим, а в науку. А точнее, в астрофизику. И потому, естественно, имеющим право за страстным исследователем Птолеме-ем повторять: «Что я смертен, я знаю, и что дни мои сочтены, но когда я в мыслях неустанно и жадно выслеживаю орбиты созвездий, тогда я больше не касаюсь ногами Земли: за столом Зевса наслаждаюсь амброзией, пищей богов».

Словом, такие, как они, просто не могли не сойтись близко. Радонов чаще к месту, чем нет, подсыпал архаизмы: «коли», «предуведомляю», «будьте покойны», «ибо», «поди» и прочие, а ещё – цитаты из «дорогих сердцу фолиантов». Широкоград, также зачитывавшийся классикой, давал глубокий анализ событий и процессов, формулировал смелые теории. Первоиванушкин же, не числивший себя лириком, тем не менее до тонкости разбирался в поэзии Владимира Маяковского. В общем, что ни говори, а эту троицу сближала именно литература. Каждый был книгоцелем, пусть и в своём роде.

«Предуведомляю, – сразу же заявил названным братьям Радонов, – я из Челябинска, там родился, там крестился... И, знаете, наследую семейную легенду о далёком деде Василии Григорьевиче Жуковском, штаб-лекаре. О том самом, Василии Григорьевиче, что в 1787 году всё-таки выходил своего старшего товарища Андреевского, привившего себе, эксперимента ради, сибирскую язву. Смертельное заболевание... Так вот, совместная работа с Андреевским предопределила всю дальнейшую жизнь моего пращура. Он не вернулся в золотожарный Санкт-Петербург, а остался врачом в захолустном Челябинске и, чтобы одолеть сибирскую язву, даже сочинил труд, получивший высокую оценку медицинской коллегии Сената. Кстати, один из сыновей Василия Григорьевича, Иван, был челябинским городничим. Это же так литературно! Городничий... Обожаю, обожаю...»

С «главы», когда «братья знакомятся», объявилось и пристрастие Радонова к собиранию и рассказыванию странных историй (опять же его излюбленное словцо). «Знавал я одного старика, – делился с Широкоградом и Первоиванушкиным Вадим Сергеевич. – М-да, старик-то был необычайный... Навроде зелейника... Умел исцелять овец, у которых в ушах завелись черви. Делал он это, даже не касаясь животин. Вскочит на холмик или возвышение какое, пошепчет молитвочку, и черви того – уж сыплются мёртвыми. Уши у овец, стало быть, очищаются. Я это наверно знаю, наверно... Если бы не видел этого сам, то не говорил бы...»

Растолковал Радонов им всё и о Базеле: «Ну, какой он Великий инквизитор? Скорее, прелюбодей мысли Ракитин... Ракитка... Он мне нашего новоиспечённого генсека Горбачёва напоминает... Одну мыслишку разминает на все лады да по несколько часов – причём мыслишку элементарную...» После такого выпада и Широкоград, и Первоиванушкин, всерьёз опасаясь за Вадима, взяли с того клятву, что он про Михаила Сергеевича Горбачёва никогда нигде ничего подобного не ляпнет. И хотя Вадим себя сдерживал, но друзья стали его на всякий случай опекать.

Впрочем, кое-чему и они были бессильны способствовать. Речь, конечно, об отношениях с девушками. Да, Радонов – этот высокий, статный обладатель ясных чёрных глаз и гордого римского профиля – мог бы нравиться. Только вот даже любящая доктора Валя Верёвкина и та пасовала порою пред этим циником, охальником и «злаязычником, злым, злым».

Иван Сергеевич Первоиванушкин, напротив, был истинным любимцем гаджиевских девиц. Все они отчего-то полагали, что «этот златокудрый и сребролукий Феб» со дня на день выберет лучшую из них (каждая думала, что именно её) и поведёт под венец. Но он всё не выбирал, оставаясь обходительным с каждой и позволяя восхищаться собой. Было в этом что-то мальчишеское, право. Но если вникнуть, то он и был, в сущности, мальчишка: «Ой, хорошенький какой лейтенант...»

Более других первокрасавиц посёлка на него заглядывалась Илона Итальянцева. Сотрудницы метеорологической службы, где работала эта гордая и своенравная барышня, знали, что «Илонка сохнет по Ивану Сергеичу». И, само собой, корили его за слоновье бесчувствие. Мужчины же метеорологи, руководимые своим начальником – дряхленьким, неловким Сокольским, чертовски завидовали молодому штурману. А Первоиванушкин, как он сам однажды признался Широкограду и Радонову, «выдерживал характер и томил её, чтобы, значит, любила без истерик». На что Вадим Радонов ему тогда же прочёл целый трактат насчёт женской истерики, которую, как известно, Бог женщине послал любя. Да ещё из Платонова наворотил: «Мне бабка говорила... у каждого есть ангел-хранитель. А внук её открыл, что этот ангел – зверь, сознание из костного мозга».

И всё-таки объяснение у Первоиванушкина однажды выкарабкалось. Они мёрзли с Илоной на старом пирсе под тусклым фонарём, и Ивана вдруг прорвало:

*Лёд за пристанью за ближней,
оковала Волга рот,
это красный,
это Нижний,
это зимний Новгород...*

– Ты о чём?

– Да так... Новгород мой вспомнился... Будешь меня любить, Илон?

– Буду, – не колеблясь ответила она.

Он прижал её к себе, послушную, как снасть.

– И вовсе не зябко, правда? – спросила Илона, всматриваясь в его голубые и весёлые глаза.

– Правда... Я тоже буду любить тебя, – твёрдо сказал он.

Ни Широкоград, ни Радонов поначалу не постигали того, что с их другомстряслось: таким расхристанным, как в тот вечер, они его никогда прежде не видели. И потому с тревогой вопрошали: «Что, Вань? Что? Где болит?»

– Весело бить вас, медведи почтенные, – улыбался Первоиванушкин и стряхивал снег с фуражки.

– Нет, ты объясни! – ярился Радонов.

– Что тебе, Вадик, объяснить? Люблю я, понял?

– Ха, любит! Любишь? Илону? Ну ты краб черноморский... А я-то не возьму в толк, что же ты фуражку в такой хлад напялил... Да ещё и неуставную...

– А Илонка?

– Всё взаимно, Саш, – радостно отвечал другу Иван Сергеевич.

– Надеюсь, – скрипел доктор, – хоть о глазах её промолчишь... Круглые да карие, горячие до гари...

– Промолчу, Вадик, промолчу, милый.

– Промычу, – не унимался Радонов.

– А знаешь, от избытка чувств так и сделаю...

И Первоиванушкин не соврал. А тут междометие подняли ещё и друзья. Вскоре мычали уже вместе – радовались по-братски.

Так у этих троих и завелось с самого начала, что после целодневной работы они собирались вместе и говорили обо всём без утайки: «обретали одно из высших человеческих достояний – никогда и ни в чём не лгать».

Голос Радонова рокотал как орган.

И Широкограду с Первоиванушкиным приходилось, что называется, регулировать громкость. Особенно когда «в повестке заседания значились очередные решения партии и правительства». В такие мгновения Вадим был страшен. Это словно его изобразил талантливый современник: «Тяжёлый взгляд римского легионера, марширующего в первых шеренгах несгибаемого легиона. Доспехи, белый, отороченный мехом италийского пурпурного волка плащ. Шлем окроплён вечерней росой, медные и золотые застёжки там и здесь – затуманены, но лучи бивуачных костров, пылающих по сторонам Аппиевой дороги, всё же заставляют сверкать и латы, и шлем, и застёжки».

...В каюте Широкограда рокотало, гремело «латами и шлемами».

Радонов по обыкновению двигал на столике у Александра Ивановича портреты его жены и трёхлетней дочки в дубовых рамках и говорил:

– Вникни, Сань! Я тут недавно предложил Ивану вызвать Базеля на дуэль... Или, на худой конец, вытащить с нашей подлодки за бородёнку, за мочалку... Как мой кумир Митя Карамазов вытащил из трактира отставного штабс-капитана Снегирёва...

– И что с дуэлью? – Широкоград покосился на Первоиванушкина. – Перчатка, надеюсь, брошена?

– Разумеется, нет, – взвился доктор. – Ведь наш Ваня жалостлив очень. А ты, Александр Иванович, пожалел бы?

– Кого? Базеля? Снегирёва?

– Разницы нет.

В серых глазах Широкограда вдруг словно сверкнули лучи тех самых бивуачных костров, что пылают по сторонам Аппиевой дороги.

– Ты не прав, Вадим, разница – колоссальная... Могу доказать... Да... Ещё до срочной службы я, ну, примерно с год, работал на Волгоградском судостроительном заводе... Это всё батя, старожил нашей судоверфи, меня, совсем ещё зелёного, к делу пришил. Так вот, трудился там с нами некто Прокофьев Василий Егорович... Что за человек? Да двойник того самого штабс-капитана Снегирёва. Шут, паяц? Ах нет, скажу близко к известному тексту: есть люди, глубоко чувствующие, но как-то придавленные. Шутство у них вроде злобной иронии на тех, которым в глаза они не смеют сказать правды от долговременной унижительной робости пред ними. Поверь, Вадим, что такое шутство чрезвычайно иногда трагично... В Базеле же, как ты понимаешь, трагического кот наплакал.

– Ну, хорошо, хорошо, Александр Иванович, убедил... А дальше что? Как замполита будем приструнивать?

– Пока не знаю, – пожал плечами Широкоград.

– Я тоже, – протянул Первоиванушкин.

– Зато я знаю... – приосанился Радонов. – Надо всего лишь заделать комаром... Я поясню, поясню... Как и ты, Сань, с помощью известного текста... Э-э, размышляя над возможностью возродиться в облике комара, скажу, что я, пожалуй, не против снова прийти в этот мир в какой-нибудь бамбуковой кадке для цветов или в мидзутамэ. Тихо выпорхну оттуда, напе-

вая звенящую воинственную песню, и отправлюсь полакомиться кровушкой нашего общего знакомца Базеля...

Возможно, Вадим Сергеевич мог бы поделиться и более экзотическим способом приструнивания замполита, но Широкоград с Первоиванушкиным вдруг порвались от смеха. Однако, не отведя душу как следует, им пришлось веселье своё сократить – заработал корабельный ревун.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Корабельный ревун разболелся всю из-за объявленной старпомом Ильёй Петровичем Пороховщиковым учебной тревоги.

Пока «К-799» проскальзывала через линию натовских корабельных дозоров и воздушных патрулей между самым северным мысом Европы Нордкап и норвежским островом Медвежий, пока скрытно форсировала Фареро-Исландский рубеж с пасущимся там британским флотом и выходила к просторам Атлантики, старший помощник учебных тревог не объявлял, таился, соблюдал, как он выражался, режим тишины. Но стоило корабельным лагам отсчитать мили и моря – Баренцево, Норвежское, – и Илья Петрович тотчас учинил аврал. Моряки, возможно, и чертыхались, но отработывали вводные о пожаре, о поступлении в отсеки воды или воздуха высокого давления. Помнили, что это крайний поход Пороховщикова в должности старпома и что, вернувшись в Гаджиево, он примет командование таким же ракетноосцем. Наберёт не менее лихой экипаж и двинет в Саргассы. И уже самолично станет отвечать за судьбы ста с лишним душ.

Об Илье Петровиче тоже можно было бы сказать: «...На-и-бла-га-а-ар-р-роднейший человек, но порох, порох! Вспылил, вскипел, сгорел – и нет! И всё прошло! И в результате одно только золото сердца!» Именно поэтому Савельев так ценил своего старпома и жалел, что придётся расстаться с ним. Впрочем, понимал: Илья Петрович уже перерос свою должность и будет хорошим командиром. Будет по возможности, конечно, в День командира подводной лодки – 25 ноября – поднимать рюмку «за тех, кто в отсеках» и щёлкать ногтем сначала по хрустальному краю, а затем по доньшкуну, чтоб на одно погружение приходилось и одно всплытие.

Савельев временами задумывался о сути командирской работы и мысленно не соглашался с теми, кто усматривал в ней исключительно правомочия скреплять своей подписью свидетельство о браке или о смерти; обязанность покидать последним тонущую подлодку; быть ратоборцем, мореходом, инженером, физиком-ядерщиком, гидрологом, астрономом; знать тайнопись шифротелеграмм; держать в голове сотни директив, приказов, наставлений, инструкций, морских лоций, международных правил; помнить флаги свода сигналов, тактико-технические характеристики неприятельских кораблей и пункты суточного плана. Капитан первого ранга Савельев искренне полагал, что, прежде всего, он должен ощутить человека. Познать его подлинные глубины. Но при этом Андрей Николаевич опасался, что любая высказанная им мысль о человеке окажется неправдой. Недаром же Тютчев считал, что «мысль изречённая есть ложь».

Как-то раз, незадолго до этого похода, в учебном центре в эстонском Палдиски командир попросил Широкограда зайти к нему. В комнате не включался свет, и Андрею Николаевичу требовалась помощь. Когда всё уже было починено и Широкоград смог оглядеться, то он вдруг словно очутился в мастерской художника – в центре темнел этюдник, стол был завален

эскизами, рисунками, панно. И на них – моряки, выписанные углем. А какое богатство тонов: от воздушного серого до глубочайшего чёрного!

– Товарищ командир, – проговорил, растягивая слова, Широкоград, – а пейзажи вы совсем не рисуете? Ну, маслом? Или чем-то ещё?

– Александр Иванович, давайте-ка для начала условимся: никто в экипаже не должен знать, что вы тут видели. Идёт?

– Идёт, – тронул пушистый ус мичман.

– Вот и ладно... Что же касается пейзажей, так ещё Микеланджело заметил, что их как забаву, как мелкое вознаграждение следует предоставить меньшим талантам... Истинный же предмет искусства – человек, че-ло-век... Если интересуетесь, могу дать почитать презанятный «Дневник Микеланджело неистового». Это труд большого знатока искусства эпохи Возрождения, итальянского писателя и литературного критика Роландо Кристофанелли. Подана история в форме дневника, который ведёт герой, то есть сам Микеланджело. И я вам так скажу: используя обширный документальный материал, в том числе заметки, счета, письма художника, а также многочисленные факты, накопленные его биографами, автор не стремится мистифицировать читателя, не пытается выдать написанное за «подинный» дневник художника.

– Признаюсь, Андрей Николаич, – взял книгу Широкоград, – сразили вы меня... Такие вавилоньки!.. И мастерская, и портреты, и Микеланджело.

– А вы, Александр Иванович, думали, что Фаталист – так вы, кажется, меня все зовёте – ничем, кроме боевых служб, больше не живёт?

– Нет, товарищ командир, не думал... А вот Фаталистом... Э-э, действительно зовём... Понимаете, Радонов как-то случайно узнал, что ракетчики очень уж хотели обыграть вас в домино, а вы...

– Ну, договаривайте, договаривайте... Не дал им шанса... Но разве мог я с ними играть, если все костяшки насквозь вижу? Я ведь тогда сразу на первую попавшуюся костяшку Воркулю указал, мол, это: «шесть-шесть». Лёня даже подскочил, чтобы проверить...

Тихий гул перекачивался за окном. Савельев прислушался, потёр от удовольствия ладони одна о другую и по-мальчишески озорно рассмеялся:

– Радонова амброзией не пои, дай только историю пизаковвыристей!

– Тогда уж историю, – уточнил Широкоград.

– А я о чём?..

Отколотится двадцать три года четыре месяца и два дня с разговора о Микеланджело, и Александр Иванович, прилетев по делам в Италию, увидит воочию то, о чём лишь читал в савельевской книге. Он увидит и «Пьету» в соборе Святого Петра, и «Святое семейство» в Уффици, и Давида в Академии, и «Сивиллу Дельфийскую» в Сикстинской капелле, и «Снятие с креста» в музее при соборе Санта-Мария-дель-Фьоре. Вспомнит сказанные однажды Микеланджело слова: «О, скольких ещё моё искусство сделает глупцами!» Отправляясь затем в Венецию, Широкоград горько усмехнётся: «Рождает жажда жажду – я же стражду».

Дорогой он перечитает новеллу «Смерть в Венеции». И слова Томаса Манна зазвучат в нём, когда Венеция откроется: «Итак, он опять видит это чудо, этот из моря встающий город, ослепительную вязь фантастических строений, которую Республика воздвигла на удивление приближающимся мореходам, воздушное великолепие дворца и мост Вздохов, колонну со львом и святого Марка на берегу, далеко вперёд выступающее пышное крыло сказочного храма и гигантские часы в проёме моста над каналом... Это была Венеция, лстивая и подозрительная красавица – не то сказка, не то капкан

для чужеземцев; в гнилостном воздухе её некогда разнузданно и буйно расцвело искусство... Венеция больна и корыстно скрывает свою болезнь...»

Тогда, во время первой прогулки по городу, проходя вдоль Канале Гранде, по мостам, по площади Сан-Марко, там, где когда-то проходил и Достоевский, Александр Иванович осознает наконец, что же всё-таки для его бывшего командира значило: ощутить человека.

Ожила корабельная связь.

– Слушать в отсеках, говорит командир... Товарищи краснозвёзды, Фареро-Исландский рубеж форсирован. Благодарю за службу! Итак, мы вышли на просторы Атлантики. Но впереди ещё главный противолодочный рубеж вероятного противника... И поэтому задача прежняя: не позволить кому-либо превратить нашу страну «в одинокую пустыню с последним плачущим человеком...»

В громкоговорителе как будто что-то дзинькнуло, звякнуло, и экипаж тотчас узнал хрипловатый голос Пороховщикова: «Всех свободных от несения вахт прошу собраться в кают-компанию... Праздничный обед по случаю дня рождения командира начнётся через семнадцать минут...»

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Народ беспрестанно умножался в кают-компанию, по мере того, как отведённое старпомом время истекало.

– Большие сообщества людей, – хмыкнул Радонов, – и впрямь существа неменяемые... Ну как тут не согласиться с этой перечницей Вулф?

– Вадик, ты и без Вулф очень субъективен.

– Субъективен, говоришь... А не кажется ли тебе, брат Иван, что это лишь иллюзия моего лирического характера?

– С тобой и не такое покажется... – вздохнул Первоиванушкин. – Слушай, давно хотел спросить: о чём ты вообще мечтаешь?

– Вообще? Да о трости, конечно. С лвиной мордой. И чтоб эта трость находила клады, ибо там, где зарыто золото, она бы стучала оземь трижды, а где серебро – дважды... Что, купился? О Перу я мечтаю, о Перу... Знаешь, всегда хотел познакомиться с жизнью индейцев кечуа и аймара, заглушающих голод листьями коки. По легенде, это бог Солнца велел им: «Доверьтесь коке, она прокормит и исцелит вас, даст вам силы выжить». И ещё грозный индейский бог предрёк: «Белых настигнет страшная кара за их злодеяния и преступления. Однажды они осознают магическую силу коки, но не будут знать, как ею воспользоваться. Кока превратит их в скотов и безумцев». Карамба! Я сбился... Ах да, неделю-другую я, пожалуй, провёл бы на развалинах древнего города инков Мачу-Пикчу... Восседал бы на площадке для жертвоприношений старинного храма, попивал густой терпкий мате... И ловил пылинки, что пляшут в солнечном луче.

– Ого! А недолго ли ты собрался там восседать?

– Думаешь, закис бы от скуки? Да ни черта! Я бы ещё и в Мексику, на родину ацтеков, рванул... Помнится, я где-то читал, что они были страстными игроками в мяч. Ты только представь, Вань, мяч размером с голову надо было пробросить сквозь каменное кольцо. Ацтеки ставили на кон драгоценности, наложниц, города, свободу... Игра оканчивалась жертвоприношением лучшего игрока победившей команды. На верхней площадке пирамиды жертву укладывали на каменную плиту, и ритуальным обсидиановым

ножом с трудом раскрывали грудную клетку, вынимали сердце и поднимали к солнцу...

Радонов посмотрел на мелькавших в дверях моряков и добавил:

– А впрочем, грудную клетку и скальпелем-то раскрыть непросто... Это я тебе как доктор говорю...

– Широкоград что-то запаздывает, а? – неожиданно перескочил на другое Иван Сергеевич.

– Придёт... У парторга Метальникова вахта, значит, Саня, как его зам, и будет здравицу командиру молвить...

– Башка!

– А то!

Вадим Сергеевич обшарил взглядом кают-компанию и усмехнулся:

– Нет, ну ты вникни: какой сонм характеров! Какая галерея портретов! Вот взять хотя бы Борейко... Талия у нашего кока уже начисто упразднилась... А чего он больше всего боится? А того, что разговор вдруг зайдёт о носах.

– Конечно, боится... – выхватив глазами перекатывающегося между столиками Борейко, согласился Иван Сергеевич. – Ты ведь его за гоголевский нос окрестил Носом, вот и мается теперь человек.

– Да, брат, я страшно виноват перед Мишей... Всё из-за моего злого языка! Конченный я человек... Каюсь и грешу, грешу и молюсь... Словно бы злой дух направляет мою жизнь... А впрочем, если поразмыслить: ну вот за что я себя так корю? Подумаешь, Борейку Носом прозвал. И поделом! Вот что он за кок? Ты вспомни прежних корабельных коков... Чёрный Джек, одноногий Джон Сильвер и кок, сунувший железку в нактоуз компаса пятнадцатилетнего капитана...

– Вадик, так это всё только приключенческие романы, где кок обычно выступает в роли драматического злодея, такого злого духа.

– Эх, романы! – встрепенулся Радонов. – А в жизни... В жизни лишь добропорядочный Борейко со своими поварскими изысками. А не угодно ли четвертушку ящерки или лягушачьей филейки? Бр-р-р... Чувствительно благодарен, но нынче у меня нет ни малейшего аппетита...

Как бы там ни было, кто бы что ни плёл, но мичман Борейко на всём Северном флоте слыл лучшим коком. И это факт! Одни коки готовили стоя. Другие – только в голубых фартуках. Третьи – сидя на деревянной табуретке. Четвёртые – шагая по камбузу. Михаил Григорьевич Борейко пробовал и так и этак. И все его блюда получались баснословными! Особенно десерты. Сладости.

К сладкому же Борейко тянулся с детства. И маменька его, умиляясь, говаривала: «Чудо для крошек – леденец за грошик».

В карманах Мишиных школьных брючек всегда имелся запас ирисок или пряников. И Борейко частенько поглощал их прямо на уроках. Из напитков же он предпочитал грушевый квас. Повзрослев, верность квасу Миша сохранил и сам готовил его из отборнейших груш.

Борейко обожал фрукты и даже писал маменьке в Полтаву, что точит на них зубы, ибо фрукты поспели в саду, а он приедет в отпуск, когда сад будет ужасно опустошён: «Жаль только, что мне не достанется отведать клубники: отойдёт к тому времени». Борейко писали сестре Любаше, напоминая, что маменька обещалась прислать сушёных вишен без косточек, до которых он тоже был охотник. И вишни, конечно же, ему посылались. Бывало, Михаил Григорьевич один уминал целую банку варенья, увлекая

сестру разговорами. Пока Любаша слушала брата раскрыв рот, банка опустошалась – Борейко успевал всё.

Долгое время он умудрялся не замечать колкостей Радонова, говорившего, что он, Миша, «французится, а потому и не исторг из себя Париж, как застрявшую занозу». Борейко и впрямь очень ценил французскую кухню. И даже учил французский язык по неизвестно откуда взявшейся у него кулинарной книге, изданной, как утверждал Радонов, «в самом городе Париже». Подкосило кока лишь прилипчивое прозвище, да и то, кажется, ненадолго. Уверив себя в том, что Нос есть человек, с утроенной энергией кок ударился в лингвистику и достиг во французском языке поразительных высот. Дошло до того, что ему стали сниться фонари, мерцавшие вдоль Сены. Тёмные и безжизненные барки у причалов. А ещё бледные, поникшие листья на ветвях платанов. Ночи в этих снах стояли холодные, синелунные, и Борейко глядел на воды, уносившие вдаль отражение лунного света. И потому тёплый аромат бараньих почек под соусом из парижских ресторанчиков всякий раз достигал его обоняния.

Широкорад явился в кают-компанию последним. Присел за столик к друзьям и тотчас же узнал строки Рубена Дарио.

*Взвёрошив перья, шелковист и нежен,
любовью ранен он – и потому
по-олимпийски прост и неизбежен
и Леда покоряется ему.
Побеждена красавица нагая,
и воздух от её стенаний пьян,
и смотрит, дивно смотрит, не мигая,
из влажной чащи мутноокий Пан.*

– Признаю, признаю, – всплеснул руками Радонов, – поэзия этого латиноамериканца восхитительна... Особенно в твоём исполнении, Вань!

В многозначно-многоцветной улыбке доктора было что-то лукавое.

– Но я не вижу связи, – продолжал Вадим Сергеевич, – между Дарио и нашим премилым коком. То, что Борейко вступил в противоборство с мичманом Пальчиковым из-за какой-то там Леды, совсем не убедительно.

– Не Леды, а Леры, – вмешался в разговор друзей Широкорад.

– Я в курсе, Сань... А ты что опоздал?

– Да, так... С Метальниковым нужно было кое-что обсудить...

– Постой... Поздравительную речь обсуждали?

– Вадик, да ты ясновидящий...

Развить мысль Широкорад не успел – ржавый голос старпома вернул к главному.

– Товарищи подводники, – скрежетал Пороховщиков, – сегодня нашему командиру – тридцать восемь! Всю жизнь на флоте – так, наверное, сказать нельзя. И всё же... Пятнадцать лет после училища. И все годы – на лодке одного и того же проекта, 667-го, Сергея Никитича Ковалёва, в одной и той же флотилии и одной и той же дивизии. В должности командира группы – два года, штурмана – три, помощника – два, старпома – три, командира – пять. А всего – пятнадцать боевых служб...

Пороховщиков говорил недолго, но всё самое важное выразил: и о чести, являющейся «единственным законом мужчины», и об офицере, который «есть образ Родины для солдата на поле боя», и о тайне солдата, заключа-

ющейся в том, что «в его характере, в его природе и замысле стусеваться, предоставить высшую волю другим, себе оставить исполнение, существование в тени, в безымянности...»

Следом выступал Базель. Он – баял. Напустив на себя знатный вид, так растянул поздравительную речь, что Радонов едва выдюжил. А потом ещё и сетовал друзьям, что после базелевского выступления он совершенно потерянный и слепой – «без политической души». В итоге же расхохотался и заявил Широкограду с Первоиванушкиным:

– А я догадываюсь, отчего замполит так разошёлся... Радость у него! Ну а что? Купил, к примеру, билет «Спортлото» и выиграл безбожно много денег...

Сам же Радонов пожелал командиру того, чего желал в подобных случаях всем членам экипажа, а именно: «сибирского здоровья и кавказского долголетия».

Добавил к поздравлениям свою речь и заместитель парторга Широкоград. Говорил горячо. Говорил и о командире, чьи «идеалы однообразны и постоянны», и о смысле жизни, который «не может быть большим или маленьким – он непременно сочетается с вселенским и всемирным процессом и изменяет его в свою особую сторону, – вот это изменение и есть смысл жизни...»

Подводники потом между собой речь Широкограда признали лучшей. И вот после командирского алаверды наступил черёд кока. Огромное блюдо с цыплёнком табака было внесено в кают-компанию с таким артистизмом, что все взгляды невольно приковались к Борейко. Уж он попотчевал экипаж! Икрой красной, грибочками с чабрецом, грибочками со смородиновым листом, мясными рулетами и биточками, паштетами и вкуснейшей пастой. А ещё караваями, гречаниками и пампушками. В общем, был в ударе.

– Восхитительно, жизнью замполита клянусь, – рычал Радонов, – восхитительно! Не угодно ли вам тоже проглотить ложечку, побратемщики?

И побратемщики не отказывались.

Первоиванушкин хлопал по плечу Широкограда, а тот смеялся в густые чёрные усы.

– Я готов, – веселил друзей Вадим Сергеевич, – кушать вместо четырёх пять раз в день, чтобы вдосталь насладиться поварским искусством Миши Борейко... Слово это и не Миша вовсе, а какой-то исполин является по первому зову, стоит только несколько раз повернуть кольцо, или потерять чудесную лампу, или вымолвить Соломоново слово... Да-да, является и подносит роскошные яства в золотых чашах...

Уже ночью в каюте Широкоград почувствовал, что переел и что ему «кюхельбекерно и тошно...» Поэтому не улёгся, не вытянул ног, а облокотившись на столик, рассматривал портреты жены и дочери в дубовых рамках. И вдруг забавный кунштюк – из дальних закоулков памяти выудилось:

*Я был в избушке на курьих ножках.
Там всё как прежде. Сидит Яга.
Пищали мыши и рылись в крошках.
Старуха злая была строга.
Но я был в шапке, был в невидимке.
Стянул у старой две нитки бус.
Разгневал ведьму и скрылся в дымке.
И вот со смехом кручу свой ус.
Пойду, пожалуй, теперь к Коцего,*

*Найду для песен там жемчужов.
До самой пасти приближусь к Змею.
Узнаю тайны – и был таков...*

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

До наступления четвёртой стражи Широкорад открыл глаза и увидел, что дверь в каюту распахнута и в проём струится белёсый снежный свет. Холод объял мичмана, как на мостике в шторм. Александр Иванович взглянул на циферблат своих водонепроницаемых часов. Три. Три часа ночи. И вот когда уже высунулся краешек четвёртого часа, Широкорад встал, надел белую рубашку и китель.

«А может быть, что-то случилось со временем? Сколько сейчас?»

Часы тикали на его запястье. Мичман смотрел, как бежит стрелка.

– Чем дальше, тем любопытственнее!

Воображение Александра Ивановича оживляли пустынные отсеки подлодки. Призраками ходили моряки, слышались голоса.

«Даже тени здесь не принадлежат этому потаённому судну и созданы не этим светом – они простираются из забытого мира, не знавшего паровых двигателей, электричества, магнетизма и... плутония».

– Эхой!

Никто на призыв Широкорада не откликнулся. Звук его голоса погас, будто в пустом трюме.

– Куда вы все запропалились? Моряки?

«Они работают исключительно ради *respublica*. Ох, уж это общее дело! Первогодкам, конечно, туго приходится... А впрочем, в восемнадцать и сам чёрт не чёрт, а цветочек чертополоха...»

– Да где ж вы все, а? – Мичман рассыпался мелким смешком. – Словно растаяли.

На ГКП царил особенная тишина, будто там ждали Александра Ивановича и всего за какое-то мгновение до его появления вдруг исчезли.

– И здесь ни души! Только светильники полыхают.

«И семи золотых светильников есть сия...»

В ярком свете Широкорад казался совсем-совсем белым. Он попытался задраить водонепроницаемую дверь, но заел кремальберный затвор. В соседнем отсеке кто-то мелькнул, и мичман кинулся туда – бледно-жёлтая фигура словно растворялась в воздухе. Блазнила.

«Никак гость?»

Руки Широкорада метнулись ко рту. И мичман свистнул молодецким посвитом.

Фигуры как не бывало.

– Во дела! Сыпь песочек в жёлтенький черепочек...

«Хотел бы я всё пронизать. А гость... Откуда он взялся? Это было только видение. Разумеется... Только видение».

Неожиданно раздался глас трубы.

«Ревун», – сообразил Широкорад.

– Я не ослышался? Боевая тревога?

И как в подтверждение из переговорного устройства вырвались слова Воркуля: «Первая, вторая, третья, четвёртая, пятая, шестая и седьмая шахты к пуску ракет готовы...»

– Ракетная атака! – скомандовал Савельев.

Голос его был твёрд как никогда.

Александр Иванович не верил в происходящее до тех пор, пока палуба под ногами не просела, как лифт. И с каждым последующим ракетным пуском проседала всё сильнее, пришлось даже схватиться за поручни, чтобы не упасть.

Дрожь била подлодку и сообщалась Широкограду.

– Боцман, ныряй на сто семьдесят метров! – приказал Савельев.

– Есть, командир!

...Глубина обезболивала душу, сто семьдесят метров глушили чувства.

– «И когда Он снял седьмую печать, – шевелил губами раб Божий Александр, – сделалось безмолвие на небе, как бы на полчаса. И я видел семь Ангелов, которые стояли пред Богом... И семь Ангелов, имеющие семь труб, приготовились трубить. Первый Ангел вострубил, и сделалась град и огонь, смешанные с кровью, и пали на землю; и третья часть деревьев сгорела, и вся трава зелёная сгорела. Вторым Ангел вострубил, и как бы большая гора, пылающая огнём, низверглась в море; и третья часть моря сделалась кровью. И умерла третья часть одушевлённых тварей, живущих в море, и третья часть судов погибла. Третьим Ангел вострубил, и упала с неба большая звезда, горящая подобно светильнику, и пала на третью часть рек и на источник вод. Имя сей звезды «полынь»; и третья часть вод сделалась полынью, и многие из людей умерли от вод, потому что они стали горьки. Четвёртым Ангел вострубил, и поражена была третья часть солнца и третья часть луны и третья часть звёзд, так что затмилась третья часть их, и третья часть дня не светла была – так, как и ночи. И пятый Ангел вострубил, и я увидел звезду, падшую с неба на землю, и дан был ей ключ от кладязя бездны...»

«Как будешь во времени – обо мне вспомни!»

– Каком ещё времени? И кого я должен вспомнить?

«В старые годы, в старопрежни, сказали бы, что это наваждение...»

– Ничего такого быть не может... Э-э, надо отыскать замполита... Он уж точно знает, что стряслось...

Ноги сами понесли Широкограда напрямик к Базелю.

«А ведь замполит на ведьму смахивает... Сгорбленный, да ещё и с рыжими волосёнками. Нет, ну ведьма... Того и гляди прикажет: «Ступай, садись на лопату!» И, захлопнув печную заслонку, взвост: «Покатаюся, поваляюся, Ивашкина мясца наевшись!»

Александр Иванович прислушался, постучал в базелевскую дверь и с опаской отворил её. В сумрачном капище умирала тишина – Льва Львовича и след простыл. Мичман вошёл, крутнулся на каблуках, взял со столика кипарисовые чётки замполита, повертел и машинально сунул в карман брюк.

– Спокойствие, только спокойствие! – сказал сам себе Широкоград. – Обойду все отсеки. Проверю... Кто-то ведь должен быть на лодке...

Но сколько мичман ни усердствовал, никто на глаза ему так и не попался. Оставалось проверить лишь мироварню Борейко, и он сунулся туда. На первый взгляд всё там было как и всегда: пахло борщом да компотом. И запахи наслаивались один на другой. Широкоград осмотрелся. Внимание его привлёк поднос с мандрагоровыми яблоками. Ароматнейшими.

– Гм, прямые поставки из Средиземноморья...

«А не этими ли яблоками нас потчевал на праздничном обеде Миша?»

Рядом с подносом высилась замшелая бутылка вина.

– Ну, чем не натюрморт?

Широкорад взял длинношеюю бутылку и поднёс к свету: за зелёным стеклом морщились многоцветные огни.

– Так-так, очень любопытно... – сказал Александр Иванович.

«Дурное обыкновение римлян, – припомнилось вдруг мичману, – да, дурное... не закупоривать вина, а сохранять их под слоем масла, лишило его величество удовольствия отведать древнеримского вина. Но если это вино и не столь старо, как древнеримское, то всё же оно самое выдержанное из всех существующих на свете...»

И тут Широкорад заметил то, на что поначалу не обратил внимания вовсе. Это была плетёная корзина, накрытая старой, но чистой ветошкой. Когда Александр Иванович сдёрнул её, то аж отпрянул от корзины. В ней копошились какие-то причудливые крабы – у каждого на панцире можно было различить человеческое лицо... На одном – Савельева, на другом – Пороховщикова, на третьем – Базеля... И далее по ранжиру – Метальникова, Ромашкова, Добрушина, Замкова, Покорского, Первоиванушкина, Радонова, Мороза, Палехина, Нагайцева, Воркуля, Ездова, Кормилицина, Пальчикова, Шабанова, Братченко, Игнатова, Кауриса, Кляйна, Аксюты... На панцире же самого большого краба – лицо не кого иного, как Борейко.

Ветошка выпала из рук мичмана.

– С кем же теперь преломить хлеба?

...Заканчивалась четвёртая стража.

Образы потухали как уличные фонари по утрам.

– «На престолах видел я сидевших двадцать четыре старца, – само собой наворачивалось у Широкорада, – которые облечены были в белые одежды и имели на головах своих золотые венцы...»

«На венцах» Александр Иванович загнулся – вдруг вспомнил то, что уже давно силился вспомнить.

«Тот, кто поймёт, что его день – это всего лишь чужая ночь, что два его глаза – это то же самое, что чей-то один, тот будет стремиться к настоящему дню, дню, который принесёт истинное пробуждение из собственной яви, когда всё станет куда более явственным, чем наяву...»

– Нет, нет... Дело вовсе не в каком-то там пробуждении... А в чёртовых нервах...

Мичман вытащил из пачки сигарету и, уняв дрожь в пальцах, чиркнул зажигалкой. Он стоял и курил, завитки дыма лезли ему в нос и глаза, но он не обращал на это внимания и крутил свой ус.

– А вот ты где! – влетел в курилку Радонов. – Вникни! У Базеля чётки понятели...

– Чётки?

– Ну да... кипарисовые... Ничего особенного... Но они дороги ему как память. И теперь Лев Львович со своими послушниками и шаркунами, Покорским и Каурисом, их разыскивает... Что ты на это скажешь?

– Я?

– Ну, ну... Не тревожься! Говори!

– Да что говорить?

– А что ты обо всём этом думаешь?

– Слушай, Вадик, отстань... И так голова раскалывается...

– Ладно, брат, ладно. А знаешь, зачем Базелю эти дурацкие чётки? Нет? Я тебе сейчас объясню... Из-за наследственности... у него мизинец кри-

вой – точь-в-точь как у прадеда... Чётки же он крутит... Э-э, крутил... именно мизинцем. Чтобы, значит, скрывать изъян... Теперь-то понял?

– Понял, Вадик. И что из того?

– Как что? Пойдём чётки искать.

– О, это без меня...

– Сань, а ты почему так моими часами любишься?

– Нипочему... Хотя нет... Надо бы время уточнить...

– А ну, конечно, уточняй! Уже... шесть. Отставить! Шесть ноль одна...

– Благодарствую!

Широкорад сунул руку в карман брюк и чуть не онемел: «Не может быть... Неужели это базелевские чётки? Откуда?»

– Не благодарствуй, брат! – заорганил Вадим Сергеевич. – Хочешь совет?

Иди отдохни! Ты хреново выглядишь...

– То есть апокалиптично?

– Вот-вот... так, вероятно, и выглядел бы уцелевший в атомной войне...

– Ты что, действительно даёшь мне больничный?

– Даю... Я же доктор.

– Доктор, а как ты объяснишь то, что я Откровение Иоанна Богослова знать знаю, но никогда не читал...

– Знаешь? А ну-ка!

– «И солнце стало как власяница, – забормотал Широкорад, – и луна сделалась как кровь. Ибо пришёл великий день гнева Его, и кто может устоять?»

– И правда силён... А может, ты всё-таки читал? Ну, случайно как-нибудь... Взял у Базеля и прочитал...

– Да при чём здесь Базель?

– Как это при чём? Завёл же он зачем-то чётки... Значит, мог и Библию завести...

– Постой! Ты же говорил, что чётки нужны замполиту, чтобы скрывать свой изъян... Этот кривой мизинец...

– Эх ты! Такой большой, а всё в сказки веришь...

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Докучные слова про двух братьев, брошенные напоследок Радоновым, привязались к Александру Ивановичу накрепко. Словно морским узлом.

– Жили-были два братца, – повторял мичман, – два братца – кулик да журавль. Накосили они стожок сенца, поставили среди поляца. Не сказать ли сказку опять с конца?.. А может, с начала? Ловко же меня Вадик опутал... А? Я как в тенётах. Как в тесном узилище...

«Ловкость? – ни с того ни с сего вдруг выпало из памяти Широкорада. – Но что вы называете ловкостью?.. Кого считать ловким?.. Не того ли, кто, раз пять примерившись, вздумал прыгнуть на тридцать локтей в длину и шлёпнулся в ров?.. Или того, кто с двадцати шагов попадает чечевичным зёрнышком в игольное ушко?.. Или, наконец, того, кто, подвесив на шпагу тяжёлый груз и приладив её на кончик своего носа, балансирует ею шесть часов, шесть минут, шесть секунд и ещё одно мгновение в придачу?..»

Чтобы как-то подступиться к возникшим за последнее время вопросам, осмыслить трубные гласы, всеожжение и моры, белые одежды и золотые венцы, старцев и крабов, Александр Иванович дал себе слово, что сегодня же после вахты начнёт вести дневник.

«Да, надо бы разобраться с этим наваждением... С этим беспардонным вмешательством чудесного в обыденную жизнь. Может, всё и случается по естественным законам, но поразительным образом. Я же знать не знаю, ведать не ведаю, а дело моё...»

Уже на закате вахты Широкоград определился: записи он будет вести в общей тетради, в которую на днях зарисовал две схемы электрических распределителей – проблемных и требовавших доработки. «Под эти схемы подыщу что-то другое... А тетрадка станет заправским дневником, если я облачу её в кожаную обложку. Ту самую, что подарила мне жена...» Бубны, барабаны, стяги, стрелы, копыя и мечи, звёздный хоровод и ладя под парусом – чего на той обложке только не было!

*...Множество дивного Бог по замыслам творческим сделал.
Там представил Он землю, представил и небо, и море,
Солнце, в пути неистомное, полный серебряный месяц.
Все прекрасные звёзды, какими венчается небо...*

Рассматривая добротную, телячьей кожи, тёмно-коричневую обложку, Александр Иванович думал порой почему-то именно о щите, выкованном за одну ночь Гефестом для Ахиллеса, сына Фетиды. По преданиям, такого щита не было ни у кого: ни у воинов троянских и ахейских, ни у богов, спускавшихся с Олимпа. Благодаря щиту со срединной горой – «Пупом Земли» – Ахиллес мог отыскать всё что угодно. И вотчину мирмидонян, правителем которой был его отец Пелей, и Троию, где отважный Ахиллес вместе со своим отрядом отстаивал честь Менелая.

Как-то раз Первоиванушкин обвёл в «Илиаде» карандашом место с описанием звёзд, помещённых на тот самый щит Ахиллеса, и сказал:

– Послушайте, Карамазовы! Гомер упоминает и Плеяды, и Гиады, и Орион, и Большую Медведицу... А ведь все эти светила в Древней Греции служили и для календарных целей, и как важнейшие небесные ориентиры. Улавливаете? Календарный год у греков делился на две части. И особая роль отводилась Плеядам и Сириусу. Например, аттический одиннадцатый месяц был Фаргелион (май-июнь) – от названия праздника в честь Аполлона и Артемиды... Аполлона же почитали как бога жаркого лета... И оно, это лето, по представлениям греков, начиналось во время утреннего восхода Плеяд, около 11 мая.

Опровергать «календарную» теорию штурмана друга не стали. Но Радонов всё равно прицепился к Ивану Сергеевичу.

– Вань, а Вань, вот кто из героев «Илиады» тебе наиболее симпатичен? Ахиллес или Гектор? Лично я за Ахиллеса...

– Ну, нет... Я определённо за Гектора.

– А ты, Александр Иванович? – нахохлился Радонов. – Ты за кого?

– Я? Я за старика Приама и его несчастную невестку Андромаху.

– Так ты против героев?

– Я, Вадик, против женщины... Старики и женщины куда симпатичнее этих ваших героев ристалищ, битв и иных форм взаимного истребления...

– А дети?

– Что, дети?

– Они симпатичные?

– Вадим Сергееч, дорогой, что не так? По-моему, тебя что-то гложет... – Широкоград внимательно посмотрел в ясные чёрные глаза друга.

– Не знаю... Как тебе сказать... Может, всё дело в том, что у коровы есть гнездо, у верблюда дети, у меня же никого, никого на свете... Наверное, худший способ скучать по человеку – это действительно быть с ним и понимать, что он никогда не будет твоим...

– Могу ли я помочь, брат? – вскинулся вдруг Первоиванушкин.

– Нет, Ванечка, не можешь... Лучше почитай своего Маяковского... Почитай, поудовольствуй... Про Маркиту...

Голубые глаза штурмана потемнели, но голос не дрогнул:

*Уходите, мысли, восвояси.
Обнимись,
души и моря глубь.
Тот,
кто постоянно ясен –
тот,
по-моему,
просто глуп.
Я в худшей каюте
из всех кают –
всю ночь надо мною
ногами куют.
Всю ночь,
покой потолка возмущив,
несётся танец,
стонет мотив:
«Маркита,
Маркита,
Маркита моя,
зачем ты,
Маркита,
не любишь меня...»*

– Ведь как хорошо, брат! Особенно вот это – «обнимись, души и моря глубь...»

– Да, Вадик, очень хорошо! – просиял Первоиванушкин. – А как тебе такой стихач:

*Любить –
это значит:
в глубь двора
вбежать
и до ночи грачей,
блестя топором,
рубить дрова,
силой
своей
игрючи.
Любить –
это с простынь,
бессонницей
рванных,
срываться,*

*ревнуя к Копернику,
его,
а не мужа Марьи Ивановны,
считать
своим
соперником.*

– Ура Маяку! – вскричал Радонов. – Это такое лицо, такое великанское лицо!

...Весь этот сумбур вспомнился Широкограду уже после вахты, когда он сел за дневник.

«Важно то, как начать... – думал Александр Иванович. – Гарсиа Маркес говорил, что, на его взгляд, есть два великих «начала» у Кафки. Первое: «Проснувшись однажды утром после беспокойного сна, Грегор Замза обнаружил, что он у себя в постели превратился в страшное насекомое». И другое: «Это был гриф, который клевал мои ноги». Есть ещё третье (автора я не помню): «Лицом он был похож на Роберто, но звали его Хосе...»

– Ну что ж, вперёд, Хосе! Вперёд!

И, ободрённый, мичман последовал призыву.

О ГРЯДУЩЕЙ ГОДОВЩИНЕ ВЕЛИКОГО ОКТЯБРЯ, О ПОЛОЖЕНИИ В СТРАНЕ И МИРЕ, А ТАКЖЕ О КИПАРИСОВЫХ ЧЁТКАХ, КОТОРЫЕ ВДРУГ НАШЛИСЬ

Замполит восседал у себя в каюте под портретом Ленина, молитвенно сложив руки. «Чего вам, Широкоград?» – нечто капризно-повелительное прозвучало в голосе Базеля. «Вы же хотели обсудить, – нисколько не смутился я, – то, как нам провести завтрашнее собрание, приуроченное к грядущей годовщине Великого Октября». «Завтрашнее собрание?» – простонал замполит. «Ну и дела! – мелькнуло у меня вдруг. – Лев Львович, да ты, кажется, ещё не отошёл после того, как побыл крабом... А впрочем, почему я решил, что ты им был?»

Пока Базель очухивался, бессмысленно перекладывая бумаги, я незаметно бросил под стол кипарисовые чётки. И тут бумажная кипа вывалилась у замполита из рук, и он полез за нею под стол. «Чётки! Чёточки! Нашлись!» – обрадовался маленький рыжий человечек. Я подождал, пока он окончательно успокоится, и спросил: «Может, позднее обсудим наше собрание?» «Нет-нет, Александр Иваныч, давайте работать!» – затрещал Базель. «Согласен, давайте наметим темы, и я пойду... А то ведь я с вахты...»

Лев Львович взглянул на меня с надеждой: «Ну, конечно!.. А вы уже что-то прикидывали? Знаете ли, я не успел... Совсем в бумажках зарылся...» То ли из-за этого «не успел», то ли из-за чего-то другого, но мне стало жаль его, и я сказал: «Да, прикидывал... Первое – у берегов Антарктиды ледокол «Владивосток» освободил из четырёхмесячной ледовой блокады научное судно «Михаил Сомов». Другое – президент Южной Африки Бота вновь подтвердил приверженность своей страны политике апартеида и заявил о невозможности участия чернокожих в законодательных органах власти. И третье – власти Великобритании выслали из страны двадцать пять советских дипломатов и других официальных лиц, обвинив их в шпио-

наже. В ответ наше правительство выслало из СССР двадцать пять британцев...»

Базель заметно ожил: «Одобряю, Александр Иванович. Всё – к месту! Только давайте обязательно тиснем в завтрашнюю повестку и информацию об исполнении указа Президиума Верховного Совета СССР «Об усилении борьбы с пьянством». Вот бы нам ещё экипаж отвадить от вина... Пятьдесят грамм в обед – вроде и немного. И всё-таки б отвадить... Как антиалкогольную кампанию бы усилили, а?» Лев Львович покачал головой: «И вот ещё что... Надо сообщить морякам о Кайраккумском землетрясении в Таджикской ССР... Может, соберём денег... вещей... В общем, как-то подсобим... Да, чуть не забыл... Условимся так: поскольку парторг Метальников болен и к завтраму, скорее всего, не поправится, то вы, Александр Иванович, как его заместитель, и докладывайте об апартеиде, высылке британцев и прорыве ледовой блокады, а я... Я обо всём остальном... И особенно о руководящей роли партии... Тут уж подпущу... Будьте покойны!»

О НЬЮТОНЕ, КОТОРЫЙ КРИЧАЛ: «Я ОТВЕРГАЮ ЭТО!»

На дне Атлантического океана и образованных им морей американцы проложили систему освещения подводной обстановки SOSUS, чтобы пасти наши подлодки. И с таким вызовом нельзя не считаться.

Впрочем, Первоиванушкин сразу заявил, что он, мол, отвергает это. «Я смогу провести нашу «К-799» к американским берегам, – сказал Иван Сергеевич, – «тихими стопами-с, вместе...» Вероятному противнику просто не по силам соглядатайствовать за всем пространством Атлантики... Да и времени никакого не хватит... Ключевые слова здесь «пространство» и «время». Что и понятно...» А я другу верю.

Но отчего я так озаглавил эту мою запись? При чём здесь Исаак Ньютон? Отчасти из-за Первоиванушкина, конечно. Он почитает Ньютона как величайшего физика всех времён и народов. Потом также из-за епископа Беркли, который однажды изрёк, что пространство и время – всего лишь иллюзия. Услышав такую ахинею, Ньютон закричал: «Я отвергаю это!» – и, говорят, даже пнул большой камень.

О ВРЕМЕНИ, КОТОРОЕ ВО ВСЕ НЕ АБСОЛЮТНО

Всюду торчат уши патрициев. Вот и четвёртая стража – то ли наваждение, то ли коллапс времени? Не морская склянка (устаревшая, но всё же родная), а именно стража... Тьфу на неё! Тьфу на эту *quarta vigilia*! А может, я всё придумал? Не было никакой четвёртой стражи? Не было гостя в странном, жёлтом, как глина, плаще? И команда подлодки никуда не девалась... И вся потеха преисподней не выплёскивалась наружу... Так, что ли?

Существует гипотеза, что сильное электромагнитное возмущение может не только изменить структуру металла корабля, но и вызвать искривления пространства и времени, иными словами, открыть врата... в другую реальность. В другие миры?.. Когда я об этом думаю, то мне хочется списать всё на разыгравшееся воображение.

Воображение... Не хочешь, а кричишь: «Стой! *Manum de fabula!* Руки прочь от выдумки!» И тут видишь, как плотно сжатый рот гостя раскрывается для неуместного возгласа: уля-ля!

Опять этот гость. Вид у него, надо сказать, аховый. Но кто он? Откуда взялся? Чего добивается?

Ответов нет.

Но что я слышу?.. «Только в глупости ты обретёшь спасение, ибо твой рассудок сам по себе нечто весьма жалкое, он еле держится на ногах, шатается во все стороны и падает, будто хилое дерево...»

В какую же дверь я ломлюсь сдуру? Открыв сегодня наугад первую же попавшую на глаза книжку, наткнулся на такое: «Говорят, чудесное на земле исчезло, но я этому не верю. Чудеса по-прежнему остаются, но даже те чудеснейшие явления, какими мы повседневно окружены, люди отказываются так называть потому, что они повторяются в известный срок, а между тем этот правильный круговорот нет-нет да и разорвётся каким-либо чрезвычайным обстоятельством, перед которым оказывается бессильной наша людская мудрость, а мы в нашей тупой закоренелости, не будучи в состоянии понять сей исключительный случай, отвергаем его».

Впрочем, этим я ничего не объясню не то что другим, но даже самому себе. Если кто-то и может хоть что-то объяснить, то это лишь создатель теории относительности. В своей знаменитой статье, опубликованной ещё в 1905 году, Альберт Эйнштейн заметил, что следует отказаться от представлений об абсолютном времени. Как я понял Первоиванушкина (уже не первый год толкующего Эйнштейна), «теперь у каждого наблюдателя своё течение времени в соответствии с имеющимися у него часами, и даже совершенно одинаковые часы у разных наблюдателей не обязаны отмерять одинаковое время между двумя событиями». Отныне мы все должны признать, что «время не является чем-то совершенно отдельным от пространства, но образует с ним единое целое под названием пространство-время».

Нет, каково!

Аргументы Эйнштейна оказались более физичными, чем соображения кого-либо другого.

О ВЫРАЖЕНИИ *HASTA SIEMPRE*, ТОЧНО НЕ ПЕРЕВОДИМОМ НА РУССКИЙ ЯЗЫК, НО ПОЧЕМУ-ТО ВЕДОМОМ МОЕЙ БАБКЕ

Как ни странно, но я готов в корне изменить своё представление о пространстве и времени. Здесь хоть какая-то ясность. А вот как быть с Откровением Иоанна Богослова? Как объяснить то, что я, не читав, знаю его наизусть? У меня лишь одно разумное объяснение: «Бабка! Моя согбенная Капитолина... Богобоязненная старица...»

Вот уж кто знает Библию, так знает!

Видимо, это и мне передалось.

Сколько помню Капитолину, она всегда говорила «до всегда». И это не что иное, как выражение *hasta siempre*, которое на русский язык точно не переведёшь. В нём латиноамериканский менталитет. Но как такое возможно? Ведь бабка дальше Курска нигде не была. Она сама мне рассказывала.

А какие у неё заповки!

Не забудешь, пока живёшь...

*На море, на окяне,
На острове Буяне
Сидит птица
Юстрица;
Она хвалится,
Выхваляется,
Что всё видела,
Всего много едала,
Видела царя в Москве,
Короля в Литве,
Старца в келье,
Дитя в колыбели,
А того не едала,
Чего в море не достала.*

Страх как интересно!
И ведь говорится о смерти.
Или вот ещё...

*Стоит село,
Всё заселено,
По утрам петухи поют,
А люди не встают.*

Почему именно к смерти такой интерес? А потому, что Капитолина навидалась её на своём веку.

Когда-нибудь о бабке я ещё порасскажу.

Во человечие! И на подразвёрстке была, и артелью инвалидов «7 Красных взгорков» верховодила. Я много раз слышал от неё, что «числа семь и тринадцать до всегда приносят удачу». А ещё что она любит жёлтый цвет и пахучий самосад, верит снам и предсказаниям. Одна-одинёшенька (без мужа, сгинувшего в гражданскую) Капитолина моя подняла на ноги семерых детей. Вот и тут «семёрка»! В общем, была она командором в юбке. И всю жизнь оставалась в том сани, в который возвела себя сама.

До всегда.

...Голоса бубнов и барабанов набирали силу, ветер шипел и трогал стяги, звенели тетивы, свистели стрелы, гремели сапоги по палубе, визжала сталь мечей, ударяя о шлемы, кричали воины. Широколаду казалось, что он слышит даже то, как убитые с громким плеском падают за борт. Мичман разглядывал ладью на обложке дневника и представлял яростное морское сражение до тех пор, пока не явился Пальчиков.

– Извините, Александр Иванович, но вынужден вас побеспокоить!

– А что такое?

– Понимаете... Дело всё в том...

– Николай Валентиныч, не тяните! – поморщился Широколад. – Давайте к сути!

– Ага, значит... Э-э в турбинном отсеке был замечен посторонний... И старшина первой статьи Шабанов хорошо разглядел его желтушный наряд.

– Может, первостату всё это привиделось?

– Никак нет... Рифкат божится, что наяву было. Да я и сам видел того типа, но только в электродвигательном отсеке...

– А что вы предприняли?
– Да ничего... Стушевался наш посторонний.
– То есть как стушевался?
– Как? Ну, навроде тени...
– Николай Валентиныч, вы можете понятнее изъясниться?
– Так точно! – расправил плечи мичман Пальчиков. – Посторонний, которого мы оба с Рифкатом видели, он, он... исчез. Мы осмотрели отсеки, но никого не нашли.

– На ГКП докладывали?

– Пока не докладывал – никого ведь не нашли.

Широкорад помолчал, думая, говорить ли своему подчинённому о том, что и он уже видел гостя, и решил пока не говорить.

– Поступим следующим образом... – взглянул вдруг на Пальчикова Александр Иванович. – Продолжайте нести вахту, но если появится гость, то сразу дайте мне знать... Надо во всём как следует разобраться... О чём командиру будем докладывать? Может, нам в лазарет пора... Может, это какая-то массовая галлюцинация?

– Есть, поня! Разрешите идти?

– Занимайтесь, Николай Валентиныч! – кивнул Широкорад.

Когда Пальчиков ушёл, Александр Иванович сунул дневник между конспектами по боевой подготовке и задумался. Но ни одного толкового объяснения случившемуся так и не нашёл – ни через девять минут, ни через семнадцать.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

«Число семнадцать у древних римлян слыло роковым, – думал Первоиванушкин. – Цифры, его составляющие, при переводе в буквы и перестановке XVII – XIX означают «я жил»... Судя по тому, что мне и Вадиму поведал сегодня Широкорад, бесценное «я буду жить» – под большущим вопросом...»

Иван Сергеевич долго сидел за столом, обхватив голову руками, потом вдруг вскочил, сдвинул штурманские карты, высвободив зачем-то место перед собою, и, точно на что-то решившись, сказал: «Век расшатался, и скверней всего, что я рождён восстановить его...»

В эту минуту штурман выглядел так, будто именно он открыл, что слово «подвиг» – это и «доблестный поступок», и «путь, путешествие». Грудь его дышала ровно и глубоко. Все черты оживились. В бледных голубых глазах читалось, что ни таинственный гость, ни угроза конца света не могли поколебать его уверенность в себе.

Некоторое время Первоиванушкин разглядывал веснушчатые руки, а когда ему это надоело, вынул из кителя серебряную зажигалку и положил на стол. Приготовил отвёртку, щётку, кусок фланели. И пока чистил да полировал зажигалку, его настигали мысли о днях далёкого былого – о Нижнем Новгороде, о лете, турбазе, карантине и симпатичной медсестре Тамаре... Когда зажигалка была обихожена, Иван Сергеевич улыбнулся и с выражением продекламировал:

*Крошка, огненная мушка,
Крошка, белый огонёчек!
Потанцуй ещё немножко,
Посвети мне, попрыгунья,*

*Белой искоркой своею:
Скоро я в постельку лягу,
Скоро я закрою глазки!*

...В «летний» сон Первоиванушкина влезал бойкий и докучливый голос Тамариного жениха. Иван Сергеевич дивился тому, что у самой Тамары был необыкновенно приятный, тихий, без всяких повышений голос. Девушка отвечала жениху невпопад и украдкой поглядывала на золотые часики. На лодочной станции её дожидался он, Иван.

Наконец появилась она. Вырвалась. Пришла. Словно говоря: «Я с тобой, с тобой! Взгляни же... Кровь трепещущего сердца...» Ярко-белый и с глянцем день взирал на этих двоих. А потом ещё и ночь. Ярко-чёрная и тоже с глянцем...

Веяло запахом костра. Кричала выпь. Нехорошо... Лицо у Тамары было тёмное, длинные загнутые ресницы придавали жёлтым её глазам ясное, невинное выражение... Она шептала, что замучает Ивана поцелуями... Но то ли выпь выкричала их недолгое счастье, то ли так было предопределено. Он уехал в Ленинград учиться на штурмана, Тамара же пошла под венец.

Иван Сергеевич пробудился, но так и лежал навзничь, «слушал своё прошлое».

И тут выяснилось... Однажды, когда ещё был жив отец, Иван поздней ночью ехал из Москвы в Горький (впрочем, родной город он иначе, как Нижний, никогда не называл). Ехал на попутке по очень плохой дороге. Машина сломалась, было потеряно часа четыре, и он добрался к родителям перед рассветом. В Москве Иван был тогда на стажировке и не сообщил им заранее, что едет, хотел сделать сюрприз. Вот только не вышло. Сёстры, Люда и Оля, не зная, что он нагрянет, гостили у бабушки в Утечино. Дверь открыла мать и растерянно сказала: «Ваня, вернулся? А мне снилось, что ты на дороге и что тебе нужна помощь...»

С матерью у Ивана Сергеевича всегда было так: она чувствовала, когда ему делалось плохо, а он – когда бесцветная тоска одолевала её. Александра Алексеевна стала ещё более чувствительной со смертью мужа.

«Как блеклый лист», – терзался Иван, глядя на матушку в те дни безотрадного существования.

Правда, он и сам обмяк и, словно моллюск в раковине, закрылся.

Отцовский бег прервал инфаркт... Изумлённое, распухшее лицо Сергея Сергеевича было не узнать. Из-за этого сын даже засомневался: «А кого мы с матерью и сёстрами схоронили?.. Отца ли?» Нет, не то чтобы Иван не понимал, что папа умер. Конечно, понимал. Но уж очень ему хотелось всё отыграть назад. Тогда-то на глаза и попались такие строки:

*И опять смешал фигуры,
Положил опять их в чашу,
Кинул наземь пред собою
И выкрикивал, что вышло:
«Белым кверху пали пешки,
Красным – прочие фигуры;
Пятьдесят и восемь счётом!»*

Это страшно поразило Первоиванушкина – отцу его едва исполнилось пятьдесят восемь. Сёстры ещё не были устроены в жизни: Людмила только-

только поступила на первый курс пединститута, а Ольга перешла в восьмой класс.

Подражая старшей сестре, новоиспечённая восьмиклассница отрезала косы. Отменила торопливый голосок. Приосанилась. Сосед-бригадир согласился взять её на консервный завод, немного подзаработать во время каникул. Весь август Оля с воодушевлением носила домой огурцы, патиссоны и кабачки – горда собой была очень, ведь и она, как большая, «обеспечивала» теперь семью.

Сам же Иван отсылал домой половину лейтенантского жалованья, не беря во внимание матушкины возражения. «Купишь что-нибудь Люде и Оленьке. Всё. Баста», – итожил он. Не стали препятствием и крепнущие отношения с Илонкой – деньги приходили матери всё так же исправно. Александра Алексеевна плакала и благодарила сына, а он клокотал в телефонную трубку: «Ничё, мам, страхи – прочь! Выдюжим... Люблю тебя и девчонок!»

Илона проявляла невероятный такт.

В зеркально-чёрных зрачках её отражалось что-то, что давало Ивану Сергеевичу право сказать: «Я ей своим бесстрашьем полюбился.. Она же мне – сочувствием своим». Первоиванушкин словно заполучил карту, указующую, как миновать опасные воды и ступить на благословенную землю.

Нежные чувства осаждали молодых людей.

Они шатались по бледным улицам Гаджиево, но им казалось, что это самые прекрасные проспекты.

Он проникновенно читал ей лирику Маяковского, «становившегося из Владимира Владимировича Владимиром Необходимычем». Говорил, что у поэта «в жёлтую кофту душа от осмотров укутана» и что он большая загадка – «весь не вмещается между башмаками и шляпой». Брови девушки распахивались, глаза осторожно темнели – она слушала Ивана и не могла наслушаться. А он, замечая её восхищённый лилейный вид, осекался на полуслове. Вдруг осознавал, что никаких письменных подтверждений её любви совершенно не нужно, всё решается жизнью.

А бывали мгновения, когда Гаджиево превращалось в блеклую, обморочную точку. Внизу проваливались улицы, а вверх плыла небесная река и уносила их двоих в журчащий сумрак...

Иван встрепенулся, огляделся и не сразу сообразил, где находится.

«Кажется, я снова задремал. Пропитался усталостью, как будто простоял вахту на мостике... Не спать, не спать».

– Так, сколько сейчас? – штурман уставился на огромную стрелу часов.

«Ага, двадцать девятнадцать... А командир приказал сделать прокладку и доложить к двадцати двум... Успею...»

Это «успею» ввинчивалось в мозги, толкалось, торопило.

Он развернул карту и стал прокладывать курс к Бермудским островам.

Елена
КРЮКОВА

ТЕРМИНАЛ

ФРАГМЕНТЫ

Не ступай на углы, не сойди с ума.
Изнутри звенит годовой оркестр.
Круг тарелок, литавры, волынки сума.
На галёрке нету свободных мест.

Не ходи туда, не ходи сюда.
Там запреты и сям – то война, то Мирь.
На морщинистой шее – мои года
Камень-бусой пылают между людьми.

Не ступай – в мешке – босиком на снег.
Так и так: сумасшедшая! – окрик твой.
Не гляди на грешника из-под век –
Лучше крепко прижмись седой головой

К ненавидящей боли, хриплой груди,
Слушай ухом пульса органной мех.
Этот Мирь – всего лишь твои дожди
По щекам, наедине, для всех.

Одинокие роды, хоть народу полно.
Одинокий уход – и хлопнуть дверьми.
Или тихо закрыть. И выпить вино
Одинокого снега между людьми.

-
- Елена Николаевна Крюкова родилась в Самаре. Окончила Московскую государственную консерваторию и Литературный институт им. Горького. Член Союза писателей России. Член Творческого Союза художников России. Поэт, прозаик, искусствовед. Лауреат премии им. М.И. Цветаевой (2010), Международного Славянского литературного форума «Золотой Витязь» (2014, 2016, 2019), международных литературных премий им. И.А. Гончарова (2015), им. А.И. Куприна (2016), им. Э. Хемингуэя (2017, Канада), Южно-Уральской премии (2017), премии им. С.Т. Аксакова (2019), премии им. Ф.И. Тютчева (2020), премии журнала «Север» (2020), премии им. Н.Н. Благова (2021) и др. Публикуется в литературных журналах России и стран мира (Франция, Германия, Болгария, США, Канада). Создатель авторского «Театра Елены Крюковой».

Не вари на кухне ни мёд, ни яд.
 Воссияют плошки ярче знамён.
 Эта жизнь родится, умрёт стократ.
 Лишь тебя не вынут из нежных пелён.

ПАЛАТА №

Излом безумья – вся судьба моя кудлатая.
 А разума хрусталь – моей фамильной расплатою
 За это шествие – босой – по мраку Адову,
 За то, что я огнём из тьмы нечаянно выглядывала!
 А кто ведёт меня? То за подол, то за руку?
 Овидий, Данте ли, Вергилий? ночью за реку?..
 К тому костру на берегу рыбачьему,
 Где молча обо мне лишь судаки судачили..
 Капризно, как старуха у плиты, умалишение!
 Туда нельзя, сюда нельзя, и ни движения,
 Лишь озирайся, видь личины, маски ярости..
 То твои люди.. возымей хоть каплю жалости
 К родне: зубовный скрежет-звон о кружку нищую –
 Её по кругу у костра, не выпью лишнего,
 А вы-то скальтесь, изгаляйтесь да насмешничайте,
 А пламя жадно стиснет тьма кромешная..
 Не надо, врач! Ещё дышу! Не мучь лекарствами!
 Вишу планетою на нитке между царствами,
 Меж революциями, войной и замирением,
 Между Конфуцием, Аллахом, Будды бдением,
 Вишу Распятым – на слоновой кости крестике
 Ерусалимском, Вифлеемском, ах, воскресните,
 Мои больные, злые, страсотерпные, негодные,
 Все в серебрянке снега преисподнего!
 А!.. С Рождеством!.. эй, всю палату поздравляю я!
 Пройду из рода Адова до края Раева!
 Хитон мой красный кровию артериальнойю
 Хлестнёт наотмашь вас кафизмою прощальнойю!
 Ещё сегодня! Лишь сейчас! На сетке панцирной
 Тянусь я к вам... Вот в поцелуе парочка..
 Старик рыдает, на глазах ладонь... Вот куреву
 Конец.. ни капли табака в картонном кузове..
 Вот эта баба... по вокзалам да с поклажею..
 Могила мужа, сгиб от ран... цветы высаживает..
 А вот трубач... за катафалком – надрывается:
 Щекою медь на завируху нарывается..
 Ну, дотянитесь до меня!.. ну, почеломкаемся..
 Трава округ рыдацкого костра сухая, ломкая..
 Трава округ распятого костра одна, осенняя..
 Лей, рыбаки, настойку ночи, окосею я..
 Ну, поцелуемся!.. безумья Пасха долгая.
 А наволочка волглая, а жизнь-то колкая,
 А смерть – зачем о ней?.. молчи!.. она бессильная!
 Пока не вывернул нам локти санитар наружу крыльями,

Пока рубаху не стянули усмирительную
 На хрипах-музыке груди, а увольнительную
 Тебе не выписали, ах, солдатка ты ледащая,
 В железной койке на войну опять летящая,
 С подноса миску с чистым пламенем хватающая,
 Про Звёздных Омудей, ах, ничего не знающая,
 Наживку водкой сбрызнь, червей на крюк насаживай,
 Лицо святое вымажь слёзной сажеею,
 А голый врач к тебе идёт босой по воздуху,
 Ступнями прожигая ночь ли, боль бесслёзную.

Отец!.. Грозой на небо не восстану, нет.
 Струится сверху странный, пьяный свет:
 Шатнётся вдаль, качнётся вблизи –
 Шепну невнятно, по старинке: о, вернись.
 «Я не вернусь...» – ну что ж, я скорби не боюсь.
 Я скорбью, как твоим вином, упьюсь –
 Той самогонкой синей, деревенской,
 в инее бутылъ –

Стеклянный, оловянный ли костыль.
 Глаголь, отец, с небес душе моей!
 Я стану всё безумней и смелей,
 Добрее, злей, теперь уж всё равно.
 Отец, ты ночью всей глядишь в окно.
 Ты заслоняешь мя от угольна мешка.
 Главу возносишь мне до звёздного шестка.
 Поёт петух мне славу! Тьма-гора
 Всё надвигается. Отец, кричи: пора!
 Да я готова. В путь пожитки собрала.
 Колечки, крестик вымела голыком из угла –
 Кот закатил меж тощих половиц,
 Упала пред святой иконой ниц..
 Отец!.. Воззри: ужели я не проспала?
 Я рано встала, зашумела, как ветла,
 И жду, когда дверь стукнет – и войдётся,
 О, на меня, малую, как похож..
 Отец, не убоюсь злых людей.
 Они горят на сковородках площадей.
 Истлеют в пепел. Зла всё меньше, чем добра.
 Отец!.. Сегодня меньше, чем вчера.
 Не мёртвый ты! О, ты, отец мой, не в земле,
 А там, на лучезарном корабле,
 Между орудий, отгремел неравный бой,
 Железо палубы, течёт кровава боль.
 Ах нет, с художниками ты навеселе,
 Танцует рюмка на отчаянном столе,
 Целуешь мать, она смеётся как дитя,
 В окне метель – протяжна и дика..
 Отец!.. Ты, грешник, нечестивых поразил.
 Мя защити от ужаса грозы.

Моим врагам душой поставь заслон –
Война, ведь это... на рассвете... страшный сон...
В далёкий путь я за тобою увилась!
Я не боюсь! Пусть яма, вопли, глина, грязь!
Я лягу в землю в беспощадной мгле –
А ты шепнёшь мне: дочь!.. я не в земле!..
«А где же ты?..» – шепну тебе дрожащем рта...
Рыданьем сердца... храмина пуста...
Отвален камень... Ангел, зимний весь,
Метель да звёзды, шепчет: он не здесь...
А где же мы, любимый мой отец?!
Так, значит, смерть – не слёзы, не конец?..
А где же мы?.. мы здесь?.. или уже ушли
За радугой, по ободу земли,
За матерью, за дедом и отцом,
За огненным началом ли, концом?..
Котомка виснет за моим плечом,
Иду по жизни, плачу ни о чём,
Иду по смерти, выгибу времён,
Отец, ты куришь, гаснет небосклон,
Вдыхаю всей любовью крепкий твой табак...
Отец, постой,
Не уходи
Во мрак.

Прощай, легко идущая стопа.
Прощай, о зренье – не глаза, а очи,
Что, будто кошка, видели в полночи
Звёзд полные царёвы короба.
Прощай, мой воздух: так легко втекал
В раскрытые ладони, в лёгких трепет,
В их паруса, в их ветренный накал,
В их крылья ангелов,
в их птичий летний лепет.
Прощай, клубника скул и алость губ,
Мороз-алмаз и голуби из клетки!
«Красива девка!» – зык мужицкий, груб,
Ожёг мне лоб, щеку... ударом плети...
Красива девка... не старуха ведь
Ещё... Зачем насмешливо так кинул,
Зазывно... Сколь осталось жизни?.. Треть?..
Неслышный Ангел боль из сердца вынул...
Хранитель мой! Ты сжался надо мной.
Работаю я Богу в хвост и в гриву.
Пою, пою... а голос мой шальной
Встаёт торосом зимнего залива...
Зима. Торчащий флюгер дик и ржав.
Вдали река. То Волга или Лета?
По насту лет, по наледям держав
Иду легко, воздушно, боль балета.

Без ничего. Пуста я и легка.
 Сто, тысяча сегодня умирает.
 Моя немая Родина горька,
 Полынный вкус – от края и до края.
 А Волга подо льдом. Немолода.
 В полночной смоли в битве гибнут звёзды.
 Прощай, любовь. Всегда и никогда.
 Прийти так трудно. А уйти так просто.
 А может, припадаю на ступню,
 Трещит сустав, и вывихнуты стены,
 И молодость моя сто раз на дню
 Мне кажется маску смерти и измены.
 И я сама себе – и Ад, и Рай,
 И Райский Сад, где сливы, Цинандали,
 И музыкант: «Разлуку» наиграй!.. –
 Шарманка дней и волчий малахай,
 Бинты и кровь, коньки дамасской стали...
 У кромки льда, далёко, пёсий лай...

Лишь звёздам я не говорю: прощай.
 Они мне сами это нашептали.

МАТЕРЬ МЛАДОСТЬ МОЯ

О, всепетая мати, ты младость премилая...
 Я не ведаю ветра за поздней могилою...
 Я друзей хоронила, дедов я закапывала,
 Близко глинистой ямы я песнею плакала...
 Захлебнусь я, о младость, твоими слезами!
 Погляжу я, о младость, твоими глазами
 На печаль мою, хриплую, голую, босую...
 На любовь мою, снежную, стоголосую!

О, всепетая младость, пройду коридорами
 Я пустыми... рекою с полночными створами
 Проплыву... подавлюсь я рыданьем неслышимым:
 Так Луна проплывает над зимними крышами...

Ах ты, молодость гиблая, нежная, жаркая!
 Я, старуха, к тебе припадаю с подарками:
 Я к тебе, золотая, пришла на свидание –
 А ты мне вместо хлеба – овечьё закляние...

Мати, молодость, о, ты такая красивая!
 Вся румяная, царь-государья, спесивая...
 Вся такая – в погибель навеки – неверующая...
 Переплёт ветхих дней всею кожей наследующая...
 Путеводная нить моя! С болью свидание!
 О, Всепетая Мати, утишь мне рыдание:
 Молодая, ушла на войну я вчерашнюю,
 А вернулась сивиллой, подземною, страшною...

Через сеть всех седин – я одной тебе верная!
Я во имя твоё – хочешь, стану бессмертная?!
...Да не стану, о младость... испили мя чашею...
Лишь во снах во Эдемских – там буду всегдашнею...

...Я, бессмертная, в тьме заиконной покойница...
...Я, безмерная, войско, толпа или конница...
...Я, безумная, прямо на плаху идущая
Да с руками, воздетыми – над Райскими кущами...

Базилики мои, колокольни, часовенки...
Я бессмертна, а смерть – за семью засовами...
Ах, да чёрно-чугунными, ах, красно-ржавыми...
Моя младость, о, мати, о, в руке-державою...

До свиданья?.. Прощай! Каково мне свидание –
Без надежды, без времени, без дыхания,
Без румянца во щёку во всю, скулы алые,
Удивлённо-единственная, небывалая,
А ведь ты же была!.. До свиданья?.. До тления...
До иного, детской слезы исструения
Через века... через горы пророчьего времени...
Моя младость... алмазного снежного семени
Лютый сверк... режет зрак... рассыпается искрами...
Ухожу босиком по узорочью выстраданному –
По собольей тропе – по стезе горностаевой –
От лукавых волков, кучно воющих стаями,
От тебя – от себя – от ночного сияния –
От любви, от святого её подаяния,
От сияющих ликов: то люди – иконами,
Между войн и миров, и глядят небосклонами,
И землёю глядят, и минутой бесследною,
Это роды и смерть, всё как нам заповедано.

ИЗ ВОЛГЛОЙ ТЕМНОТЫ

...из волглой темноты. Из гулкового двора,
Обвеяна кудрями снежных завихрений,
Явилась женщина, сегодня как вчера,
Вчера – как завтра, в гуле зимних песнопений.
На снег ступая осторожно, тихо шла
И на руках несла тяжёлого младенца.
Звезда шивала – рыба острая игла –
Святые снеговые полотенца.

Из волглой темноты. Из жемчуга горстей
Ночных и ледяных. Из крена сковородки
Пустынной, площадной, голодной. Нет людей.
Весь город одинок. Пустой, звенящий, кроткий.
Она идёт, ступает мощно, тяжело.
Ей белоснежный кокон книзу тянет руки.

Вон семафор. Павлинье, пошлое стекло
Витрин. Колёс далёких, жадных перестуки.

Она идёт. Попробуй ты остановить
Её. Стать грудью против. Кто она такая?
Родиться здесь. Смиренномудро здесь застыть.
Казармы вспыхнут красным боком каравая
Кирпичного. Ночлежка пьяная горит
Одним окном: через сто лет – жилище
Людское, зверье. Нежный небосвод открыт.
Засовы сбиты камнем. Вечный ветер свищет.

Она идёт. Молодка?.. Расписной платок
Наверчен на лицо. Не разглядеть ни наледь,
Ни мостовую. Ни под кожей кровоток.
Ни – битым зеркалом – отчаянную память.
Зима, зеркал осколки, мелкие куски
Чужого: в голод корка, и дрова в голландке,
И нет войны, а всё идут её полки,
Всё жгут чуть выше сердца орденские планки.

Она идёт. Кренится зеркало под тяжкою ногой.
Спелёнатое брёвнышко кряхтит и стонет.
Она глядит: небесный город стал другой.
Вот пристань вмёрзла в лёд. И путник не утонет,
По льду переходя реку и времена,
Огнище-жизнь, её Господь раскинул белым платом
В кровавых розанах. Ступай, опять одна,
Опять с дитём, опять под куполом крылата.

Всё вспоминай! Все ярмарки среди зимы.
Там огурцы-капуста тлеют в княжьих бочках.
Там друг у друга клянчим мы судьбу взаимы.
Там ты ещё – огнём заласканная дочка –
Монету нищим подаёшь и алкашам,
У ларя мёрзлого хохочешь в лисьей шапке,
И на стальном морозе выдохом – душа,
А на снегу – крестами – птичьи лапки...

Ты помнишь, помнишь эту конху-синеву?!
А нынче ночь. Тащи, неси, дари Младенца
Всем, кто во мраке удержался на плаву –
Лукавым катам, золотым единоверцам.
Ты – вот идёшь, черница, Богородица моя!
Смеются над Тобой, снежки швыряют в спину,
А Ты идёшь, идёшь по свету, что белей белья,
А Ты несёшь в ночи сияющего Сына.

Так! будет синь-сапфир ещё. И будет мрак.
И будет взрыв. Рожденье будет: возрожденье.
Не вижу лика Твоего... молчишь... да будет так.

Лишь воля, лёгкий шаг, стремление, движенье.
По звёздам мостовых, по лунам площадей идёшь.
Ребёнок, Ты – слились. Оклад и самородок – оба.
А мир ночной, немой так на Тебя похож,
На этот шаг твой поперёк грядущей злобы.

Лицо раскутай! Божья Мать, в лицо мне посмотри!
Мне нужен уголь-взор среди Вселенской стужи!
Мы этот Миръ с Тобой увидим изнутри,
Как зрим зазимками-алмазами – снаружи!
Иди! Я – за Тобой! Детёныш так идёт
За матерью, пятная снег голодными следами...
Ведомая звездой, иди, иди вперёд!
У нас другого нет пути: по головням – и в пламя!

Горят созвездья! Гулом жжёт военным печь!
Горит река в ночи, сорога ледяная!
Нам в эту землю, Божья Мать, скоро лечь,
А будем жить вдали, воскреснем ли... не знаю!
Горит снегами над излучиной Откос,
Мост во фонарных клеймах, в рельсах-шрамах...
Горит, горчит Заречье током ярких слёз!
И поновлённый крест – над жарким стогом храма!

В ночи, о Мать, во тьме горит мой милый Миръ!
Горит во тьме тропа – о, там, где нету брода...
Иди вперёд! Пройдём мы, сёстры, меж людьми
Вот так: Ты с ношей впереди, а я поодаль!
Иди! Я – за Тобой! Пылают фонари!
Огни на пристанях! Огни на башне лютой!
И ты горишь, о Мать, подобием зари.
Чтоб видел Миръ тебя – лицо раскутай!

...И сорвала Она весь в розанах платок.
И обернулась. Плат на снег струился, плакал, падал.
Стояла я пред Ней, дрожа, рот на замок.
Мать, нету смирны, и потерял ладан!
Да просто я вот есть, горящая душа!
Гляди, я пред Тобой горю, сгораю на коленях!
Гола, нища, ни усладенья, ни гроша,
Лишь горсть – за пазухой – далёких песнопений...

Твой, синей сливой, глаз... сияющий миндаль...
Громадных двух зеркал бездонно отраженье...
Глядишь Ты на меня, косишь навывлет, вдаль...
Плывут две яшмы, кабошоны, наважденье...
Из водной мглы... из рыбьей зимней глубины...
Два пламени, два чистых исповедных зрака
Глядят в меня,
И больше смерти не страшны,
Лишь воет далеко бездомная собака.

Лишь писк – у сердца – беззащитных воробьёв
Под тёплым завитком, под чашею тулупа...
Дай чашу снега мне. Не надо слов.
О Мать, у нас остались плачущие губы.
Сейчас умру, сей миг... а Ты – Ты будешь жить
И вдаль идти всё тем же мерным шагом,
Пить из груди давать Младенцу, только пить,
И только быть, и плыть, и огненную нить
Тянуть века, кричать звездой над оврагом.

Не уходи... моя минутная, моя лилейная весна...
Нетканая – и многотрудная... нешвенная – горишь одна...
Убрусом тайным, окровавленным утри мне озорной мой лик...
Я подмигну себе, оплавленной свече, пылавшей краткий миг...
Я подмигну себе из зеркала, где за спиною – вопль толпы,
Где речь родная – иноземною, где рушат троны и столпы,
Где утешают и обманывают... где глотку певчую грызут...
Где босиком иду, туманами дышу, и смертный берег крут...
Не уходи... цветы рассыпаны повдоль, по чёрному ковру –
Все вышиты, иглой истыканы, слезу и кровушку утру...
А утром снова – рукоделие, и эти пальцы – дух распять...
Делирий... страшное изделие... клубков и ниток благодать...
Ковёр цветочный, о, юродивый, безумный, равно как и я...
Вот расстелила при народе я слепую роскошь бытия...
Глядите, люди... о, любуйтесь... ступите пяткой да носком
Над лилиями, незабудками... над васильками – в горле ком...
Ступайте босиком – по воздуху – над ускользящим ковром:
По снегу мартовскому, грозному, по крышам ледяных хором,
По жемчугу ромашек сладостных на нефти-дёгте-смоли той,
Что – чернотой последней ярости... по сумраку войны святой...
Идите нежно, невесомо так, шагайте лаской облаков,
Цветы посажены и сорваны, и звон кандалных лепестков,
И звон тычинок жалких, пестиков... и тонкий запах, тоньше льна...
И в небо вышитая лестница... и я по ней иду одна...
И – выше, выше... исчезающий, мой улетающий ковёр,
Жар-птичий, на изломах тающий, полночный северный костёр,
Я босиком иду по жребию, босая – плачу по судьбе,
Танцую, молодая, резвая, на утлой старости гульбе,
Плыву в ночи по морю синему, ах, занебесному ковру,
Вся Богом вышита, красивая, ах, я сегодня не умру,
Ступаю снежно и неистово по колкой ночи шерстяной...
Иду по смерти как по жизни... Ты только, Боже, будь со мной...
Расшила я ковёр... не жалко... стежками крови, слёз и сна...
Не уходи... моя фиалковая, моя лилейная весна...

я люблю тебя уходящий
улетаю вслед за тобой
здравьем пышущий и болящий
и ледащий хоть волком вой

я люблю тебя вдаль плывущий
исчезающий за кормой
белопенный призрак словущий
всё зовущий домой домой

я люблю тебя повторяю
я люблю и ещё люблю
я люблю от края до края
стеклорезом да по стеклу

я люблю на могиле плачу
фотография под стеклом
мой стакашек бумажный зрячий
ну помянем под ветерком

всю любовь под крестом зарыли
а она воскресла одной
лунной ночью во славе и силе
вон стоит у нас за спиной

РАТНИЦА

Вот те праздничны узоры, рассребрённый изарбат!
Как на славнейшей на Волге струги-яхонты горят.
Под светилом воссияют, наискось волне плывут!
Вот пылает Кремль без краю – ясен-красен, берег крут!
Ах ты, острова-излуки, речки-старицы-ручьи!
Рассыпны пески – что руки нежны-ласковы мои!
Алым бархатом да шёлком исподёрнут мой шатёр!
Атаманша, взоры колки, лик пылает что костёр!
Дело ратное, добыча... Криком ветер-есаул
Разрывает: клёкот птичий, порх синичий, битвы гул!
Ай ты, времечко, ты буйно, кровушкой ты по ножу...
Я средь казаков шумливых молчаливенька сижу!
Гой еси вы, атаманы, братья ратные мои!
Не видал ли кто обмана девьей, бабьей ли любви!
Не обрящещи ли страсти! Не обымете ль судьбу!
Всё одно схоронишь счастье! Всё одно лежать в гробу!
Завтра грозна грянет битва! Поскачу я на коне
Во кровавую ловитву по краснеющей стерне!
Красен Миръ, и красны люди, и подавно кровь красна.
Я несу себя на блюде, смерти, жизни ли нужна!
Ой, на блюде на кровавом, на подносе жестяном...
Ой, погибну я со славой иль загину чёрным сном!

Ай вы, молодцы-казаки, вы на струги – сядь да сядь!
Да гребите вниз по Волге, Волге-матушке опять!
Что сыскать нам?.. снова битва! Снова сеча, копья, меч!
И предсмертная молитва – под крестом родным возлечь...
Ах ты, Керженец да Кама, ах ты, Ахтуба моя!
В битве мы не имем сраму! И сражаюсь храбро я!
Победим врага – на струги, и по Волге к морю плыть!
На коврах на сорочинских восседать да зелье пить!
Ай ты, мой Телячий остров, зелень-кудри, тальники!
Полотняный парус грозный, ветер воли и тоски!
Ах, оружие долгомерно, пушки медны, грянем бой!
А любовь-то долготерпит, а любовь одна с тобой!
Смерть мы сеем! Смертью пашем!
Смертью сыты лишь мужи!
Я-то баба! Ад не страшен! Пред Геенной не дрожи!
Ах, ковры мои персидски, рытый бархат, красный плис!
Ах, орёл летает низко... значит, Богу помолись!
Кушай сладко, девка красна! Пей ты зелено вино!
Караулы не напрасны, вместо бархата – рядно!
Алебардами, секирой вся раскромсана парча.
Ай вы, в горностае дыры, в грязь – понёва – со плеча!
Ах ты, матинька ты Волга, мила Волженька моя!
Смерти ждать уже недолго, и завтра лития!
Ах, бухарские хиджабы! Ах, царьградский ты убрус!
Воин я! Не просто баба! Только... о любви молюсь...
О любви! Ах, люди-люди! Слуги нашего царя!
Бьётся, бьётся так под грудью легкокрылая заря...
Пир гудит между боями! И встаю, в руке потир,
И кричу, подъявши: с нами, люди, Бог! И с нами – Мирь!
Мирь... безумье новой смерти... плеть, стрела, праща, пицаль...
Жгите, режьте, насмерть бейте, люди, вы, людей – не жаль!
За царя и за земельку! За тетёрку на суку!
Выпью – снова мне налей-ка: тьму, сужденну на веку!
Ах ты, сладкое-сладчайше изумрудное винцо!
От людской гадящей чащи отверну к реке лицо...
Ах ты, Волга, ты сердечна, ты река-моя-душа!
Утекаешь к жизни вечной... пьём из Млечного Ковша
Мы твою святую воду... мы твою святую синь...
Волга, посреди народа, мать, меня ты не покинь...
Мать, врага я повоюю да из-за тебя одной!
Я в тебя шагну, живую, потону, лишь будь со мной...
Волга-мать, ты на погосте, в небесах – любовь моя...
Коль умру – да киньте-бросьте в Волгу-реченку меня...

**Валерий
РЫЖЕНКО**

МИРАЖ

Может быть, вам придётся когда-нибудь ехать по большой степной дороге, которую называют шляхом, проложенной ещё нашими предками, ходившими по ней с подводами, арбами... Шлях – самая таинственная дорога, не похожая ни на одну дорогу в мире. Это слышал я от деда, жившего с монахами на горе Афон и ходившего в Иерусалим. Он рассказывал мне о разбойниках, гулявших по шляху в надежде на счастье; странника, богомольца... Сейчас я думаю, что тот мир, о котором мне рассказывал дед и который я застал уже умирающим, был тоже обычным, как и вся история наша. И только воображение тех, кого мы называем великими, хотя их владычество уносит тысячи и миллионы жизней, и невежество играющих в великих выдают нашу историю как необычную.

Так, если вам придётся ехать по шляху и вы человек наблюдательный, вам всегда бросится в глаза перекрёсток с дорожной остановкой: каменной будочкой, возле которой растёт одинокое дерево и стоит указатель, на котором написано название посёлка. Может, вас заинтересует название посёлка. Странные иногда бывают названия... «Пришиб». И вы попытаетесь отгадать, кто дал такое название, кто его основатель, кто живёт в нём... Но чаще всего другие мысли отвлекут вас, и вы, поудобней устроившись на сиденье, подумаете: «Пришиб». Ну и ну!» – и улыбнётесь.

Случается, что о существовании таких посёлков не напоминают даже указатели.

Но... вдруг вам захочется увидеть такой посёлок. Сойдите на перекрёстке. И, если вы молоды и сильны и стоит лето, не ждите попутку, а идите пешком. Идите прямо через степь. Зачем вам дорога, если вы молоды?! Вы увидите посадки, могильные курганы, балки, суходолы, овраги...

Зайдите в посадки. Вас встретят чистый и свежий воздух, тишина и прохлада. Вы почувствуете, как свободно дышится и слегка кружится голова. Высокие абрикосовые деревья и крепкие дикie груши защитят вас от шума большой дороги, жары и ослепительного степного солнца, словно высеченного в густой

● Валерий Андреевич Рыженко окончил Высшую Краснознамённую школу КГБ при Совете Министров СССР имени Ф.Э. Дзержинского. Автор около 300 книг различной тематики. Публиковался в журналах «Невский альманах», «Новая литература» и др. Живёт в г. Домодедово Московской области.

синеве неба. Между кустами с волчьими ягодами, тёрном бегут узкие дорожки, протоптанные охотниками за грушами, абрикосами, грибами...

Дорожки проведут вас к небольшой поляне с густой, рослой и упругой травой, которую вы уже никогда не встретите в степи, иссушенную солнцем и отданную человеку. На поляне вы увидите шалаш, срубленный из веток лиственницы сторожем-огородником, а в шалаше – спящего сторожа, крепко набравшегося с утра всякой всячины, до которой так охоч человек русский. Земля в посадке покрыта толстым слоем старых листьев. Наберите охапку листьев и присядьте на них, прислонившись спиной к дикой груше. Вы услышите лёгкий шорох. Это трудится под слоем листьев ёж, падают поспевшие абрикосы, груши... Увидите галочки гнёзда, сверкающую паутину, как бьются солнечные лучи о листья и плывут облака. Если вы человек впечатлительный, не смотрите долго на облака. Вам захочется уйти за ними. Лучше послушайте, как звенит степная тишина и слегка поскрипывают галочки гнёзда. Уходя, свистните. Ваш пронзительный свист вспугнёт галок. И вы улыбнётесь и вспомните детство.

Попадутся вам по пути и могильные курганы, поросшие жёсткой травой и оставленные нам с тех времён, которые слышали свист стрел и дикое гиканье... Много ещё таких курганов, и не скоро уйдут они из памяти нашей. На некрутых склонах кургана – неглубокие рвы, похожие на морщины. Это следы весёлой весенней воды. С каждым годом становится их всё больше. И кажется, что курган, как и человек, стареет и так же, как и человек, умирает, оставляя после себя только лишь воспоминания старожил, когда-то ходивших к курганам искать счастье.

У подножья кургана растёт густой, жилистый репейник, как бы преграждая путь любителю взобраться на курган. Часто скапливается бездонное перекасти-поле, вечно гуляющее по степи, словно человек в надежде на счастье. А вы возьмите палку и, как в детстве, размахивая палкой словно саблей, прорубите среди репейников дорожку и взойдите на верхушку кургана. Вы увидите всё тот же степной мир: овраги, суходолы, посадки... Ваш взгляд отыщёт вдали и стога сена, буровую вышку, церковь и одинокую могилку, приютившую, может быть, какого-нибудь странника, на которых так щедра была земля наша.

Но забудете вы и посадки, и церковь, и кто знает, что почувствуете, о чём задумаетесь, увидев залитый ярким светом жаркого степного солнца бескрайний ослепительный простор. Застынете ли, охваченные тревогой своего одиночества, и попытаетесь предугадать судьбу свою в этом таинственном мире, обратитесь ли к давно умершему в вашем сердце образу, к которому обращались наши деды и прадеды, или от восторга, что вы один на воле, приложите руки ко рту и закричите. Прокатится ваше слово по степи и рассыплется. Никто не откликнется. Только вырвется из травы испуганная птица и исчезнет. А может, станет вам грустно, как бывает грустно человеку, вдруг задумавшемуся почему-то о своей жизни. Но не стойте долго на кургане. Они не раз обманывали искателей счастья.

Встретится вам по дороге и глубокая степная балка, скрывавшая когда-то лихих людей, об удали которых любят рассказывать древние старики, может быть, и сами искавшие, но так и не нашедшие удачу на степных дорогах. Склоны балки крутые, покрытые колючей малиной. Спускаться по таким склонам чрезвычайно трудно. Из-под земли торчат острые серые камни, а склоны часто уходят в обрыв. Не ищите обход, спускайтесь по самой крутизне, и ваш труд будет вознаграждён. Вы почувствуете, как пробудится ваше сердце, когда вы зависните над обрывом, а оглянувшись на пройден-

ный крутой путь – давно забытую мальчишескую гордость. Идите в глубь балки. Её дно усеяно камнями, которые неустанная вода вымывает из склонов. Среди камней вы увидите, как пробивается к солнцу молодая поросль тополей, акаций... И не позавидуете ли вы её желанию жить, не упрекнёте ли себя или станете оправдывать себя?

Идите дальше. И перед вами раскроется мир, от которого отвернулся современный человек: густые кусты шиповника, дикие розы, сгорбленные от старости лиственницы, дикие яблони, которые поселковые мальчишки называют «кислицами», засохшие ландыши... а там, куда не достаёт солнечный свет, вы услышите негромкое журчание. Это говор родника, который бережливая природа, словно зная безжалостную руку человека, спрятала в самую гущу диких зарослей. Чистая и холодная вода утолит вашу жажду, придаст свежесть и впечатлительность вашим мыслям и чувствам, и вы, откинувшись на спину и подложив руки под голову, отыщете среди густых крон деревьев светлое окошко и снова увидите, как плывут облака, падают листья, колышутся от лёгкого ветра верхушки деревьев, вольно кружит в бездонном небе птица. И, может быть, снова позавидуете птице, ветру, гуляющему по степи, и снова задумаетесь о своей жизни, мечтах... древних истинах человечества и его вековых иллюзиях о счастье. Отдохните, а потом ищите тропинку, которая выведет вас из балки на высокий бугор.

Вашему взгляду откроется большая зелёная роща из густых садов, тополей, акаций, лип, похожая на первозданный уголок, бог знает каким чудом сохранившаяся в иссушенной степи... Увидите вы рощу в окружении высоких бугров. Они напоминают гигантских великанов, которые словно собрались, чтобы подумать о своей судьбе и судьбе первозданности, исчезающей с лица земли нашей, как исчезает всё, что подвластно времени. Ваш взгляд долго будет блуждать по садам, пока с трудом отыщет среди верхушек деревьев крышу самого высокого дома. Вы представите просторную, крепкую усадьбу, созданную нелёгким трудом. Так создаётся всё, что имеет свои традиции. Представится вам и двор с палисадником, и обязательно просторный. Любит русский характер развернуться во всю ширь на свадьбах, проводах, крестинах, толоках... Подумаете вы и о доме со светлыми окнами, убранными в старинные резные ставни, о просторных чистых комнатах со старинными кружевными занавесками на окнах и вышитыми полотенцами. Не забудете и трудолюбивых хозяев. Молодого весёлого хозяина, знающего толк в мастеровом деле, и такую же молодую хозяйку, прозванную за бойкий нрав «молодицей», стариков-родителей и гурьбу внуков. Воображение уведёт ваши мысли и чувства под развесистую яблоню, под которой ждут гостя-соседа, хорошего товарища, скупого на слово, но щедрого на дело, за деревянным столом с нехитрыми поселковыми дарами: грушами, яблоками, сливами, мёдом и тем особенно крепким напитком, веселившим наших дедов и прадедов. И скажете, что не ушла ещё гостеприимная старина, которая прославила человека русского далеко за пределами земли нашей.

По стройным рядам тополей, разбегающихся во все стороны посёлка, вы догадаетесь об улицах, и вам захочется пройти по широкой чистой дороге между домами, отдохнуть в прохладе тополей и посмотреть на бойких, крепко загорелых поселковых мальчишек, гонящих босиком мяч или играющих в цурки. Между ивами с зелёными пышными шапками, которые как бы кланяются земле, сверкнёт полоска воды, и вы вспомните речку с прозрачной и свежей, как в роднике, водой, крутыми, высокими берегами, поросшими

сочной зелёной осокой, камышом и лугом. Кружащая на одном месте стая галок и голубей наведёт вас на мысль о церкви, и вы задумаетесь... Впрочем, спускайтесь с бугра.

Может быть, вы подумаете, что встретите шумную весёлую компанию молодых парней и девушек в расшитых костюмах, с гармонистом, идущих в балку отдыхать... Никто не встретится вам. Только у подножья бугра вы увидите большой двухэтажный деревянный дом, рассыпающийся от старости. Это дом бывшего помещика, от которого и пошло, наверное, название посёлка. Загляните в дом и побродите по его пустым комнатам. Вам придётся по пояс шагать в бурьяне, пока вы доберётесь до разрушенного крыльца. Старые ступеньки скрипнут, словно от боли, когда вы будете подниматься по ним. Шарахнется в пустое окно одинокая прилудная птица, потревоженная шумом ваших шагов, да стукнет от ветра покосившаяся ставня. Вот и все поселенцы дома, в котором когда-то звучали человеческие голоса, звенел детский смех, жили беды и радости – словом, всё то, что вы встретите в любом доме. Вспомните ли вы о нём? Или по привычке, махнув рукой, промолвите: «А... помещики...» – и выйдете, не задумавшись об их судьбе. Или, вспомнив одинокую могилку в степи, вы вдруг почувствуете грусть по всем ушедшим.

Недалеко от дома вы увидите небольшое стадо коров, жадно выщипывающих жёсткую траву с иссушенного луга, бывшего когда-то местом кулачных боёв, задорных частушек, кормильцем, и пастуха-старика, сидящего под одинокой акацией. Если вы окликнете его, он посмотрит в вашу сторону, приложив дрожащую руку козырьком к морщинистому лбу, а не окликнете, он так и будет сидеть согнувшись, с опущенной головой и думать о том, о чём думают все старики. Сравните картины великих мастеров о пастухах и пастушках с увиденным. Все сравните. Не мелькнёт ли у вас мысль: как всегда, далеки были великие от жизни. Присядьте со стариком и расспросите его о посёлке. Он долго будет молчать, постукивать палкой о землю. И вам покажется, что он немой. Он не немой. Он отвык от слов большой жизни, из которой вы пришли. Вы почувствуете тяжесть на сердце от его длинного, тоскующего взгляда, словно заблудившегося в жизни, от высушенного горечью рассказа о посёлке и часто повторяемых слов «жизнь... жизнь...». Случится, что вы примете его за одного из тех вечных стариков, которых называют «юродивыми», «пришибленными» и которых всегда рождала великая Русь, словно в насмешку своему величию, и не поверите его рассказу.

Пройдитесь тогда по улицам посёлка. Все та же тропинка проведёт вас по шаткому деревянному, зияющему дырами мостку, перекинутому через речку, бывшую когда-то в силе, судя по крутым, высоким берегам и могучим вербам, всё ещё цепляющимся иссохшими корнями за иссохшие берега. За речкой встретится вам колхозная контора – низкорослое покосившееся здание, похожее на сторожевую будку и выкрашенное в густой коричневый цвет, с флагом на фронтоне, украшенном ещё вдобавок плакатом с диким, краснолицым и улыбающимся молодцом. Возле конторы возвышается гора деревянных ящиков, стоят барак, просвечивающийся словно решето, с дустом и другой всячиной, ферма с раскрытой крышей. Вы не услышите весёлой песни, шуток, а увидите спутанное травой поле да две-три фигуры, пропалывающие грядки. Что подумаете вы, глядя на умирающее хозяйство, может быть, некогда славившееся на всю округу садами, прудами с рыбой, бахчами, конным хозяйством, трудолюбивыми работниками, задорным словом?..

Тропинка выведет вас на окраину посёлка, к оврагу, куда свозят мусор с посёлка, к небольшой поляне, по которой бродит привязанный телок. Если вы родились в посёлке, то вам вспомнятся зимние овраги, забитые чистым снегом, в которых поселковые мальчишки строили крепости из снега, играли в снежки, катались на санках, а вернувшись домой, засыпали крепким детским сном, вспоминая задиристых товарищей. Идите дальше. Вместо просторных чистых улиц с бойкими поселковыми пацанами, которых вы надеялись увидеть, стоя на высоком бугре, вы увидите узкие пыльные улочки. Они поразят вас своим безмолвием и отсутствием живого слова. Вы окажетесь в окружении домов с дряхлеющим, обветшалым видом, который приобретают они, когда из них навеки уходят хозяева. Вам станет грустно от задыхающихся от жары и пыли тополей, акаций, дощатых падающих заборов, зарастающих бурьяном, которым так щедро земля наша, вымирающей сирени в палисадниках. С недоумением посмотрите вы вокруг и с надеждой увидите то, что представлялось вам на бугре. Но сколько бы вы ни смотрели, вы увидите только тот мир, который природа возвращает себе, когда его отталкивает рука человека. И, может быть, воскликнете вы: «Полно! Да так ли это?» И ответите: «Так». И поймёте, что нет ничего обманчивей на свете нашего воображения.

Вдоль улиц стоят лавочки, прикрытые целлофаном, чтобы не отсырели доски. А на лавочках сидят старики, прижавшись к забору. Сидят они, согнув спины и опустив головы как бы в поклоне. Изредка они поднимают головы и устремляют взгляд в даль, словно отыскивая ту дорогу, по которой им скоро придётся уходить. Вы их встретите на каждой улице. Куда бы вы ни пошли... Одеты они в фуфайки, телогрейки, поношенные шинели, валенки, бурки – во всё то, что осталось на старость. Вы увидите их морщинистые лица, будто иссечённые рубцами, такие же морщинистые руки, некогда знавшие силу, и глаза, похожие на замёрзшие ледяные проруби. Глядя на них, вы подумаете, что когда-то и они были молоды, веселы, гуляли на свадьбах, крестинах, толоках... Работали, отдавая силу и молодость взамен иллюзий, приобретая несуществующие блага и такой же несуществующий мир, который они передавали своим сыновьям. Вы встретите среди них плотников, столяров – всех тех, кого владыки называют народом, создавая их плотью империи и державы и защищаясь их же плотью от других владык, тех, кто строил великолепные замки, хоромы, но никогда не жил в них, выращивал хлеб, добывал соль, но не распорядился плодами труда своего. Они долго будут смотреть на вас уставшими глазами, из которых уже уходит жизнь, и словно спрашивать, а не видели ли вы их сыновей в городе? Знают ли они, как тяжело им здесь? Некому смотреть за хозяйством, валяться дома, и никто их не поправляет, и они скоро умрут.

Если вы пройдёте по улицам вечером, вы увидите, что они всё так же будут сидеть на лавочках и не заходить в дом, так как давно отвыкли уже от своих домов и привыкли к лавочкам под акациями, тополями, сидя на которых они ожидают письма, телеграммы... и, не дождавшись, умирают. Сядьте возле них и поговорите. Только не переубеждайте их. Не разрушайте их мысли и чувства. Вы услышите их тихий, немногословный мир, от которого так далеко ушла большая жизнь, дерзко вторгающаяся в тихие уголки наши, какими длинными, окольными путями вела их жизнь к старости. Вы поймёте, что они уже ничему не верят и не поверят, что давным-давно забыли они о прекрасных легендах, о счастливой человеческой жизни, смирились с тем, с чем вы ещё не можете смириться, и что умрут они, так и не поняв, кто и зачем привёл их в этот мир.

Зайдите в дом и посмотрите, как они живут. Откройте калитку. Словно вымершим окажется двор. Лишь некогда прочные постройки сарая, навесы от дождя, сеновалы, которыми заботливые хозяева заполняют свои дворы и которыми они когда-то гордились, говоря: «А что, кум, у меня покрепче будет!», напомнят вам о том, что здесь была широкая хозяйская жизнь. Вы увидите собачью будку и почти ослепшего незлобивого пса, откликавшегося на кличку Джульбарс. Велика у людей любовь к именам, кличкам. Двор окажется в кучах слежавшегося песка, щебня, прогнивших досок, старого шифера, черепицы, которые владельцы приготовили давным-давно, чтобы отремонтировать дом с сыновьями. Но сыновья не приедут. Они приедут только на похороны. И только после похорон поправят хозяйство, продадут и уеду, забыв и посёлок, и дом, и могилу батька.

Постучите в окошко веранды и заходите. На веранде, скроенной из лёгких досок лёгкой рукой, вы найдёте старую прялку, и вам представятся тихий зимний вечер и молодая хозяйка, прядущая шерсть, тумбочка с оторванной дверкой, из которой падают учебники, игрушки, давно забывшие теплоту детских рук. Напротив веранды находится кладовая с полками, где стоят поржавевшие керосиновые лампы с разбитыми стёклами, пустые стеклянные банки и большой деревянный ящик с железной защёлкой, куда складывают накопившиеся за всю жизнь вещи: пальто, шали, изъеденные молью... Вот и всё их богатство. Комнаты окажутся в небольшом убранстве: дорожки из ряднины, вытканные ещё на приданое, резной намыслик, где ваш взгляд найдёт потемневшие упаковки с таблетками, которые, судя по пыли на них, никогда не открывались, фотографии в старинных рамках на стене, выгоревшие бумажные цветы на подоконниках и иконы с лампадкой в углу.

Многое увидите вы. Но никогда не увидите портреты владык, которые часто встречаются в учреждениях, называемых народными, как именуют народным всё, что не принадлежит народу. Вспомнится ли вам разрушенный помещичий дом, и не скажете ли вы себе: «Так ли всё изменилось?» Если вы приглянетесь хозяевам, вы услышите тихое слово «сын»», но не увидите слёз, высушенных тоской и несчастными письмами. Вам покажут фотографии сыновей и расскажут, какими они были в детстве, без обидных слов и горьких упреков. И о чём подумаете вы, слушая рассказ и глядя на этот мир, который тоже когда-то станет вашей жизнью? Не мелькнёт ли мысль, почему так бедна земля наша на истинное благородное величие, но щедра на бездушные и невежество?

Выйдя на улицу, вы увидите всю ту же прекрасную синь неба, словно вытканную чьей-то сострадательной рукой, чтобы скрасить наши горечи и несчастья. Увидите вы и бегущие облака, тающие на горизонте, будто умирающие. Они как бы напомнят, что они тоже не вечны в этом мире. А может быть, яркое жаркое солнце, которому безразличен раскинувшийся под ним человеческий мир, вызовет у вас мысль: как велика несправедливость вселенной, дающей человеку право любоваться ей, но не владеть. Или, вспомнив беды, которые принёс человек земле нашей, задумаетесь, что природа поступила мудро, сделав человека смертным. Не думайте долго. Вам не разгадать всех тайн.

Спросите у стариков, где центр посёлка. Центром в посёлке называют обычно небольшую площадь, окружённую магазинами, больницей, бусугарней (поселковая пивная) – словом, всеми заведениями, без которых не обходится ни один народ, ни один город. Старики долго будут смотреть вам вслед. И если вы обернётесь, вы увидите, как они прощально машут руками. Так прощались они, провожая сыновей, уходивших в большую жизнь.

Не сожмётся ли ваше сердце от боли, когда вы подумаете, что уже больше никогда не встретитесь с ними на этой земле? И не захочется ли вам вернуться к ним, чтобы запомнить уставшие руки и глаза, похожие на замерзшие проруби? Или, подумав, что ничто не возвращается на круги своя, что всё, что делается, делается к лучшему, что жизнь – это вечный круговорот, успокоитесь этими чужими мыслями, которые бог знает по каким причинам называют великими истинами, хотя от их величия человек не становится великим, а только оправдывает свои мысли и поступки.

К центру вас будут вести всё те же пыльные улочки с постаревшими от жары, дождя, стужи тополями, акациями. На улочках вам попадутся почерневшие срубы колодцев, поставленные ещё основателями посёлка, давно ушедшими с этой земли. Вдруг вам захочется, как в детстве, перегнуться через сруб колодца, чтобы увидеть своё отражение в воде. Вы не увидите его. Вода покрыта старыми листьями. Стены затянуты паутиной. На покосившемся ворота болтается чудом уцелевшая, проржавевшая цепь, тронув которую, вы услышите тихое звяканье. Вокруг колодца растёт бурьян, жертвой которого становится всё заброшенное человеком. Поближе к центру улочки станут шире и чище, лавочки исчезнут, дома – крепче: каменные с высокими заборами и воротами, окнами, закрытыми диким виноградом, проходя мимо которых человек любопытный всегда испытывает особое неудовольствие. Попадутся вам и колонки с жёсткой, словно обжигающей водой, тротуары – бетонные плиты, уложенные поселковыми умельцами в том состоянии, которое почти никогда не покидает человека русского и вошло в такую привычку, что, кажется, и рождается он в этом состоянии.

Не доходя до центра, вы увидите стадион с футбольным полем, беговыми дорожками, хоккейными воротами, баскетбольными и волейбольными площадками – свидетельство того, что посёлку не чужд и спорт. Однако заросшее всё тем же нашим бурьяном футбольное поле и крепко вытоптанная, широкая извилистая дорожка, ведущая от стадиона к красному кирпичному зданию с вывеской «Чайная», которое в посёлке называют бусугарней, говорят и о том, что в посёлке предпочитают занятия более существенного рода.

Возле стадиона стоит небольшая трибуна, предназначенная для поселкового начальства, появляющегося перед народом в то время, в которое не появиться нельзя. Такие трибуны часто строят на один манер. Что поделаешь! Такова уж рука нашего мастерового, привыкшего больше ладить с крепким напитком, чем с древним ремеслом наших дедов и прадедов, возводивших терема, церкви... Низ трибуны с трёх сторон обшит досками и пуст. В нём можно прятаться, что удобно для поселковых мальчишек, особенно любящих играть в широко известную, но печальную игру – войну. Может быть, вам удастся увидеть бегающих по стадиону вокруг трибуны мальчишек с весёлыми лицами, весёлыми криками, деревянными автоматами, пистолетами, шашками, как они в шутку убивают друг друга, словно нет у них другой игры. Посмотрите, с каким азартом они стреляют друг в друга, рубят... Не правда ли, грустная картина? И вряд ли вы найдёте её на полотнах художников. Они предпочитают картины более серьёзные.

А не почувствуете ли вы ещё большую грусть, если вам случится увидеть на трибуне странную фигуру. Она размахивает руками перед стадионом и выкрикивает какие-то слова. Вы никогда сразу не догадаетесь, кто это. Понаблюдайте за ней. Она окажется похожей на артиста, репетирующего непонятную роль. И вы бы поверили, если бы вместо трибуны была сцена. Можно принять её и за пьяненького, часто путающего своё место в жизни. А порой за чудака-человека, решившего повеселить себя от скуки или выска-

заться о том, о чём высказывается человек русский, когда у него крепко накипело на сердце. Всё это не так. Это юродивый или, как говорят, «пришибленный», которого вы встретите в любом посёлке. Бог знает, откуда они берутся и приходят на землю нашу. От деда я слышал, что это люди, обиженные богом. Рассказывал он о них с жалостью и грустью, со всеми теми чувствами, которые, как я понял, говорили о его большой и доброй душе, воспринимавшей беды человека на этой земле как его испытания перед уходом в другой мир. Может быть, придёт вам на память старинная и печальная легенда о вечной борьбе дьявола и бога за душу человека. И спросите вы себя: кому подвластна душа человека в нашем мире? почему так непрочно устроен наш ум? Не вызовут ли эти мысли у вас страх? Не позавидуете ли вы помутившемуся уму юродивого? Или как человек равнодушный – равнодушно посмотрите на беснующегося человека среди чистого, светлого, ясного дня, вздохнёте, скажете: «Слава Богу, что я не такой...» – и пойдёте дальше.

Заасфальтированная дорога, которая неожиданно появится под вашими ногами, уставшими от кочек, выведет вас к железнодорожному вокзалу: невысокому крепкому зданию из кирпича. Построено оно ещё в то время, которое помнил молчаливых станционных смотрителей, умиравших в одиночестве на российских сонных полустанках. Судя по волнистым стенам, здание несколько раз перестраивалось, но, как говорят, в люди так и не вышло, впрочем, как и многое у нас на Руси. Зайдите в вокзал. Вы увидите тесное помещение с окнами, одетыми в решётки, которые очень любят сильные мира сего, стены, выкрашенные красным цветом, который тоже по вкусу всё тем же сильным мира сего. Вдоль стен расставлены фанерные лавки с испанскими спинками, на железных ножках, с железными исцарапанными подлокотниками. На стене висят круглые электрические часы с вечно запаздывающими стрелками, картина, где нарисован стол, а на столе разрезанный арбуз и дикая утка – сочетание, которое уже давно не увидишь на столе русского человека, привыкшего сейчас только хлебосольничать.

В углу, который вызывал особое пристрастие русских писателей, описывавших жизнь бедных чиновников, стоит электронный кассовый аппарат. Трудно понять, зачем его поставили. То ли для украшения, чтобы разрушить грустное впечатление, то ли для того, чтобы напоминать желчным лицам, что не всё у нас льком шито, что век могущественного атома не чужд и нам. Рядом с кассовым аппаратом на деревянном табурете – оцинкованный бачок с водой и алюминиевой кружкой, прикреплённой небольшой цепочкой к дужке бачка. За окном кассы спит немолодая женщина с уставшим лицом, положив голову на кипу амбарных книг, а на лавках – пассажиры, ожидающие поезда, который, судя по словам дежурного, бог знает когда придёт и придёт ли вообще. От дежурного вы услышите о вечно опаздывающих поездах, пассажирах, которых он назовёт бестолковыми, жалобы на жизнь... обо всём том, что расскажет вам русский человек. Вы поймёте, как бедны его представления о жизни, как грубы язык и ум. В его голосе вы услышите голоса всех подневольных, которых Владимир обратил в христиан, Пётр Первый – в европейцев... Может быть, почувдятся вам их лица, глаза... И не зададитесь ли вы снова вопросом, почему судьба обрекает одних на жизнь станционных смотрителей, ремесленников, а другие становятся владыками, великими?.. Не покажутся ли вам миражом великие идеи, с помощью которых пытались устроить земное счастье? вспомните, сколько жестокости и крови приносили они. Или промелькнёт у вас более глубокая мысль, что великие идеи о земном счастье слишком рано приходили на нашу землю, как и их создатели.

Выйдя из здания, вы увидите маленький сквер с акациями. Среди акаций находится большая отбитая гипсовая чаша, заполненная мутной водой, которая покрыта разным хламом. В середине чаши стоит гипсовый обрубок – остаток фонтана. Вокруг чаши – лавки с отломанными спинками, на одной из которых спит, уткнувшись в сиденье, мужчина в разорванной железно-дорожной спецовке, видимо, станционный рабочий, пришедший недавно из бусугарни. На привокзальной площади – клумба с высохшими и забытыми цветами, обложенная красным кирпичом, автобусная остановка, на которой валяется железный каркас будки. Словом, куда бы вы ни обращали свой взгляд, вы увидите всю ту же нашу разрушающую бедность, глядя на которую, невольно испытываешь стыд, что ты человек. И не этот ли стыд заставляет русского человека лепетать перед иностранцем, а иной раз раздражается в купеческую вакханалию перед своим соотечественником?

С привокзальной площади узкая бетонированная дорожка приведёт вас к длинной постройке, одна половина которой выложена кирпичом, другая сделана из досок. Над постройкой висит густая тяжёлая пыль, сквозь которую вы с трудом увидите солнце. Это «заготзерно». У большой разгрузочной площадки стоят высокие многотонные пультманы с зерном. Пультманы с площадкой соединяют широкие доски, по которым рабочие таскают мешки. Лица и одежда рабочих покрыты пылью, волосы всклокочены. Они хрипло выкрикивают, когда поднимают и разгружают мешки, часто бросают работу, откашливаются, вытирают руками лоб, садятся на деревянные ящики и достают вино...

Пройдитесь по посёлку и вернитесь снова к «заготзерну». Вы увидите ту же самую картину. Эти люди будто замкнуты в мир густой пыли, к которому они уже привыкли и из которого не видят выхода. Как много ещё таких мирков на земле нашей. Они словно не подвластны времени, словно бессмертны. Умирают эпохи, умирают их создатели, а мирки остаются. И не они страшны, а их вечность. Прислушайтесь. Вы услышите шум времени, которое уносит силу и молодость этих людей. Вы увидите, как разрушаются их лица, глаза... И не эти ли мирки, сонные полустанки порождают печально известную привычку у русского человека «быть во хмелю»? Не этот ли труд, который почему-то у нас называют облагораживающим душу, не возвышает человека, а превращает его в подручного человека?

По деревянному настилу, сделанному из шпал, которые уложены между железнодорожными рельсами, вы пройдёте к большому строящемуся зданию. На его стенах висят транспаранты с призывами, на которые уже давно махнул рукой человек русский. Жест, как известно, чисто наш. В последнее время он приобрёл большую популярность, впрочем, как и слова, сопровождающие подобные жесты. За строящимся зданием вы увидите здание поменьше и очень старое депо: кузница с поржавевшим кожухом, токарный цех с деповскими станками («ДиП» – догоним и перегоним), слесарная мастерская, паровозная яма с паклей и мазутом. Возле депо – путевые тупики с паровозами, окна которых забиты досками, вагонные платформы... И неужели вы не поймёте, что прошлое, которое так блистательно заклеямили наши не менее блистательные историки, так и не ушло в прошлое?!

За пропахшими паровозным дымом посадками, которые тянутся вдоль железнодорожного полотна, убегающего к шахтам, находится парк с невысокими и редкими, словно болезненными кустами сирени. В парке вы не увидите аллей, беседок... А догадаться, что это парк, можно по входу, сделанному из двух выструганных и выкрашенных брёвен, вкопанных в землю, к которым прибита перекладина. С перекладины свисает проволока с неболь-

шой доской, где указано, что это парк, и обычно громкое название: «Победа». Разбивают такие парки по привычке, которую завёл у русского человека ещё Пётр Первый. В середине парка стоит летний клуб с дощатыми стенами, на одной из которых канцелярскими кнопками приколоты афиша: лист бумаги с названием кино, началом сеанса. Недалеко от клуба встретится танцплощадка, огороженная металлической сеткой. За сеткой расположено деревянное покосившееся полукружье для поселкового оркестра.

А через дорогу от танцплощадки – известное всем в посёлке здание. Среди других зданий – больницы, дома быта, продовольственных и промышленных магазинов – это здание отличается крепкими стенами, новой крышей из шифера, большими светлыми окнами, дверьми, шитыми из толстых досок. Это – бусугарня. Откуда пришло это слово – бог его знает. Много на Руси слов нерусских, впрочем, не только слов...

Открыв дверь, вы увидите просторное помещение с высокими потолками. В углу стоит металлическая никелированная вешалка с шахтёрками рабочих: спецовками, фуфайками, телогрейками... Стены до половины выкрашены краской, которой красили в Российской империи дома для душевнобольных. Другая половина стен – в сюжетах из народных русских сказок... Илья Муромец и Соловей-разбойник... Глядя на лицо народного героя, вы поймёте, что его создатель не столько знаком с народным героем, сколько – с любителями крепкой выпивки. За небольшими столиками с пластмассовыми потрескавшимися покрытиями, уставленными пивными кружками, гранёными стаканами, пластмассовыми канистрами, банками и даже полиэтиленовыми пакетами, заполненными пивом, сидят мужчины, женщины. На столах... Стоит ли говорить, что на столе у человека пьющего. На полу валяются окурки, бумага – всё то, что порождает подобные пиршества.

За массивным холодильником с большими витринами, за которыми ваш взгляд отыщет лишь то, что называют пустотой, стоит массивная буфетчица с красным, распаренным, словно после бани или крепкого вина лицом и, скрестив массивные руки на массивной груди, прикрытой замасленным коротким фартуком, покрикивает на пошатывающихся рабочих-грузчиков. Покрикивает она тем тоном, который присущ всему торговому племеню, и словами, оставленными нам, как говорят, ещё татарами. Пройдитесь по узкому между столиками проходу, где вы встретите стоящего на коленях человека, собирающего рассыпанные сигареты или мелочь, и спросите у буфетчицы чаю. В ответ вам раздастся громкий хохот. Не спешите уходить. Вы услышите громкие раздражительные голоса, сопровождающиеся крепкими ударами кулака, а то и головы об стол, болезненный смех человека с дёргающимся лицом и трясущимися руками, спутанные звуки гармошки то ли «барыни», то ли «цыганочки» и такую же спутанную песню, которую поют с таким чувством, будто это последняя песня; непонятные споры, заканчивающиеся обычно дракой или треском разрываемой рубахи, что вообще в черте русского характера, который выказывали и наши владыки не только перед соотечественниками, но и иноземцами, разнося молву о загадочном славянском характере. Вы увидите спящего за столом или у стены пенсионера, отработавшего свой век смазчиком в депо и заслужившего от государства пенсию в несколько грошей, или молодую женщину... Кто знает, что снится им? По каким причинам заглянули они в это здание и надолго ли останутся здесь? Может, не найдут они больше другой дороги. А кто её покажет? Да и не в природе русского характера сворачивать с выбранной дороги, что уже не раз доказывала история. Увидите вы и яростно танцующего во всю ширь расхристанного деповского парня, на которого никто не обращает вни-

мания. Трудно понять, что он танцует. На его лице весёлое выражение, он пощёлкивает пальцами, подмигивает, выкрикивает: «Эх!» – и пускается вприсядку, громко хохочет, когда сбивает какого-нибудь пьяненького. Что ему?! Он пока молод и силён. Рядом с ним топчется старик с обиженным, как у наказанного ребёнка, лицом. Чтобы не упасть, он держится одной рукой за стол. Иногда он пытается пуститься в пляс, но давно отслужившие ноги не слушаются, и он падает, вызывая у парня презрительную улыбку, который не понимает, что скоротечна жизнь, что быстро старится человек, что недалеко то время, когда он сам станет стариком и коснутся его людское равнодушие и презрение, как касается оно всех, утеревших силу и молодость...

В бусугарне встретится вам и молодой человек, но с лицом больного старика, затухающим взглядом, в обдёрганной с чужого плеча военной шинели или габардиновом пальто. У него больные сердце, печень... Часто с ним случается белая горячка. Его несколько раз лечили, а потом, как принято, махнули рукой, не забыв при этом успокоить свою совесть, сказав: «Горбатого могила исправит». У него нет жены, детей, дома... Летом он спит в посадках, а когда наступают холода – в деповской кладовой на пакле. Он давно забыл степь, балки, курганы и живёт одним воспалённым воображением, которое не даёт ему отдохнуть и во сне. Ему часто снится, что его мучают, убивают... Может быть, кто-нибудь и позавидует его снам... Он бродит между столиками и просит на водку. Редко кто даст ему выпить. Он и сам это знает, но просит. Подойдёт он и к вам. И, если вы купите ему вина, он скажет, что он ещё не конченный человек, что завтра... бросит пить, устроится на работу в депо или на шахту, женится, построит дом – словом, он расскажет о том, что уже никогда не сбудется. Это – мечтатель. И, как многие мечтатели, он всё больше станет отдаляться от реальной жизни. И кончит тем, что найдут его в петле или замёрзнувшим под забором. Так и уйдёт он с этой земли, как уходили многие подобные ему, не испытав любви ни к земле своей, ни к женщине, не услышав слова «отец».

Обратит ваше внимание на себя и человек, вокруг которого раздаются взрывы хохота. Это – русский самородок, а проще – поселковый весельчак, известный в округе как Абалдуй. Он рассказывает выдуманные им самим байки и дерзкие анекдоты. Послушайте их. Вы услышите грубое, но гордое и живое слово, смело выступающее против ханжества и цинизма, подлости и равнодушия владык наших и их подёнщиков. Глядя на смеющиеся лица, вы поймёте, что этот Абалдуй – талантлив, потому что простой русский человек редко смеётся в угоду другому. Он смеётся, потому что ему весело. Может быть, судьба готовила этого человека в великие артисты. Но, как случается на всё той же нашей Руси, по всё тем же нашим причинам невежества, большой город выставил его за дверь, и пришлось уйти ему на станцию слесарем: катать вагонные пары и ремонтировать разбитые пульманы. Узнав его судьбу, вспомните, как много великих желаний умирало на земле нашей, так и не увидев свет. Как тяжело и мучительно пробивало себе дорогу всё доброе. Изгонялись и не признавались таланты. «Так, может быть, проклята земля наша?!» – воскликнете вы. Или... Впрочем, нелегко отгадать мысли русского человека даже тогда, когда он видит смерть близкого.

Задумавшись, вы не увидите, как подойдёт к вам женщина с ярко окрашенными глазами и губами, с улыбкой, по которой вы догадаетесь, что это поселковая гулящая... Ляптя. Её часто можно видеть в бусугарне, посадках, на речке, ставке в привычном окружении. Возле магазина «Вино» с авоськами, забытыми винными пустыми бутылками, спящей возле клуба или в парке, а то и у собственного дома на лавочке. Она уже смирилась с уходом мужа,

детей, словами, которые в широком обиходе у наших мужчин, насмешками молодых парней, приглядывающихся к ней с особым желанием, угрозами поселковых женщин, на которых она давно махнула рукой, зная, что, кроме таскания за волосы, ничего больше не будет, побоями, от которых у неё под глазами нередко тяжёлая, густая синева, смехом.

Странная природа нашего смеха. Русский человек смеётся даже тогда, когда другому больно. Живёт она одна, так как каждый день принимает известную гурьбу гостей и пользуется даже особым почётом, на который не скупятся и мужчины семейные. Так уж заведено, что и наши добродетельные владыки не отказываются от услуг других женщин, не испытывая при этом ни угрызений совести, ни раскаяния. Чаще всего этот порок возводится в благодетель. Всмотритесь в её измождённое, словно затравленное выражение лица, подёргивающиеся высушенные губы, нервные тики, и, может быть, вам удастся рассмотреть сквозь преждевременную старость мягкие и прекрасные черты русской женщины, по понятным причинам опустившейся в этот омут. Горько ли станет вам, что никогда не вернётся красота эта? Что ушла она не по воле одной Ляпти, бывшей когда-то весёлой деревенской девчонкой Настей... И кто виноват? Никто, потому что ещё глух и дик наш земной мир. А если женщины и избегают этого омута, они всё же большей частью становятся грубыми и неласковыми, как становится грубым и неласковым всё на Руси, к чему не прикасаются добрые и заботливые руки.

Оставшись дольше в бусугарне, вы увидите бывшего толкового мастерового, строящего из спичек при помощи одного только перочинного ножа причудливый теремок, который он тотчас спустит за кружку пива буфетнице, молодых парней, вернувшихся из армии и тюремных лагерей, играющих в карты на деньги и выскивающих какого-нибудь мужичка, чтобы, как говорят в посёлке, отвести душу, ссыльного – древнего старика, давно забывшего, за какие такие грехи его выслали из столичного города – словом, вы найдёте всех тех, кто не поладил с самим собою, жизнью и, отчаявшись найти умное и отзывчивое слово, плюнул на всё и пустился гулять, утешая себя чужой и оскорбительной для каждого мыслью, что человек смертен. Как глупо вкоренилась эта мысль в душу русского человека. И не она ли указывает человеку его ложное место на земле? Не из-за неё ли рождаются дурные страсти и желания, обрекающие человека на глухоту и немоту к страданиям и бедам себе подобных?

Встретится вам и поселковый философ, впрочем, не далеко ушедший в своих мыслях от некоторых современных известных философов. Он ругает вождей, начальство, политику – всё то, что ругают все, только на свой лад, и мечтает о добром вожде, как мечтали в Российской империи о добром царе-батюшке. Часто я слышал эту мысль... добрый царь-батюшка, но слышал и другую, что нет явления более уродливого, чем человек, облечённый огромной властью, но невежественный. Что ему человек? Он думает об империи, державе, революции, войне... восхвалениях. Ему хочется быть выше Цезаря, Македонского, Чингисхана, Наполеона... В кабинетной тиши он с пристальным вниманием рассматривает их лица, а стоя перед зеркалом, копирует их выражения лица, глаз, улыбок, не понимая, что может стать только их копией, но не оригиналом. Бог знает, откуда эта бесчеловечная жажда власти над человеком. Может быть, по всё тем же причинам невежества, из которых так и не вышла наша Русь, и кто знает, когда выйдет. Если вы ещё задержитесь в бусугарне, то многое услышите, но есть в посёлке места и поинтересней.

Выйдя из бусугарни, вы снова увидите бескрайнюю синь неба, ярко играющее солнце, а устремив взгляд на бугры – степь, балки, суходолы, могильные курганы, может быть, вам почудится, как шумят облака, скользя по глади неба. Или лёгкий звон при ударе солнечного луча о листок тополя. А то и дыхание степи, похожее на дыхание моря. Всмотритесь в этот мир, который бог знает кто подарил нам в надежде, что мы воспитаем в себе великодушие и благородство и с тем же великодушием и благородством отнесёмся к этому миру и к себе подобным. Но, увы, наша история подтверждает совершенно обратное... И не захочется ли вам уйти в степь или в бескрайнюю синь неба и исчезнуть в них навсегда, как исчезали навсегда те, кто по древним преданиям видел лицо Истины? Возможно – я не прав. Но такие мысли часто нагоняла на меня тоска, когда я понимал, как жесток и безрассуден человек, что все титанические усилия человечества к гармоничному и счастливому обществу кончались неудачами. И что я – одиночка – могу изменить к лучшему в этом мире? Справедливо сказано: если Разум не восторжествовал до сих пор, то почему он должен восторжествовать сейчас. Кто знает, как вы отнесётесь к этим мыслям. «Так устроен мир, – возможно, скажете вы, – и не мы его создавали, и не нам его менять».

Тогда идите к самому центру посёлка. Вы без особого труда найдёте его, так как наши градостроители обладают удивительной способностью, которая стала нашей национальной способностью: они строят в центре всё, что можно только построить – магазины, столовые, базары, Дом быта, больницу, почту, клуб, школу, поселковый совет... Кажется, ни один город на Руси не избежал подобного нашествия учреждений и заведений и страсти архитекторов тащить в кучу всё, как тащил в свою усадьбу небезызвестный герой нашего великого русского писателя. Бог знает, откуда пошла эта привычка. Может, от наших прадедов-путешественников, любивших отдыхать за границей, которые, насмотревшись там всякой всячины и возвратившись в Россию, вводили разного рода новшества, мало думая, подойдёт ли это русскому человеку и воспримет ли он их.

Впрочем, это кажется и нашей духовной жизни, наполненной разными идеями величайших вождей, мессий, освободителей, пророков, прорицателей, авантюристов... и других вершителей человеческих судеб, пророчествующих о счастье народа и втягивающих наш народ в воплощение этих нравственных идеалов, которые становятся кровавыми идеалами. И не потому ли становятся, что эти идеи выросли не на русской почве, не душа русского человека вынашивала их? Мечом и огнём насаждалось христианство на Руси. Кнутом выстраивал на земле нашей Пётр Первый европейский дом.

Рядом с одноэтажным деревянным зданием больницы, похожим на барак довоенных ударников-строителей, со стен которого отваливаются огромные куски штукатурки, так что здание оказывается в окружении глиняных куч, вы увидите новое кирпичное здание с чистым двором, огороженным деревянным штакетником. Во дворе всё те же наши очереди стариков, пришедших за справедливостью: справками, без которых они не получают ни угля, ни дров, ни шифера – словом, ничего. Поговорите с ними. И вы лишний раз убедитесь, что судьба простого русского человека ни на йоту не изменилась со времён Владимира, что она – непрерывная цепь жалоб, отчаяния, безнадёжности... А если вы заглянете в здание, вы увидите «зал заседаний», и немаленький, с блестящим паркетным полом, который вы не отыщете ни в одном доме посельчанина, облицованными стенами, мягкие удобные кресла, даже хрустальную люстру, прочную трибуну с большим гербом посередине, портреты наших вождей и лидеров – всё то, чем окружают

себя люди, считающие себя государственными родственниками: кумовьями, сваяками, сватами. Вот и вся тронная власть, на которую веками возлагал надежды человек русский. Как не вспомнить Петра Первого – отца русского чиновника, которого не опрокинула ни одна эпоха, да вряд ли и опрокинет.

Походите среди просителей. Вы встретите пенсионера-инвалида. Он вытащит из нагрудного кармана железнодорожной тужурки пригоршню орденов и медалей, покажет вам и спрячет, назвав свои заслуги «побрякушками». Лицо его... Кстати, лица простых русских людей похожи. На них отпечаток тяжёлого физического труда и покорности. Жесты... Впрочем, и жесты не лишены покорности, как и слова, и глаза. Инвалид расскажет вам свою историю, которая вряд ли кого тронет, так как много таких историй и мы смирились с ними. Сын его выгнал из дома, и он пришёл искать защиту. А вернётся он домой, как и многие. Будет спать в сарае на бодьях от кукурузы, положив под голову вместо подушки старый валик от разбитого дивана, укрываться старым шерстяным одеялом, рубить дрова, колоть уголь, таскать воду... и повторять: «Эх, лучше б меня на войне убило!» Какую трагедию почувствует в этом доброе и незлобивое сердце! Но большей части русского народа подавай трагедии масштабные, вселенские, которые принесли на землю нашу Владимиры, Чингисханы, Петры Первые, Наполеоны... И не тут ли кроется причина, что за большими трагедиями не видна трагедия одного человека? И не самая ли большая трагедия для Руси, что Русью правят чужие идеи, а идеи наши считались дикими и варварскими по сравнению с цивилизованным Западом?.. Гегелем, Кантом, Марксом...

За этим зданием вы увидите разваливающийся базар без крыши, но с прилавком, а за прилавком – старушек в фуфайках и валенках, торгующих яблоками. Они смотрят на яблоки потухшими глазами и никому их не предлагают. Их выгнали из дома старость и одиночество. Недалеко от базара находится Дом быта – одноэтажное старое здание, в котором расположены парикмахерская, сапожная мастерская, ателье по пошиву, бюро похорон. Если вы познакомитесь с продавщицей из бюро похорон, она расскажет, как умирают мужчины от водки, расспросит вас о городе, скажет, что сама скоро уедет в город, что вот-вот придёт вызов и нужно будет собрать деньги и купить билет. Но по её лицу, похожему на искусственные цветы, вы поймёте, что она давно уже привыкла к поселковой жизни, надписям на память на чёрных ленточках, что никто ей денег на дорогу не даст и никуда она не уедет, а будет жить среди искусственных цветов, не догадываясь, что когда-то кто-то придёт за искусственными цветами и чёрными ленточками для неё. Когда вы уйдёте, она вздохнёт и обратится к занятию, к которому обращаются почти все женщины России: к мыслям о деньгах, муже, детях, болезни... Возле Дома быта вы, возможно, встретите шумное племя цыган, торгующих заячьими и кроличьими шапками, губной помадой – всем тем, что, по известным причинам, выскальзывает из рук государства и попадает в руки пройдох, ловко набивающих себе карманы с позволения наших государственных чиновников, имеющих от этого доход и притом немалый.

Загляните в больницу, которую поселковая власть несколько раз перестраивала в баню, баню – в военкомат, военкомат – в милицию, видимо, по тем же самым соображениям, которые были у великого князя российской императрицы, создававшего потёмкинские деревни. Вы увидите время, которое словно перешло из т о й эпохи в н а ш у эпоху, ничего не изменив, захватив с собой старые печки, которые топят углем и дровами, полуистёртые полы с дырами, прикрытыми листовым железом, обшарпанные стены, почерневшие потолки, плохо освещённые коридоры, тёмные и грязные про-

цедурные, тесные палаты с железными кроватями и плохо выкрашенными тумбочками, немытые окна, кабинеты врачей, осаждаемые издёрганной толпой, двор, заваленный углем и песком, деревянный ящик с мусором – то, что вызовет у вас воспоминания о российских больницах, больных в старых байковых и неглаженных халатах, задыхающихся от астмы, сердечных болей – всего, что они получили в награду за наш русский труд.

Врачи в больнице грубы и раздражительны, редко встретишь среди них умного и сострадательного человека не от мира сего, над которым насмеются и врачи, да и сами больные. Врачи берут взятки: деньгами, водкой, продуктами, воруют спирт и часто пьют. Больные тоже не лишены этой дурной привычки, и нередко их можно видеть бегущими в халатах с пластмассовыми канистрами через центр посёлка в бусугарню за пивом или водкой. Как тут не сожмётся сердце, как не подкатится к сердцу комок при взгляде на умирающего старика, от которого отвернулись все и который понял, что всю жизнь его обманывали мечтой о самом счастливом обществе на земле. Где же они, великие посулы великих? А может быть, и сами великие были мечтателями, утопистами, фанатиками сказочного миража и умирали ещё более мучительно и тяжело, как умирают создатели, выстрадавшие всей своей жизнью своё создание и понявшие его несовершенство. Многие пытались изменить жизнь на земле нашей. И порой казалось, что скоро исчезнут горечи и беды, муки и страдания, но словно чья-то безжалостная рука вновь возвращала человека на круги своя. Не время ли пересмотреть наши идеи о земном счастье?

Выйдя во двор, вы увидите стол, на котором разбросано домино, сердитую, а порой и крепко выпившую нянечку, выливающую помой в мусорный ящик, больных, сидящих на корточках возле забора. Закрыв глаза и подставив лицо под солнце, они греются. О чём они думают? Может, о том, о чём думает любой человек, когда чувствует, что скоро всё уйдёт из его жизни. Или ни о чём не думает, что вошло в привычку русского человека, за которого вечно кто-то да думал.

Через дыру в заборе вы пройдёте к зданию, сложенному из серого крепкого камня. Это – зимний клуб, построенный ещё в довоенное время руками самих поселочан. К стенам клуба прислонены деревянные щиты с приклеенными афишами. Прочитав афиши, вы поймёте, почему русские мальчишки так любят играть в войну. Впрочем, в войну играть у нас любят не только мальчишки, но и литераторы, кинорежиссёры, художники, набившие так руку на национальных героях, как не набивали даже знаменитые русские писатели на бедных российских чиновниках. Что поделаешь, игра в войну даёт доход. А от дохода, как известно, в кармане густо, а на душе пусто.

За клубом простирается большой пустырь, окружённый тоненькими умирающими тополями, которые посадили поселковые пионеры. В середине пустыря сваленные бетонные плиты и торчит палка. К палке привязана фанерная досочка. А на досочке написано: «Строительство детского сада». Судя по бурьяну на пустыре и раскрошенным бетонным плитам, строительство ведётся уже давно. И не исключено, что в саду уже работают нянечки, воспитатели, играют дети, а сам заведующий неоднократно выезжал на совещания и отчитывался о прекрасно поставленной воспитательной работе среди поселковой ребятни. Поднявшись по разрушенным каменным ступенькам, вы, открыв дверь, обитую войлоком и порванную во всех местах, окажетесь в тесном, узком беззаконном вестибюле. На стенах вестибюля – фотографии артистов, как живых, так и умерших, большей частью с улыбками, смысл которых трудно разгадать, как трудно разгадать, почему в вести-

бюле стоит бюст человека, не имеющего никакого отношения к искусству, разве лишь то, что ставят бюст этого человека где только можно, что стало тоже своего рода нашим национальным искусством.

Под фотографиями артистов – выставка детских рисунков, красочные виды посёлка, фото юбилейных торжеств, ораторов, грамоты за участие в художественной самодеятельности, среди которых встретится вам и грамота за участие в спортивном состязании. Пройдя вестибюль, вы окажетесь в небольшом зрительном зале с деревянными стульями, крепко схваченными с полом гвоздями, где увидите сцену с потрёпанным занавесом, заглянув за который, вы найдёте трибуну, обитую выцветшей материей, длинный стол, на котором валяются графин, стакан, пустые бутылки из-под вина и водки, сваленные в кучу флаги, портреты наших вождей, живых, умерших и изгнанных, поселковых ударников с застывшими, безжизненными лицами, поломанные транспаранты, искусственные цветы, старое пианино, затянутое в серый пыльный чехол – словом, всё то, что вытаскивается на свет божий по случаю праздника.

В клубе вряд ли вы кого-нибудь найдёте, кроме сторожа-истопника, пьяного вдрызг, с давно небритым лицом и так крепко спящего на сцене, что кажется, его уже никогда ничто и никто не разбудит. А выйдя, увидите подвальчик с дверью, обитой цинком. В подвальчике вам и встретятся заведующий клубом и жмурики (поселковые музыканты, играющие на похоронах) за горьким занятием, которому так часто стала предаваться наша Русь. В подвальчике сыро и тускло, не белено. Вместо полов – вагонные щиты. На щитах валяются разбитые пюпитры, листы с нотами, струны от гитар. Духовые инструменты: корнеты, альты, басы – свалены в кучу. В нише, выдолбленной в стене, в деревянном ящичке лежат мундштуки. Посередине подвальчика – на боку большой барабан, на котором стоит большая бутылка самогона с тяжёлым сивушным запахом, от которого можно задохнуться. Если вас пригласят за «стол», вы услышите, как жмурики высчитывают, кто скоро умрёт в посёлке, сколько брать за музыку и чем – деньгами, водкой... Может, вам удастся узнать от поселчан судьбу заведующего клубом. Она обычна. В молодости он был хорошим баянистом, играл на свадьбах, толоках, крестинах, но спился.

Впрочем, это судьба не только маленьких людей. Так почему же так много таких судеб на Руси? Не потому ли, что душно русскому характеру на земле нашей? Не оттого ли, что не дают ему свободно развернуться, как свободно разворачиваются характеры других народов, а заковывают, словно в кандалы и колодки?.. Или исчерпали уже душу нашего народа Мономахи, Петры Первые и никогда уже не подняться русскому человеку? Всмотритесь в эти эпохи: христианство, европеизация... Не искусственно ли меняли они жизнь нашу, и может, нет ничего более мучительного, более страшного для народа, особенно народа великого, талантливого, когда его толкают на путь искусственного развития?

Пройдя по пустырю, который перекопан траншеями под фундамент, порядком засыпанными всяческим хламом, вы выйдете к двухэтажному кирпичному заведению, окружённому, как и многие наши заведения, забором, не то чтобы высоким, но вполне достаточным, чтобы вызвать у здорового человека мысль «зачем и почему?», и наглухо закрытым центральным входом, что стало, как известно, на Руси чертой государственной. Над центральным входом висит флаг, потемневший от дождя и снега и крепко потрёпанный ветром, кое-где зашитый, кое-где порванный, прибита вывеска, на которой написано, что это за здание и чьё знаменитое имя оно носит.

Много на Руси имён знаменитых, но ещё больше незначительных, безымянных и просто забытых... забытых чаще всего по воле наших царей-батюшек, вождей и их подручных: историков, философов, литераторов – словом, всех тех, кто никогда не забывает о себе. Один русский писатель в своё время подсчитал, сколько незначительных требуется, чтобы породить одну знаменитость, а мой знакомый – сколько безымянных – чтобы породить одного знаменитого полководца. Грустная арифметика. Может, она знакома вам... Впрочем, подобная арифметика применима и к великим идеям, обещающим райскую жизнь на земле, и к их создателям. Что поделаешь, если на нашей Руси прочно вкоренилось выражение: «Всё требует жертв». Задумайтесь! Если воплощение великой идеи уносит десятки миллионов жизней, то стоит ли испытывать судьбу? Не человечнее ли отказаться от такой идеи? Оказавшись перед закрытым центральным входом, идите вокруг здания, и вы отыщете чёрный вход: без флага, табличек со знаменитыми именами и прочими державными атрибутами, но пользующийся, однако, большой популярностью. Возле чёрного входа что-нибудь да насыпано: куча песка, гравия, щебня; что-нибудь да навалено: кирпичи, ящики, бочки... Всё это портится, гниёт, но в дело никак не идёт, бог знает по каким причинам. Видимо, всё по тем же нашим... русским. Во дворе вы увидите небольшие грядки помидоров, огурцов, брошенные между грядками поливники, тяпки. Это школьный участок, а заведение и есть сама школа.

Если у вас ещё осталось время и вы не устали, зайдите в школу. Вы увидите покрытые поморщившимся и порванным линолеумом скрипучие полы, гардероб с поломанными и чиненными на скорую и неумелую руку вешалками, классы с допотопными партами, досками, такими же допотопными учебными пособиями, физическими и химическими приборами – словом, всю ту же нашу русскую бедность, которая уже стала особенной бедностью – бедностью нашего духа. Походите по коридорам, классам, спортзалу... Вспомнится ли вам тот первый школьный осенний день, залитый ярким и тёплым светом ещё не уставшего солнца, или серый холодный день с тусклым, словно заболевшим солнцем, неподдельное радостное чувство, приходящее к нам в детстве, когда горечи и беды земные так далеки, что кажется, никогда они не придут, или страх, который мы испытываем перед неизведанным. А может, почувствуете вы, что ушло то время из памяти, что пусто на душе, и, как бы вы ни пытались вспомнить, ничего не вспомнится. И с горечью подумаете: неужели так тяжела жизнь наша, что забывается даже детство? На стенах в классах, коридорах, учительской вы увидите блестящие фотографии школьных отличников, хорошистов, а в потемневших рамках косо висящие портреты наших великих учёных, помышлявших о славе русского Отечества и поколениях, умножавших её. О чём подумаете вы. О их любви к Отечеству, обласканной немилостью державного двора? О своём ли поколении, задушенном нашими чиновниками? А то и промолвите: «Отечество...» Отечество – и ничто не всколыхнётся в душе вашей, не тронет сердце, и промелькнёт мысль, что забытым и мёртвым стало это слово для вас. Не страшно ли это для русского человека? Случится, что вам встретится кто-нибудь из учителей. Чаще всего это директор, дом которого находится рядом со школой. Узнав, что вы человек из большого города, он пригласит вас к себе потолковать о жизни. Вы не успеете оглянуться, как на столе окажется всё тот же наш напиток. Что поделаешь? В подобных делах человек русский скор на руку. За хмельком он покажет свою библиотеку, довольно большую, но прочитанную лет двадцать назад, расскажет о том, что принято на Руси называть школьными успехами, и, если вы порадуетесь этим успехам,

он тоже порадуется и добавит, что «...вот, мол, тяжким трудом...», вспомнит он и о великих достижениях, и о своём участии – словом, ничего не упустит, на всё отзовется, а приглядитесь повнимательнее к нему, и вы поймёте, что перед вами всё тот же российский чиновник, привыкший к покорности и послушанию и пытающийся передать покорность и послушание своим воспитанникам.

Из дома директора школы вы выйдете уже под вечер, утомлённые длинными и бессвязными рассказами о том, что нужно сделать, чтобы русскому человеку лучше жить. Подобные разговоры ведутся у нас на Руси на улицах, вокзалах, в очередях... и даже в тех местах, на которые долгое время русский человек смотрел с надеждой, а потом махнул рукой, поняв, что нечего ждать милости от великих... Забудьте о них и посмотрите, какие летние вечера бывают в посёлке. Вы увидите темнеющее небо, словно закутывающееся в вечерние сумерки, тающие облака и медленно заходящее за бугры солнце, похожее на гигантскую золотую корону. Оно долго будет висеть над буграми, как бы показывая всю свою мощь и величие всему земному и уже уставшему миру, который когда-то исчезнет с нашей Вселенной, как мы исчезаем с земли нашей. Вы почувствуете, как уходит дневная жара и набегают лёгкая вечерняя прохлада. Услышите, как оживают в посадках птицы и замирают тепловозные гудки на станции.

Пройдитесь по посёлку. Закрывающиеся магазины, пустеющий центр, грустный голос гармошки и тоскливые песни, которые так любит петь наш народ, вызовут у вас чувство уходящей жизни. На окраине посёлка вы увидите возвращающееся со степи стадо коров, хозяек, которые только что прибежали с работы и, не успев отдохнуть, уже вышли встречать, кто с яблоком, кто с хлебом, своих Март, Зорек... кормилиц, как называют их в посёлке; старика-пастуха с мешком травы на спине, которую он продаст какому-нибудь хозяину за бутылку самогона; вперевадку идущих гогочущих гусей, гурьбу безобидных бездомных собак, бегающих друг за другом, сидящих на телефонных и электрических проводах ласточек, воробьёв, стаю играющих в воздухе галок, стремительно взмывающих ввысь голубей...

Весь этот нехитрый мир, живущий, как и человек, часто не в ладу с самим собой. За окраиной на возвышенности, с которой виден весь посёлок, вам встретится заброшенная каменная церквушка, поникшая и отказавшаяся от жизни, с почерневшими стенами, покосившимися куполами, разрушенной папертью, без колоколов и креста – словом, в том виде, до которого её довели великие идеи о всеобщем земном счастье. За церковью находится деревянный сгнивший дом. Это дом бывшего священника, то ли сбежавшего за границу и умершего там, как умирают все русские в тоске по земле своей, то ли нашедшего смерть здесь же, в своём доме от руки своего соотечественника.

Недалеко от дома священника – церковное кладбище. Догадаться, что это кладбище, можно только по опрокинутым большим гранитным камням с высеченными на них надписями. Всмотритесь в этот угасающий и утерянный русский человеком мир. И подумайте, как много вот таких церквушек заброшенных на Руси нашей. Может, больше, чем на всех остальных землях. Не потому ли, что нет более тяжёлой судьбы, чем судьба русского человека, веками ждавшего чуда, но так и не заполучившего его. Спросите у стариков о церкви. Они расскажут вам, как в детстве ходили в церковь, может, и вам вспомнятся похожий весенний день на Пасху или яркий зимний день на Рождество, колокольный звон, разливающийся по всей округе, и радостное, тревожное чувство на встречу с чудом. Расскажут вам старики и о том, что

строили церквушку их отцы и отцы отцов, собирая всем деревенским миром гроши в медную кружку, порой отказываясь даже от хлеба, а потом... впрочем, старики не промолвят больше ни слова, никого не упрекнут, а помолчат, покашляют, повздыхают, разведут руками и сделают то, что делал российский мужик в Российской империи над своим затылком. Но не покажется ли вам, что наши владыки взяли за правило: что построено народом, то и должно быть им разрушено?

Поднимитесь по заросшей бурьяном тропинке, давно забывшей богомольцев, странников и просто любопытных, и войдите в церковь. Вы увидите летающего под куполом одинокого голубя, поржавевшие плужные лемеха, порванные хомуты, голый каркас подводы, ободы от колёс, «ложе» из соломы, железную бочку, застеленную пожелтевшей и промасленной газетой, а на ней пустые консервные банки, стекло разбитых стаканов и прочее – свидетельство известного застолья, которому отдаётся русский человек во всех местах, но вы не увидите ни величия, ни великолепия, которыми столетия блистало христианство на земле нашей, вызывая у наших дедов и прадедов смешанное чувство надежды и отчаяния. Сколько добрых и глубоких мыслей породило христианство! Сколько прекрасных и чудных творений оставил дух русского христианина! Но странная судьба его. Из чужой земли пришло оно к нам, и чужие идеи разрушили его. О чём спросите вы себя, глядя на бывший храм? Не из него ли зывала Русь к Богу и, не дождавшись ответа, отказалась от него и прокляла? Не рано ли явилось христианство языческой душе русского человека? Может, избрал бы наш народ другую веру. И кто знает, не было бы столько бед на земле нашей. Походите по церкви. Под ноги вам попадутся исковерканная лампадка, небольшой оловянный крестик, изгаженный разломанный иконостас, разбитая икона с разрушенным ликом святого. О чём вспомните вы? О страшной участи, которой подверглось христианство на Руси нашей. И только ли христианство. К кому вы обратите свой горький упрек? Или оправдаете всё великой идеей, ради которой оправдывают всё на Руси и освящается даже зло?

Выйдете вы из церкви, когда солнце уже давно скроется за буграми, а над посёлком покажется большая полная луна и рассыплются яркие крупные звёзды, глядя на которые, редко кто не задумается, а что там – в тех далёких уголках Вселенной, а задумавшись, почувствуете грусть – самое прекрасное чувство, которое бог знает кто подарил человеку. Не спешите уходить от церкви к своим земным заботам, которые так нелемки, и к бедам, которые так часты. Посмотрите ещё раз на звёзды: не почудится ли вам, что кто-то зовёт вас оттуда? Я часто слышу этот зов. Посмотрите и на уснувшие и залитые лунным «светом» степь, курганы, шлях, балки, посадки, тополя, акации, разрушенный дом священника, заброшенное церковное кладбище и небольшую берёзовую рощу возле бугра, окружённую невысокой кладкой из белого камня. Кто знает, когда вам придётся увидеть всё это. Ведь часто судьба, не спрашивая нас, зовёт к себе. Свежий воздух и тишина, которой почти лишён современный мир, успокоят вас, и вам покажется, что увиденное и пережитое за день – причуды воображения. А чтобы утвердиться в этой мысли, вы начнёте убеждать себя, как убеждает себя часто русский человек: «А, жить можно. Все пьют. Все гуляют. Все умирают». И действительно, вам станет легче, потому что «все», а не вы один.

Постойте ещё немного на разрушенной паперти, а потом сходите к берёзовой роще, которую в посёлке по горькой иронии называют «город будущего». Дорогой вам никто не встретится, ничто не потревожит вас, и вы скоро дойдёте до рощи. Какой прекрасной и чудной покажется она вам, под-

свеченная лунным «светом», молодой и сильной, словно не успевшей ещё узнать тягот и горечей земных. Пройдя вдоль белой кладки, разрушенной во многих местах и выложенной бог знает когда, вы выйдете к железным воротам. Они распахнутся от одного лёгкого прикосновения вашей руки. По дорожке, посыпанной песком и гравием, вы пройдёте в самую середину роши. Таинственный и загадочный мир откроется перед вами: холмики земли с крестами, гранитные памятники, железные оградки – мир, которого так боится человек. Отыщите лавочку и присядьте. Кто похоронен здесь? Куда ушли они? И вернутся ли вновь? Сколько слёз впитали эти холмики. Сколько душ избавили они от муки. А сколько на гранитных памятниках напутствий, поклонов, просьб, надежд... Вспомните стариков, Абалдуя, Ляптю – всех, кого вы видели в посёлке. Неужели все они покинут нашу землю и нигде никогда больше не найдут пристанища, ни в одном уголке Бесконечности? Как тяжело и больно становится от этой мысли. И не смешны ли тогда все деяния человека? Не смешны ли титанические усилия сильных мира сего: царствовать и властвовать, создавать «могущественные» державы и империи, которые время распылит словно песок? Не смешон ли и весь наш земной мир и всё созданное потомками? Стоит ли переживать и мучиться, страдать от пошлости и невежества, если нет бессмертия? Но почему же человек так упорно держится за жизнь, которую он часто проклинает? Не потому ли, что, сознавая себя смертным существом, он творит свою судьбу в надежде, что когда-нибудь Вселенная... Создатель... возродят его вновь?

**Анатолий
ГЕНЕРАЛОВ**

МНЕ ПЕЧАЛЬНАЯ МУЗЫКА СНИЛАСЬ...

Грезит времечко детством моим –
Ходит к речке, купается с ним,

Чешет гриву гнедого коня,
Пот смывает с горячего дня.

Мы купались взахлёб, мы купались до визга!
И летели в лицо золотистые брызги.

Брызги дней серебрились не раз.
Это самый мой ценный запас.

КОЛЕСО СЧАСТЬЯ

Уходит земля из-под ног,
Как говорится...
Я делал не всё, что бы мог –
Поломаны временем спицы.

Шаталось моё колесо.
Чинил, да не очень умело.
Что делал я наскоро? – Всё!
Сомнение душу мне ело.

Когда ж колесо разобрал
И склеил все схожие части –
Тогда лишь немного узнал,
Откуда заводится счастье!

-
- Анатолий Лукьянович Генералов родился в 1936 году в посёлке Духовницкое Саратовской области. Окончил Ленинградскую лесотехническую академию и Технический университет (г. Йошкар-Ола). Публиковался в ведущих изданиях Москвы, Санкт-Петербурга, региональных журналах и альманахах. Автор 35 поэтических сборников и текстов около 100 песен и романсов. Член Союза писателей России. Дипломант и победитель многих Всероссийских литературных конкурсов. Живёт в Саратове.

НЕЗРИМОЕ

Уймутся метания дня
И в сердце тревоги приглушат.
Незримое манит меня –
Далёкие дали и души.

Я раньше их где-то встречал,
А может, придумал когда-то.
Ведь в сердце начало начал
Надеждой на счастье богато.

Когда от потерь загрустим,
В незримом сойдёмся мы ближе.
И я не останусь один,
Доколе незримое вижу.

Мне печальная музыка снилась...
Над заросшим простором полей
Ветер спрашивал:
«Что же случилось –
Где весёлые песни людей?..»

Я за грустное слово в ответе
И себя обвинить не боюсь:
Ты – бунтарь и целитель,
Мой ветер,
Но и ты сеешь ветхую грусть.

...И звезда одиноко дрожала,
Проникая сквозь гущу ветвей.
И в пространстве Вселенной усталом
Было тесно печали моей.

Встревожилась под вечер тишина –
Внезапные ворочает тревоги.
Плутая в сумерках растерянно, она
Перебирает ветхие дороги.

Устанет? Нет, никак не устаёт –
Случайные просматривает тени...
И правда, ведь так долго друг идёт.
На лестнице истоптаны ступени.

На то и друг, чтоб вовремя прийти
И сумрак недоверия разрушить,
Сказав с порога радостно:
«Прости!..»
Что ж, тишина, смущаешь наши души?

ГОЛОС ВЯЗА

На задумчивом закате
Вяз стареющий спокоен.
Словно мудрые улыбки,
В грусти он роняет листья.

И под крепкими ветвями
Костерок из красных листьев
Запылал – и согревает
Золотым теплом округу.

А когда ночная свежесть
Озарится лунным светом,
Хорошо стоять под кроной –
Слушать хриплый голос вяза.

ПОЗДНИЙ АВГУСТ

Томится лист предчувствием паденья,
Изгиб луны натянут тетивой.
Густеет ночь.
И ветра дуновенье
С пожухлой перепутано травой.

И в тишине тревожного прощанья
В траву упала первая слеза.
Но лета неостывшие желанья
Ещё не смотрят осени в глаза.

Звук полетел...
Куда он делся?
Вернись ко мне,
Когда умру!
Ты был моим,
У сердца грелся,
Внимая
Певчему костру...

Редакция журнала «Волга–XXI век»
поздравляет Анатолия Лукьяновича Генералова
с юбилеем!

Сергей
ПЫЛЁВ

ОЖИВШИЙ

К празднику Рождества Пресвятой Богородицы вода в Студёнке светлеет, особенно если небо высокое, открытое. Тогда рыбацкому глазу волнующе открываются ямные места, куда на зимние квартиры стекается здешняя рыба, вернее, её измельчавшие остатки.

Всё позднее лето Филипп Гробовой, комбайнёр из села Забугорье, не брал в руки дорогих его сердцу удил. Как-никак страда! Его хозяин, фермер Иван Князев, кстати, бывший председатель здешнего Забугорского колхоза-миллионера «Путь к коммунизму», в такое особое, решительное время никому из работников ни минуты не давал передышку, а не то чтобы выходные устраивать.

Однако на осеннего Преподобного Сергия Радонежского такти не стерпел Филипп и рискнул отпроситься на рыбалку. Урожай взяли хороший. Более чем.

Князев раздобрился.

– Не запей только! – строго приказал он своему лучшему комбайнёру-рекордсмену.

Филипп гордо оглянулся.

– Это как душа решит!

В ночь перед рыбалкой приснилось Филиппу, будто он на большом, просто огромном, не меньше лошади окуне-горбаче, огненно сияющем щитовой бронёй чешуи, через всю страну верхом стремительно плывёт, а Преподобный Сергей в простой крестьянской рубахе и портках, опираясь на посох, глядит ему вслед с пригорка своим тихим, чудесным взором.

-
- Сергей Прокофьевич Пылёв родился в 1948 году на Украине, в городе Коростень. Окончил филологический факультет ВГУ. Работал электриком-осветителем ТЮЗа, грузчиком, редактором отдела прозы журнала «Подъём», заместителем председателя правления Воронежского отделения Союза писателей СССР, главным редактором журнала «Воронеж: время, события, люди», редактором газеты ВГАУ «За кадры». Автор 10 книг рассказов и повестей, вышедших в Воронеже и Москве – «И будет ясный день», «Обстоятельства», «Вам бы птицами родиться», «Радужная звезда», «Сон разума», «Человек Господа», «Удар возмездия», «На чистую волю», «Божьи искорки» (издательство Сретенского монастыря), «А за окном – человечество». Публиковался в журналах «Москва», «Подъём», «Берега», «Север», «Волга–XXI век», «Сура», «Гостиный дворъ», альманахе «Литературная Россия». Член Союза писателей СССР (ныне – России). Лауреат премии «Кольцовский край», дипломант журналов «Берега» и «Сура», а также VII Всероссийского конкурса русской словесности и культуры «Во славу Бориса и Глеба». Живёт в Воронеже.

Ушёл на зорьке – тихо, бережно собравшись, чтобы не беспокоить свою Наталью, но ни к вечеру, ни на другое утро и даже через три дня не объявился.

– Наглец... – напряглась Наталья.

Князев здороваться с ней перестал.

Ещё три дня проволоклось.

На четвёртый завывала Наталья. Бегаёт по двору из угла в угол. Через неделю то ли Князев ему дозвонился, то ли как, но объявился в Забугорье участковый Юрка Протопопов, младший лейтенант полиции. Злой какой-то. Как видно, и его сюда не хотели пропускать. Какой-то воронежский миллиардер построил неподалёку от Забугорья пятиглавый замок и перегородил к себе и к ним единственную дорогу тяжёлым шлагбаумом с массивной, грозной стрелой – такая любой танк остановит. Мы не Франция. Здешний народ проявил поначалу большое беспокойство, но с плакатами на главную площадь к губернатору так-таки не пошли. Смирились.

Его, народа этого, всего ничего осталось: дед Буратино, прозванный так за его особый пиковый нос, бабка Буратиниха, одноглазая с детства, когда её соседская кобыла лягнула, потом же слабый на голову Тимофей лет пятидесяти, «афганец», и вот они – Наталья с Филиппом. Зато на погосте под бугром среди пышных сосен с красно-бурыми духовитыми стволами, считай, полтысячи былого народу забугорского лежит. Но его не поднимешь до Судного дня. Последние забугорцы – народ безопасный, покорный всем обстоятельствам, но не в силу своего достаточного возраста, а по своей отстранённости от общей жизни, в которой люди озабочены стремлением к большему деньгам, заграничным путешествиям и прочим модным развлечениям, а они, отсоединённые от России великанским сторожевым шлагбаумом, мудро пребывают в жизни, простирающейся от Рождества до Рождества, не ведая иного счёта времени, кроме череды православных праздников, почти забыв то и дело меняющие свои названия и назначение гражданские праздники, из которых, особенно новых, они толком ничего не знают, как, положим, про тот же День российского парламентаризма, бизнес-образования, хостинг-провайдера или День системного администратора.

Идти самой в розыск у Натальи как-то ноги не шли: всё домашнее хозяйство с огородом, включая коз, корову и кур, было на ней. Кроме того, в ту пору бешеные лисы в их местах объявились, а гадуки, которым по всему уже полагалось свернуться бы клубком в своих глубоких норах, как никогда, то и дело блескучими чёрными лентами скользко прошмыгивали в цепкой густоте полёгшей рыжей травы.

Лошадку участкового Наталья ещё на бугре заметила: та медленно, натужно вышагивала, прихрамывая.

На телеге, которую она согбенно волокла, сидел с неприятно напряжённым, судорожным лицом Юрка Протопопов. Люди знающие в своё время говорили про него, будто он в чеченском плену почти два года контуженный просидел в яме: битый, ломаный-переломанный, раз пять стреляный. Левая рука у него и сейчас как на ниточке болтается. Если приходится Юрке идти быстро, он её правой напряжённо прижимает к себе.

В телеге на соломе что-то лежало, накрытое старой выцветшей запашистой попоной.

Наталья невольно задержала взгляд на этом «что-то» и судорожно вздохнула.

– А я до тебя ехал... – усмехнулся участковый.

– Не темни... Чем я, дура тупая, старуха-развалюха, могу быть тебе полезна? – напряжённо, тихо сказала Наталья и снова насторожённо, бдительно, с неким невесть откуда взявшимся потаённым страхом покосилась на попону, комкасто лежавшую в телеге явно поверх чего-то достаточно большого, объёмного.

– Ты баба ещё очень даже ничего! – хмыкнул Юрка. – Я ещё подумаю насчёт тебя. А пока мне надо с твоей подмогой исполнить одну сугубо официальную акцию. Ты только не вздумай орать или валиться оземь. В общем, у меня в телеге труп лежит. Так сказать, груз двести. Мужичий. Утопленник.

Судорожно, накосо открыв рот и всхрипнув, как старая лошадь участкового, Наталья рухнула на грудь Юрки. Да так сильно тыркнулась о него, что левая больная рука участкового назад за спину невольно отлетела, точно он изо всей мочи замахнулся кого-то наповал лихо срубить.

– Ну, ну!.. Не сходи с ума... – официально-холодно проговорил Юрка. – Ещё неизвестно, кого я в вашей Студёнке выловил. Соберись. Возьми себя в руки. Тебе придётся опознать труп. Хочешь не хочешь. Филипп это или кто-то ещё?.. При нём удочка была. Как видно, полез крючок отцепить, нечаянно оступился, глотнул воды и задохся. Следов насилия нет.

Резко отшатнувшись от участкового, Наталья вцепилась в борт телеги, губу до крови закусилась.

– От-кры-вай... – глухо прорычала, зажмурясь с такой силой, что её лицо сузилось, как бы всё вперёд подавшись.

Юрка деловито, жестом человека, повывавшего толпу всяких разных жмуриков, приподнял попону.

– Слезы мешают видеть... – покаялась Наталья.

– Сосредоточься. Вдох-выдох! – строго сказал участковый.

– Он... – дёрнулась Наталья.

– Как же ты эдак враз определила, если у него от лица одни ошмётки остались?

– Сердцем! – шепнула Наталья. – И по родинке на лбу...

Участковый сочувственно, но в то же время досадливо приоттолкнул её от телеги, решительно натянул попону на утопленника:

– Свидание окончено.

На Великомученицу Евфимию одним жильцом прибыло на забугорском погосте. При всём при том не в полотняном мешке из-под картошки похоронила Наталья мужа: не без содействия Князева всевидящие и всезнающие ритуальщики из райцентра как на вертолёте прибыли, ловко преодолев все дорожные препоны, включая миллиардеров шлагбаум. В тот же день красный гроб на крыльце у Натальи торжественно-скорбно торчком стал, покойного обмыли, и лицу его разными гримёрскими снадобьями не только вернули человеческий облик, но сделали его таким чуть ли не голливудским красавцем, каким Филипп отродясь не был.

Наталья виду не подала, но через эту свою киногеничную внешность муж ей каким-то чужим показался, словно она хоронила сейчас постороннего человека. Может быть, через это и особых слёз у неё не увидели соседи, а Буратиниха – так та на поминках после третьей рюмки доброго самогона не преминула отметить, как бы никого конкретно не называя, что некоторые жёны радуются смерти своих благоверных, через что открывается им прямой путь бессовестно заводить шуры-муры.

Ни муж Буратинихи, ни «афганец» Тимофей её не поддержали: им обоим Наталья нравилась, всякому на свой манер. Веским козырем относительно её вдовьей правильности стало ещё и то, что сам Князев не толь-

ко был на похоронах своего лучшего комбайнёра, не только оплатил все ритуальные расходы, но и велел похоронщикам незамедлительно поставить Филиппу памятную плиту из мраморной крошки с большой фотографией. Снимок сам выбирал из семейного фотоальбома Натальи, при этом как бы случайно несколько раз приобнял её за хорошую напружённую талию.

– Зачем вы так?.. – тихо сказала Наталья.

– А что, не нравится? – строго усмехнулся Князев. – Ладно, я тебя обломаю. Погодя. Щас не с руки.

Памятник Филиппу стал первым приличным надгробием среди полуистлевших деревянных и железных ржавых крестов забугорского кладбища. Он выглядел торжественно большим, важным и был виден издали, особенно на солнце, отзывчиво брызжа ярким светом.

Тимофей сразу прозвал памятник «маяком».

После похорон примерно через неделю Филипп стал объявляться жене во снах и достаточно часто. Притом ничего не говорил, а просто сидел на корточках в сторонке и, морщась, покатывался со смеху. Во-первых, по жизни он никогда не смеялся и даже не улыбался, если только когда более чем хорошо выпьет. Во-вторых, лицо у Филиппа каждый раз было какое-то другое. То есть вовсе не его... Со своим он ей ни разу не показался.

Наталье стало страшно: она перестала спать и ночью со свечкой сидела под иконами до утра, отсыпалась днём. Наконец это сделалось невмоготу.

На Покров Пресвятой Богородицы Наталья собралась в район на праздничную службу в тамошнем огромном белоснежном Богоявленском монастыре. Вышла в четыре утра – шла полями сердито, напористо. У шлагбаума охранники так-таки пропустили её, но за триста рублей. Из уважения к Филиппу.

Потом ещё час из последних сил она брела до автобусной остановки.

В храм на службу Наталья опоздала. В свечной лавке, испортив несколько записок от волнения, заказала на полгода Неусыпаемую Псалтирь рабу Божьему Филиппу и тайком окропила лицо святой водой из кружки на цепочке.

Помогло. Покойник как будто отстал.

На апостола Фому Наталья вновь увидела мужа. И на этот раз со своим лицом... Как будто настоящим. Без ритуального грима. Когда в шестом часу утра собралась курам пшеница сыпнуть.

А тут... Филипп скукожившись сидит на крыльце. Его тряско колотит. Наталья хорошо знала такое за ним после долгого злоупотребления известным чем. Видимо, не первый час он тут высиживал, а октябрь на этот год выдался не из тёплых. По крайней мере, второго бабьего лета они так и не дождались.

Наталья пошатнулась. В голове сразу стало горячо и тесно.

– Филюша...

– Я за него...

Наталья подхватила мужа под мышки, поволокла в дом. Через два шага в дверях неуклюже осела на деревянную приступку, заплакала, судорожно прижав Филиппа к себе. Его сердце словно у неё руках билось. Вернее, как пулемёт строчило. Замрёт ненадолго и снова припустит.

Лекарство она знала. Верное. Всегда хранила на подобный случай. И знала, что сейчас ни до каких разбирательств, упрёков или бабского вытья, а действовать надо быстро и уверенно.

Филипп судорожно, громко всхрипывая, принял стакан доброго свекольного самогона и упал лицом ей на колени.

Через полчаса он тихо, но явно оживающим, пробивающимся голосом произнёс:

– Спасла...

– Ещё будешь? – щедро, взволнованно шепнула Наталья.

– Потом... – едва проговорил Филипп не своим голосом: уже как бы из глубины вдруг начавшегося ёмкого, безбрежного сна.

Спал он два дня с пристрастным усердием. Спина ко всему нынешнему миру, как влипнув в плюшевый коврик с оленями на стене. В комок судорожно сжавшись. Его сон напоминал некую загадочную внутреннюю работу: Филипп то и дело рывком, с силой переворачивался, как будто взлететь норовил, глухо кричал на каком-то непонятном, ненашенском языке, пару раз тихо, покаянно рыдал.

Когда такой его трудовой, напряжённый сон наконец истомлённо истратился, он впервые повернулся лицом к свету и по-детски наивно вздохнул.

Наталья на колени перед ним опустилась, чтобы говорить лицо в лицо.

– Выпьешь чуток? – бережно проговорила.

Филипп светло, нежно улыбнулся.

– Не желается.

Наталья счастливо зажмурилась.

– Какой-то ты на себя не похожий... Совсем другой. И с лица, и голосом... Я буду стесняться с тобой в постель лечь! Честно-честно... – застенчиво улыбнулась Наталья.

– Обвыкнешь... – мудро хмыкнул Филипп. – Я с того света вернулся! В прямом смысле слова.

...В тот день своего якобы утопления на осеннего Преподобного Сергия Радонежского Филипп пробрался к Студёнке на своё привычное рыбацкое место: хозяин замка все земли окрест купил, так что охране было велено местных к реке отныне не подпускать. Даже сварной забор с когтистой колючкой везде выставили. Только Филиппу охрана делала исключение. Они его почему-то с первых дней заужали.

Выйдя к реке, Филипп вдруг обнаружил на берегу невесть как оказавшегося здесь неожиданного соперника.

– Я вам не помешаю? – первым заговорил «залётный рыбак».

Годами они вроде как даже ровня и чем-то внешне похожи, одеты почти одинаково: кепки, фуфайки, резиновые сапоги.

– Я случайно здесь. Ехал ловить совсем в другое место, на Битюг. А как вашу живую речку увидел из окна автобуса, так и обомлел: какая красотища! Благодать. Истинная Россия! Я, знаете, по профессии фотограф. Но тут вдруг вижу: колючая проволока. Хорошо, что охранники здешние с понятием. Поломались немного, но в итоге пройти разрешили. Правда, за пятьсот рублей.

– Бизнес у них такой... – мудро сказал Филипп. – Да вы особенно не беспокойтесь. Место рыбное. Не пожалеете! На нас с вами окуньков да плотвички хватает.

– Может, и по щучке добудем? – мягко улыбнулся сосед.

– И такое может случиться... Я на прошлой неделе трёх этих матёрых хищников взял! – горделиво усмехнулся Филипп. – Вы старайтесь забросить поближе к зарослям. Вон там, где ветла на воду легла. Осенью большая рыба обычно именно в этом месте стаями собирается. Смотришь, какая и заглотишь ваш крючок с дуру ума... Хотя они сейчас разборчивые, отъелись за лето.

– Спасибо за науку... – Сосед по-мальчишески махнул Филиппу рукой и вежливо поспешил переместиться на новое место, подальше.

Филипп знал, что там самая глубокая большая яма и рыба в ней стоит уже, считай, уснувшая, не достать её, но дух соперничества в таком азартном деле был превыше всего.

– Ключёт! – вдруг вскрикнул фотограф, притом чуть ли не по-щенячьи подвзвизгнув.

Филипп крайне ревниво покосился в его сторону.

– Крючок зацепился за водоросли... – сказал почти небрежно.

– Да, точно... – тоскливо отозвался тот после нескольких робких попыток его сдёрнуть. – Придётся лезть в воду.

– Не лучшее занятие... – вздохнул Филипп. – Там глыбко. Очень даже. Нехорошее место. Там у нас летом никто не купается. Боятся. Водяных!

– Крючок очень дорогой, жалко...

– Дело хозяйское...

Филипп раздумчиво достал пачку усманской ядерной «Примы», но поняв, что у воды на ветру не прикурить даже от его хитроумной бензиновой зажигалки, зашёл за густой куст со сцепившимися красно-бурыми ветками, который у них неизвестно почему называли «пёсья смерть».

Когда, уже накурившись, попыхивая последними залпами едучего дымка, вернулся назад, соседа нигде не было.

– Фотограф! – глухо вскрикнул Филипп.

Напряжённо огляделся.

Выждав минуту, почему-то осторожно, с оглядкой шагнул туда, где на песке у воды сейчас как-то одиноко, почти отчаянно лежал рюкзак фотографа. Рельефные следы, как видно, ещё новых сапог однозначно вели к воде.

Впереди, метрах в шести, где была та самая «нехорошая» яма, лежала на воде, уже заметно притопнув между водорослей, знакомая фуражка.

Тем не менее Филипп судорожно цапнул себя за голову. Своя была на месте.

Кепку фотографа на глазах медленно закручивало, утягивало течение.

«Нет, не может быть!.. – горько подумал Филипп. – Он же не дитя малое! Как так?!»

Настороженно пригляделся: нет ли всё-таки ряби или какого иного признака потаённого движения под водой. Вдруг залётный рыбак ещё жив и пытается бороться за своё спасение.

Хотел было броситься в воду на помощь, но вовремя устоял: всё равно уже поздно – река на раз взяла растяпу фотографа.

Битый час сидел Филипп у воды на корточках. Вздыхал, морщился. Даже пару раз ослезился.

Когда наконец ушёл, даже снасти свои не взял.

Правда, с полпути угрюмо вернулся, смотал удочки свои и утопшего, невольно задержал взгляд на его аккуратном, чистеньком рюкзаке.

Вдруг там документы какие есть? Тот же мобильный. У этого фотографа наверняка какие-никакие близкие есть. А может быть, даже и жена. С виду мужик был достаточно ухоженный, а что одет по-простому, так это понятное дело. Не в костюме же с бабочкой ехать на рыбалку! В общем, надо бы сообщить кому следует о такой беде. Конечно, начнётся всякая разная мутота. Возможно, его, Филиппа, станут тягать на допросы, тянуть из него жилы, чтобы признался в убийстве или соучастии в оном. В итоге, смотришь, разберутся, но кровушки попьют досыта.

Филипп строго вздохнул и судорожными рывками развязал рюкзак утопленника. Хозяйство открылось ему ладное, хорошо, толково обустроенное:

запасное импортное дорогушее складное удище, полавки к нему далеко не из дешёвых, эхолот Deeper Smart Sonar PRO тысяч за тридцать наших рубликов, антибликовые очки, грузило и коробочка разнокалиберных японских крючков такого качества, что глаза от них не отвести. Само собой, опарыш и мотыль. А ещё вакуумные ланч-боксы с аккуратно уложенными бутербродами: сочная бело-розовая грудинка, ядрёный сыр, разномастные паштеты. Естественно, и термос здесь притулился с чем-то наверняка весьма качественным. А как вершина вершин – две женственно аккуратные ёмкости «Киновского» пятизвёздочного.

– Эхма! – отчётливо вскрикнул Филипп.

Ещё раз бдительно посмотрел на воду. Лишь мелкая зернистая рябь настырно сыпалась против течения, как будто она существовала сама по себе.

«Прости, братишка... Не пропадать же добру...» – подумал Филипп и, выждав минуту, даже сознательно перекрестившись, закинул себе на спину увесистый рюкзак фотографа.

С ним часа через два он полевыми кособокими тропками вышел к матёрому, грозному шлагбауму: охранники встретили его, как всегда, радостно.

После первой за помин души фотографа Филипп не остановился. Не за тем начинал. Вся эта нелепая история, сто раз потом рассказанная им охранникам, а в другие дни их сменщикам, никак не предполагала по глубинной своей мистической сути каких-то разумных, конкретных поступков.

Филипп физически чувствовал себя в центре небывалого, невиданного им прежде никогда события, в котором очевидно проглядывала во всей своей неумолимости, таинственности и могуществе высшего смысла надмирная власть некоей неведомой, вездесущей и всеобъемлющей силы.

Он пил вдохновенно, самоотречённо.

Тем не менее недели через три Филипп нашёл в себе силы заставить охранника позвонить участковому о несчастном случае на реке Студёнке.

Разговор вышел коротким, но таким, что после этот охранник, молодой парень, который лет пять назад бросил школу в шестом классе, чтобы кормить больную мать, шархнулся от Филиппа в угол дежурки, по-настоящему побледнел. То есть лицо у него как бы вовсе исчезло.

– Ты, дяденька, кто?.. – сдавленно, как сквозь невыносимую боль, выдохнул молодой охранник.

– А ты, балбес недоучившийся, не знаешь?.. – судорожным, глухим голосом ещё не похмелившегося человека сказал тогда Филипп.

– Тебя же похоронили... – почти плаксиво отозвался охранник. – Это ты утоп в речке! Участковый так и сказал. И памятник тебе есть у вас на кладбище в Забугорье. Чин-чинарём стоит. Из мраморной крошки. Точно миллионеру какому.

– Эх, Русь-матушка... – уныло поморщился Филипп. – Везёт мне как суботнему утопленнику – баню топить не надо.

Как бы там ни было, селом он в тот крайний ночной час шёл такими хитрыми петлями, чтобы забугорцы его прежде времени не увидели. Или, увидев, не угадали...

Наталья как раз вышла на крыльцо, когда он уже леденеть начал. Ступала тяжело, как-то тупо.

– Прости дурака дурацкого... – сознавая момент, тихо, бережно шепнул Филипп.

Так он всегда говорил, когда возвращался домой после усердного запоя на стороне.

Наталья судорожно напряглась – и словно на этом израсходовала все свои последние силы: обмякла, подкосилась. Вот-вот раскинется навзничь на крыльце.

Когда Филипп подхватил её на руки, она никак не хотела глянуть ему в глаза, упёрто, дико воротила своё лицо на сторону.

– И где только тебя, лешего, носило?.. – наконец сдавленно выдохнула Наталья.

– История долгая и жуткая, – внятно, чуть ли не с гордостью проговорил Филипп.

За едой он тоже не поспешил с рассказом, но чуть ли не за каждой ложкой восторженно произносил:

– Как я соскучился по-домашенькому!

– Может, рюмочку?.. – чуть ли не заговорщицки проговорила Наталья. – Я же не без понятия.

– Неси компот! – строго-радостно объявил Филипп.

А когда он допивал его из трёхлитровой банки, ловко отталкивая языком норовившие проскользнуть в рот дольки яблок, груш вместе с вишенками да смородиной, вдруг из сеней, на всякий случай низко пригнувшись и придерживая фуражку, в раззявленную дверь кособоко вшагнул участковый.

– Я, Наталья, тебе справку о смерти мужа в ЗАГСе выправил... – объявил Юрка Протопопов.

Однако близорукостью он не страдал, так что от слова к слову его голос стал быстро падать и тупеть. На «ЗАГСе» он вовсе неуклюже тормознул и скovyрнулся на некоего «зегса», а «выправил» прозвучало у него почти как «вырвал».

Его тем не менее поняли.

– О чьей смерти?.. – напряжённо, но при этом дружески заулыбался Филипп.

Он аккуратно взял из Юркиных рук смертную справку и внимательно прочитал несколько раз.

Младший лейтенант напряжённо вздохнул.

– Плесни нам, Наталья, по стаканчику того самого! Никогда с живым трупом не пил за его здоровье!

Наталья, словно бы несколько ошарашенная, даже чуток пошатываясь, приволокла непочатую трёхлитровую банку своего знаменитого самогона, старательно, кудесно настоящего на красной рябине.

– А вот это всё – без меня! – весело поморщился Филипп.

– Мне чуток можно... – пискнула Наталья. – Я как мужа живого увидела, так чуть не кончилась с испуга... А кого же мы тогда схоронили?

Филипп медленно встал.

– Я на погост.

– Сиди! – твёрдо сказала Наталья. – Это пусть Юрка разбирается, кого там вместо тебя закопали.

Ночью во сне два Филиппа огород у Натальи копали, оба картошку на себе в мешках к сараю таскали, вместе обедали с невиданным жадным аппетитом, а когда оба к ней ещё и в постель полезли, она с глухим воем проснулась: муж, сложив руки на груди, чего за ним никогда не водилось, и чуть откинув назад голову, памятником стоял у окна, весь как измазанный фосфорным лунным отсветом.

– Теперь у меня, Натаха, новая жизнь начнётся... – просто, с тихой, непривычной для него и какой-то особенной, возвышенной радостью сказал Филипп. – Как щёлкнуло что-то во мне сегодня на кладбище. У моей не моей

могилы. Точно я там прежний лежу, а здесь вот новый стою! Чтобы новую жизнь начать. Я словно себя впервые увидел, каков он на самом деле – этот комбайнёр Филипп Гробовой. Увидел через призму смерти.

Он взволнованно вздохнул, напряжённо выговорив непривычные и мало-понятные ему, совсем новые для него слова, почти заумные. Повторил, вздохнув, с аккуратной улыбкой:

– Да, через призму смерти... И никто мою новую жизнь не остановит. Сил не хватит! Я же по всем земным меркам как бы не существую. Нет меня! А на нет и спроса нет. Если что, я – голос свыше!

Наталья ничего не поняла, но заплакала. Сердце ей так подсказало.

Утром Филипп битый час проторчал в приёмной Князева, как будто экзамен на выдержку сдавал. На то время к Ивану Павловичу никто не прорывался, но тем не менее глава с разрешением пропустить до себя Гробового не спешил. До такого напряжения не спешил, что его девчужка-секретарь Алёна, с мордашкой, замурованной под самые её фанаберистые глупые глазки антиковидной модной тряпочкой с бабочками, край устала видеть перед собой тяжко измученное бог знает каким по гадости алкоголем, но при всём при том, что непривычно по нынешним напряжённым пандемическим временам, чуть ли не озорно-радостное, просто-таки самодовольное лицо их комбайнёра.

Изящным ныряющим движением руки Алёна мстительно включила на «Ютубе» какую-то судорожно лязгающую песенку:

*Драли, как Сидр козу, выжимали слезу.
Лазал на берёзу я во всякую грозу.*

– Филипп Порфирьевич, а вам рэп нравится?

– Я это как бы... Петрович по батюшке... – вдохновенно улыбнулся Гробовой. – А рэп, Алёнушка, это еда какая или игра?!

– Песня... – хихикнула она.

– Песня – это хорошо. Очень хорошо! – засмеялся Филипп. – Тудыть её в качель!

Счастье его переполняло. Впору делиться им направо и налево.

Тут из кабинета Князева глухо, но всё равно с достаточно отчётливыми строгими нотками наконец донеслось: «Давай этого сюда!»

Гробовой вошёл, чуть ли не спотыкаясь: жёсткая, отрывистая скороговорка песни ощутимо, словно нахально, бесцеремонно подталкивала его в спину:

*Научиться отдавать, научиться терпеть,
Научиться не бояться никого, даже смерть.*

– Чё пришёл? – наклонил к плечу голову Иван Павлович, точно ему в ухо вода попала.

– Объясниться, как мне теперь с работой быть... – нахмурился Филипп. – Сдавать комбайн Федюне или погодить? Так сколько?

– А что случилось?! – начальственно привстал Князев, точно чтобы лучше видеть весь подвластный ему мир. – Планета наша перевернулась с ног на голову? Или тебя в администрацию президента пригласили?

– Так я же теперь вроде как покойник. Мертвец в чистом виде! – основательно, резонно объявил свою позицию Гробовой.

Князев с такой силой зажмурился, что у него всё лицо напряжённо собралось возле корневого, заглавно выступавшего носа, увенчанного ядрёной бульбой. Словно защитным кольцом сейчас окружённое.

Выдохнул Иван Павлович, как резвую тетиву отпустил.

– Да будет тебе известно, что все вы, работнички мои дорогие, как один по кадровым и бухгалтерским бумажкам не числитесь. Вы самые настоящие мёртвые души. Так что ступай, мёртвая душа, а завтра в восемь без опозданий как штык быть на утренней разрядке.

– Вот мы с вами к главному вопросу и подобрались... – напряжённо-ласково улыбнулся Гробовой. – Никакого распределения работ не будет, пока вы своих людей не оформите как полагается.

– Филипп, что я слышу? Тебя ненароком бешеная лиса не цапнула? – рассмеялся Князев.

– Со мной в таком тоне не надо бы говорить... – опустил голову Гробовой. – Я единственный в России живой покойник. И у меня через это особые права и возможности.

Князев вдумчиво построжел.

– Личность ты теперь и в самом деле уникальная. Чего тут!

– Значит, поймём друг друга... – сдержанно кивнул Филипп. – Мне завтра кран нужен будет и грузовик. На полдня. Дадите? Я сполна отработаю.

– Иначе и не мысли... – глухо отозвался Князев.

...Выехали двумя большими тяжёлыми машинами по-осеннему мутным утром, по мокрому. В такую бессолнечную пору, между прочим, ноябрьский лист во множестве почему-то весь из себя особенно ярко, напористо цветист, будто имеет изнутри собственный гордый свет. В любом случае лету аминь пришёл.

Их ненадолго остановили у припотевшего сырьём массивного чёрно-белого шлаббаума, похожего на гигантскую палку некоего великана-гибэдэдэшника, строго и надёжно запиравшего от мелкотравчатого всяколюдства огороженные «колючкой» земли при здешнем ажурном замке. Тот в самом деле выглядел как декорация к некоей сказке; так что пока из Забугорья не сбежали последние семьи с детишками, родители на большие праздники водили своих малых на курган за селом полюбоваться на это удивительное, с витыми башенками строение из рельефного красного кирпича, которое особенно волшебным образом выглядело по вечерам, заманчиво сияя сине-красно-жёлтыми мозаичными окнами.

– Куда собрался, Филипп?! – обрадовались, увидев его, здешние охранники, тесно окружили, весело пожимая ему руку.

– Счастье нашему Забугорью возвращать... – дерзко-загадочно проговорил Гробовой.

– А какое оно?

– Добуду – увидите. Я за ним в самую область качу.

– Но кран тебе на что? И самосвал?.. – бдительно переглянулись, напрялись охранники. – А как если тебя гибэдэдэшники остановят?

Филипп отмахнулся, медленно, предельно аккуратно достал из-под достаточно новой, для выхода «на люди», куртки сложенную вчетверо розовато-сиреневую бумагу с вензелями и ярко-синей гербовой печатью. Это было свидетельство о его смерти.

Охранники было сгрудились, бегло читая, но тут же и отшатнулись.

Отглядели Филиппа сосредоточенно, с опаской.

– Что вы на меня как на шпиона устались?.. – снисходительно вздохнул тот. – Живых покойников не видали?

Никто ему ничего не ответил. Обтекая каплями, шлаббаум поднялся так хватко, словно палаческий топор, занесённый мощным хладнокровным замахом.

...Вернулся Филипп по скороспелой осенней затеми, всякий год поначалу непривычной, мертвенной и уныло-глухой.

У шлагбаума выглянул из кабины, устало вздохнул:

– Эй, мужики, поднимайте своего часового...

Из будки неспешно появился старший охранник в форме с воющим волком на спине. Стрельнул прямо в глаза Филиппу мощным, жёстким лучом фонаря. Как стеганул.

Гробовой осерженно загородился своей выдавшей виды разлапистой ладонью:

– Того, аккуратней... Что выскочил?

– Проверить, что везёшь... – глухо, однако при этом достаточно внушительно проговорил начальник смены.

Сопя, неспешно полез в кузов самосвала. По его движениям чувствовалась его безразмерно вскормленная увесистость. Вдруг за спиной Филиппа раздался какой-то чвакающий звук, напоминающий неуклюжее обвальное падение чего-то весьма тяжёлого. Кажется, охранник обо что-то неудачно споткнулся там, в кузове, и, не исключено, рухнул на нечто весьма немягкое. По крайней мере, его убойные матюки так внятно прогрохотали над здешними полями, что их вполне разборчиво могли слышать и за два километра в том самом сказочно красивом замке. И если в его подвалах обитали привидения, обязательные для такого особого строения, то их явно прорбила такая судорожная дрожь, что они в ту минуту вполне могли походить на затрепетавшие, отчаянно захлопавшие на ветру, мокрые белоснежные простыни.

– Что тут у тебя валяется?.. – сказал, как проскрежетал, охранник. – По всему – труп окоченевший!

– Баба... – вздохнул Гробовой. – Баба каменная! Талисман нашенского Забугорья! Без неё у нас вся жизнь в селе наперекосяк пошла, как лошадь, неправильно запряжённая.

Под боком у Забугорья лицом на восход испокон веков на вершине здешнего кургана, летом вся утопавшая в ярких ажурных васильках, зимой в сугробах, стояла эта метров о трёх серо-коричневая обветренная каменная Баба с отвислым брюхом и плоскими титьками, но руками такими мощными, какие любого быка в бараний рог согнут. Так вот, эта махина тонны на четыре, скуластая да щекастая – одним словом, мордатая, со взглядом по-особенному суровым, обретшим невиданную силу – многотысячелетним, – явно была не от мира сего. Хоть и окрестил её Тимофей в шутку, улыбки ради «Инопланетяжкой», но все забугорцы тайно, в душе невольно чувствовали этой громадины особую над ними охранительную власть. Как у строгой матери над детками малыми. Так что издревле забугорцы по воскресеньям две главные дороги знали: первая – на утреннюю службу в Богоявленском монастыре, а потом, петлями, тайно – к кургану, Бабе поклониться и втихоря испросить у неё, чего надобно. И многим она реально помогла и поныне памятно не оставляет заботой.

Вернувшись из армии осенью после кампании в Южной Осетии в родной развалившийся колхоз «Заветы Ильича», Филипп три дня основательно смывал с себя самогоном пороховую вонь, а на четвёртый что-то неведомое повелело ему идти поклониться их каменной Матери матерей за то, что в живых остался у Цхинвали под ударами грузинских «Градов». Да тут Филипп в шутку заодно покаянно попросил у неё застревающим во рту языком «пару сотенок на похмель»: через месяц он выиграл в лотерею триста тысяч. Правда, счастливый билет Наталья тотчас взяла в свои руки. Благодаря этому они поныне невесть как свалившимся им на голову прибытком сносно держатся. У Князева и на комбайне по-человечески не заработаешь: штраф на штрафе за всякое мало-мальское нарушение.

Как ни таился Филипп, история с его лотерейным билетом всё-таки утекла в народ. В считанные дни возле их каменной Бабы самое настоящее столпотворение образовалось. Из сёл, близких и дальних, народ живо, суматошно подтянулся. Со стороны курган стал похож на облепившую его лихую ярмарку. Из самого Воронежа и даже столицы нашей Родины приезжали люди. Многие из них, судя по машинам и одежде, явно с высокими должностями. И везли этой каменной махине горстями слёзные записки с самыми разными просьбами, в основном насчёт здоровья и коммерческого везения, а также на всякий случай еду разную праздничную, спиртное дорожное.

Никого не остановили ни усиленная критика такого мракобесия в телевизионных новостях, ни приезд из Воронежской митрополии батюшки, молодого, явно очень умного, бедами людскими сердечно озабоченного, который дня два вдохновенно читал нужные спасительные молитвы и с радостью, точнее, с восторгом окроплял настороженную толпу у каменной Бабы святой водой с шустрого, птицей взлетающего над покаянными головами пушистого венчика. Не осталась в стороне и власть. И не только местная. Поехал к забугорцам с увещеваниями даже сам председатель областного совета депутатов, но по дороге в распадке, залитом таким густым туманом, что хоть кусками его нарежай, машина с номенклатурным номером-оберегом наскочила на фуру, со всеми вытекающими печальными последствиями.

А через неделю прикатил из области самосвал и увёз здешний талисман на хранение в городской краеведческий музей. В прибавку к уже жившим там на заднем дворе ещё шести другим вековечным каменным бабам, вырубленным древними мастерами на разный вкус и манер из серого песчаника. Забугорская дама, правда, среди всех оказалась самая рослая, самая мордатая и всем своим видом несопоставимо строгая – одним словом, величественная.

Когда Филипп добрался со своей механизированной кавалькадой до областного центра, ворота краеведческого музея, по счастливой okazji (не без подмоги их курганной бабы!), стояли радушно распахнутые. Забугорцы без проблем въехали во двор и деловито приступили грузиться. Только Филипп, прежде чем они свою каменную бабу оплели железными петлями и вознесли стрелой крана, вдруг порывисто обнял её, по-сыновьи.

Тут не спеша подошла к ним аккуратно интеллигентная, невозможно вежливая, но слишком просто, чуть ли не бедно одетая старушка с непонятной для Филиппа должностью старшего смотрителя, Леокадия Аполлинарьевна.

– Позвольте поинтересоваться, куда наша мадам собралась?.. Не в гости ли к половецкому хану Кончаку?

– А нам откель знать? Мы не начальство! – дерзко улыбнулся Филипп. – Наше дело нехитрое: бери больше, кидай дальше.

– Тогда, дорогой мой человек, хотя бы фамилию свою на всякий случай назовите.

Баба уже ничком лежала в самосвальном кузове, накрытая выдавшей виды лыковой рогожей.

– Гробовой я... – резко улыбнулся Филипп и решительно достал из-за пазухи своё ядовито-цветное, с ажурными разводами свидетельство о смерти: бумага – всем бумагам бумага.

Подмигнул озорно:

– Вот вам главный человеческий документ! Тут всё полноценно про меня сказано!

Леокадия Аполлинарьевна вздрогнула, охнула и, попятясь, как-то бесильно, болезненно махнула рукой. Кажется, хотела Филиппа перекрестить, да не вышло.

Только выговорила сдавленно, чуть ли не пристыженно:

– С Богом...

...Бабу установить на вершине кургана мужики долго не могли, хотя все забугорцы впряглись, и даже пришли свободные от службы охранники, которые состояли при шлагбауме. Праздник возвращения Матери матерей пришёлся, не подгадывая, на сугубый день, на Димитровскую субботу родительскую.

Долго никто не хотел расходиться...

На другой день Филипп, по первому и как бы пробному снегу, как через сито просеянному, поклонившись Бабе, вышел на дорогу к их сказочному замку. За час семь километров отмотал. Перед тяжёлыми коваными воротами поднял над собой как хоругвь своё свидетельство смертное.

Три часа простоял на ветру: за это время всё вокруг свежо забелело мелкой снежной крупкой.

Наконец кто-то вышел: благообразный такой дядечка в норковой глянце-вой шубе, правда, без шапки, с красным большим шарфом на шее.

– Ты – хозяин?! – как-то неуверенно, несколько не своим голосом крикнул Филипп.

– Я мажордом... – умно усмеялся мужчина.

– Понятно... – вздохнул Филипп. – Мажордом так мажордом... Ты хозяин сегодня увидишь?

– Он в Италии. Вернётся через полгода.

– Тогда позвони ему, что ли. В общем, он нашу реку, Студёнку, колючкой огородил. А это нехорошо. Неправильно. Она общая. Так что пусть отмотает назад такую свою инициативу. Не стоит народ раздражать.

– А он вообще-то есть здесь или давно в небытие канул? – Мажордом красиво, от души засмеялся. Кажется, он хотел подойти к Филиппу и сердечно потрепать того по плечу, но сдержался. – А колючка выставлена от диких зверей.

– Всё равно убирайте... – вздохнул Филипп. – По-людски надо всё такое.

– А что вы, молодой человек, за бумагу над собой держите? Руки не затекли? – весело прищурился владелец шубы.

– Свидетельство о моей смерти! – веско отозвался Филипп. – Так что с вами живой покойник говорит. Меня как бы нет. И я могу кому надо устроить самую настоящую финскую баню. И мне за это ничего не будет.

– Невиданные места у вас: каменная баба-оберег, покойник говорящий... Здесь чудеса: здесь леший бродит, русалка на ветвях сидит; здесь на неведомых дорожках следы невиданных зверей... – зябко проговорил мажордом с интонациями явно начавшего замерзать человека: ему уже очень хотелось назад, в благодатное тепло, где отличный коньяк, жаркий, разыгравшийся огнём камин и прочее иное для полного удовольствия.

– А шуба у вас дорогая? – ни с того ни с сего спросил Филипп. Как есть ляпнул.

– Что вы сказали?! – поморщился мажордом.

– Ничего. Вам показалось...

Филиппу вдруг стало стыдно за всё плохое, несправедливое на этом свете. Гробовой до боли ощутил несвойственное ему до сих пор чувство: он тоже виноват по-своему, что жизнь изначально устроена неправильно. Но ничего никому не переделать никогда. Никаким прогрессом. Никакими лозунгами. И даже великая каменная Баба, Мать матерей, здесь бессильна.

...Филиппа застрелили на Параскеву Великомученицу. Как раз когда он с какой-то новой просьбой ходил на курган. Хотя, не исключено, что Гробовой словил затылком шальной охотничий жакан, он же турбинка, рикошетом завернувший свой кручёный полёт в его сторону.

После недолгих поисков возможного горе-охотника дело закрыли распоряжением районного полицейского начальства: других забот невпроворот. Младший лейтенант Юрка Протопопов было принялся настойчиво ходить по кабинетам следователей и доказывать, что с гибелью Филиппа Гробового истина так до конца и не прояснена. Мол, с такой тяжёлой свинцовой пулей разве что на медведя ходят или сохатого, каких здесь полвека уже не видать, а идти с ней на лису или зайца, какие ещё не совсем перевелись в их краях, всё равно что молотом муху взяться пришибить. Однако все Юркины старания вскоре успокоили лейтенантские звёзды, вдруг упавшие ему на погоны. Протопопов повеселел, приободрился и с особым рвением окунулся ворочать новые дела...

– Нехорошо будет, когда рядом станут два надгробия одному и тому же человеку... – вдумчиво, строго проговорила Наталья, стоя на кладбище возле первой могилы мужа с тем князевским пегим памятником из чёрно-серой мраморной крошки.

– Естественно... – хмыкнул Тимофей.

– А если... моего нынешнего Филиппа на другом конце кладбища похоронить? Я там такую красивую, такую стройную берёзку приглядела.

– Что в лоб, что по лбу, Наташа... – накосо, из-за ранения, дёрнулись губы Тимофея. – Тут нужно коренное решение. А какое?

Наталья судорожно всхлипнула.

– Дай закурить...

– Так ты же вроде этой гадостью не балуешься! – даже отшатнулся Тимофей.

– Давай... И спички... Или жалко куревом поделиться? Эх, мужики, все вы жмоты. Что ты, что Князев ваш.

Дело в том, что на этот раз глава КФК на похороны не расщедрился. Только продукты выписал Наталье из своего ларька на поминки. А остатков лотерейных денег хватило лишь на гроб. Филипп лежал в нём фасонисто, с достоинством, словно ему наконец открылись все загадки земной жизни.

– А ты глянь, сосед, они у меня, мужья-то, оба в один год и день померли! И как я раньше на этот счёт недопетрила? Только месяца разные... – вдруг вскрикнула Наталья.

– А давай в таком случае мы их друг над дружкой под одним памятником и закопаем?.. – вскинулся Тимофей. – Ещё и деньги на этом сэкономишь, которых у тебя нет. И мне копать по копаному легче будет...

Наталья оглянулась в сторону кургана, накрытого ранним зыбким снежком, и отчётливо, с силой перекрестилась. Потом перекрестилась с низкими быстрыми поклонами на все четыре стороны. Особенно усердно в ту, где километрах в десяти от Забугорья третью сотню лет росло возвышался окружённый каменной городью монастырь.

– Начинай... С Богом... Никто нас не осудит. Да и кому это надо? А я до батюшки Петра пойду насчёт отпевания...

– Не забудь по пути нашей красавице степной копеечку кинуть, – строго сказал Тимофей.

Наталья не отозвалась, уже набирала ход, налаживалась: идти в район до Боявленского монастыря не час и не два, а время, не угладишь за ним, уже завернуло за полдень. А ноябрьские сумерки скорые, глухие...

**Павел
МИРОНЕЦ**

БОЛЬШОЕ КЕРЧЕНСКОЕ СОЛНЦЕ

Иное, унылое, дикое...
Прокуренный воздух горчит,
И небо, слезами умытое,
И тусклые звёзды в ночи.

Мне кажется, солнце погасшее
Покинет наш мир навсегда,
Что тьма надвигается страшная
На сёла и на города.

Откройте завесу небесную,
Хочу пуповину порвать
И броситься ввысь бестелесную
И небом, как ангел, дышать.

Чтоб духи земные оставили,
В свой дом Ты меня позови,
Где я захлебнусь, омываемый
Большим океаном любви.

-
- Павел Николаевич Миронец родился в 1963 году в посёлке Эмба Казахской ССР. Жил в Крымской области. В 1983 году был призван на срочную службу в ВМФ, в 1986 году уволился в запас. В 1989 году закончил профессионально-техническое училище № 9 и получил диплом по специальности «Художник-декоратор». В 1990 году поступил в Саратовское Художественное училище им. А.П. Боголюбова, на отделение «Художник-оформитель». В 1994 году – в Саратовскую духовную семинарию и через год был рукоположен в священнический сан. В течение двадцати пяти лет исполняет обязанности настоятеля храма Святителя Николая Чудотворца в селе Старые Озинки. Писать начал в 2010 году. Публиковался в альманахе «Нетерпеливые строки». Призёр литературного конкурса «Турнир поэтов» (2013). Финалист международного конкурса «Пушкин в Британии» (2014), национальной литературной премии «Поэт года» (2015), литературного конкурса «Формула осени» (2018), Поволжского литературного конкурса «Венец поэзии» (2020).

ЖИВИ

Видишь утра свет нетленный?
В нём лишь свежесть бытия.
Видишь степь – её горенье,
Кружевных лесов края?

Расправляет небо крылья.
Видишь, между бурь и выюг
Токи туч – их изобилье
С севера плывёт на юг.

Жизни много, жизнью россыпь.
Видишь, зреет плод любви?
Смерти нет! Потрогай росы,
Благу чувствуешь? – Живи!

ДОЖДЛИВЫЙ ЭТЮД

На небе места нет для журавлиной стаи.
Да что там журавли – для солнца места нет.
Мистерия дождя свинцовый гравий плавит,
И время исчезает, не оставляет мет.

Тот самый сеновал, те самые баклуши,
И аромат земли, и петушиный крик,
И редкий солнца луч одежды наши сушит,
И день как час проходит, а жизнь летит как миг.

Кому восторг не нужен, тот может спать спокойно.
Ах, что за непогода, везде вода, вода!
В природе мира нет, там войны, войны, войны,
Там жаркие победы и злые холода.

Тот самый сеновал и запах лета сильный.
Да что там запах лета – сверчки да светлячки.
Что ждёт нас впереди? Непройденные мили,
Невиданные дали, иных миров зрачки?

На небе места нет, заря с зарёй не спорит.
Запутался в потоках холодных синих струй
Луч солнца золотой, он падает на море,
Как падает на губы пьянящий поцелуй.

«Любовь» и «кровь» – настойчиво рифмую.
Всё по старинке, просто, как всегда.
Приемлю мир, и плоть весны живую,
И половодье с гулкой ломкой льда –
К чему душа настойчиво привычна:
К земле пахучей, травам и цветам.
К тебе, когда с улыбкою обычной
Ломаешь хлеб румяный пополам.
«Любовь» и «кровь» – слов сила неизбывна,
И под часами неизбежно мы
Рифмуемся с грозой и тёплым ливнем,
Не ощущая за собой вины.

Я уставшую женщину встретил в степи,
И она мою грусть полюбила.
Друг родной, ты ещё хоть денёк потерпи –
Моя жизнь, моя совесть и сила.
Разнотравие судеб... Степи что скажу,
Как открою сердечную тайну?
Этим взглядом уставшим я так дорожу,
Он цветёт у вселенских окраин.
Так случилось: я грусть на двоих разделил,
Чтоб ненастье скорей побеждалось.
Ты жалела меня, а я просто любил
Невозможную эту усталость.

БОЛЬШОЕ КЕРЧЕНСКОЕ СОЛНЦЕ

Играли в «прятки» и в «колечко»,
Ходили по миру пешком.
На наши худенькие плечи
С солёным южным ветерком
Ложился раскалённый ком
Большого керченского солнца.

Тогда мы были молодыми,
Всё с рук сходило и везло.
Мы были добрыми и злыми,
Случиться всё тогда могло,
От бед спасало лишь оно –
Большое керченское солнце.

И незаметно мы выросли,
Шёл день за ночью, ночь за днём.
Любили Родину и пели –
Как дорог край, где мы живём,
Где любим до сих пор и ждём
Большое керченское солнце.

На изумруде вековом
Мелькают золотые блики.
Эвксинский Понт, ещё великий,
Укрылся божьим рукавом.
Тысячелетний дивный сон
Не высмотрен. Его пределы
Стоят как сумрачные стелы,
Он в книгу жизни занесён.
И выбитая в камне былъ
Как рукопись неповторима.
Эвксинский Понт – на солнце зримый,
На небе вызревший ковыль.

**Александра
АЛИДАРОВА**

ПАХНУЩИЕ МЁДОМ ТРАВЫ

БУРКИХАН

Буркихан, боль сердца и печаль!
Случай роковой нас обвенчал.
В сердце ты вошёл глухой тоской
И навеки отнял мой покой.

Горы мне запомнились твои,
И крупицы от скупой любви,
Как я шла с телятами домой,
Как тропой спускалась извитой...

И призывный чуткий глас речной.
Вечер шёл бесшумною стопой.
Было мне по-всякому тогда...
Вспоминаю я через года.

-
- Александра Магомедовна Алидарова родилась в городе Каспийске. Окончила Дагестанский медицинский институт и Клиническую ординатуру. Кандидат медицинских наук по специальности «Детский кардиохирург». С 2009-го по 2014 год – руководитель группы по подготовке специалистов для сосудистых центров. В настоящее время работает в МГМСУ им. А.Н. Евдокимова. Публиковалась в альманахе «Тени странника» при редакции журнала «Юность», «Малаховском альманахе», в журнале «Наш современник». В 2013 году вышел сборник «Стихи и проза».

Где то время, где его искать?
И хотя непросто вспоминать,
Помню, в ночь зиял пустынный дол...
Только случай роковой нас свёл.

Как и свёл тот случай роковой —
Взмахом крыльев на века развёл.
Был ты мне родимый и чужой,
Горестей несчастной — аналой.

НАША НЕВСТРЕЧА

Рождалась я, ты умирала!
О как всё странно, как совпало.
Уж ночь кончалась. Рассветало.
Какую скорбь заря являла!

А в жизни этой мы друг с другом —
И мать, и дочь — не повстречались.
Мы здесь отмечены разлукой.
Тебя, я помню, окликали...

И только раз лишь оглянувшись,
Ты отдаляться стала, мама!
И становился шаг твой глуше,
У паперти вдруг встала храма...

И васильков вошла ты в поле.
Как хороша была — о, чудо!
Неразличима стала боле...
И хор там пел!.. Не позабуду!

Какой же ты была прекрасной!
Как золото волос струилось!
А платья длинного шёлк красный...
Виденье то недолго длилось...

ПАХНУЩИЕ МЁДОМ ТРАВЫ

Пахнувшие мёдом травы
Полно дышат под окном.
Издалёка звуки арфы
Говорят мне о былом.

О девчонке сирой молвят,
Об испуганных глазах.
Ночью обо всём напоминают,
Возникая ясно в снах.

Радость чуткую развеют,
Хрупкий разорят покой.
Дни бывшего скорби сеют...
Тяжко, Боже, мне одной!

Пламенеет сердце снова
В жизненном аду! Спаси!
Боже, счастья дай простого,
Пламя ада угаси.

Счастья дай простого каплю
Или четверть капли мне.
Боже, я Тебя прославлю...
Вижу образ Твой в окне!..

БЕСПОКОЙСТВО

Как встревоженные птицы, дни
Поднялись над полем.

Улетают, лебедям сродни,
Не вернуться боле.

Я стою, машу рукой им вслед
И зову. Напрасно!

А туман над полем словно плед
Стелется бесстрастно.

Слышу поля заунывный плач –
И ему тоскливо.

Грустно где-то заиграл скрипач,
Внемлю молчаливо.

Звуки эти сердце разорвут,
Всю пронзают душу.

Господи, когда они замрут?
Я их не нарушу.

Мир молчанья, Господи, верни,
Встреч боюсь я новых.

Искусы и грусть в друзьях одни.
Дни мои суровы.

**Сергей
НОВИКОВ**

СТИХИ ИЗ КНИГИ «ЛУННЫЙ ЛИСТОПАД»

ОСЕННИЙ ДОЖДЬ

Застыл Петербург под осенним дождём,
И падают листья промокшей печалью.
А мы вдоль Лебяжьей канавки бредём,
Укрывшись, как зонтиком, долгим молчаньем.

Мы рвёмся в прозрачность тяжёлой стены,
Оставив за гранью прожитые годы.
Купаясь в бездонных колодцах вина,
Не верим в приметы коварной погоды.

Опять эта осень колдует дождём,
Холодными пальцами давит на вены.
Прислушайся к сердцу. Давай подождём –
Снега принесут за собой перемены.

Метель заметёт наши мысли под лёд,
Весной они снова вернутся цветами.
И солнце нам ладан в ладони нальёт,
Подснежников белых – в объятья проталин.

-
- Сергей Владимирович Новиков родился в 1932 году в Калуге. В 1941 году был эвакуирован сначала в Красный Кут, затем в Саратов. В 1946 году семья переехала во Львов. С 1950 года живёт в Ленинграде (Санкт-Петербурге), здесь окончил военное училище. Служил в Прибалтике, Заполярье, преподавал в Ленинградской военной инженерной Краснознамённой академии им. А.Ф. Можайского, в Ленинградском государственном институте культуры им. Н.К. Крупской. Публиковался в сборниках Союза писателей России, в «Антологии петербургской поэзии начала XXI века», в альманахе «Мурманский берег», в журнале «Театр». Автор восьми книг стихов, «Вольных переводов лирики Иоганна Вольфганга Гёте», повести «Солнечные блики на зелёном поле». Доктор философии в области литературоведения, профессор психологии, кандидат экономических наук, действительный член Международной академии фундаментального образования. Имеет правительственные, государственные, президентские и литературные награды, лауреат литературной премии «Созидатель». Живёт в Санкт-Петербурге.

Нева спешит к поднятию моста.
Зажгли огни ростральные колонны.
Раскинув крылья, мрачные грифоны
Несут луну в объятия креста.

Окончен день. Пора бы за окно
Непрощеную выбросить усталость.
Исчезло всё. И только ночь осталась –
В ней жизнь и смерть сливаются в одно.

Закрыв горизонт золотую свечу,
Сквозь тучи сверкнула звезда.
Я снова тебе, как молитву, шепчу:
«Ты будешь, ты будешь всегда...»

Во сне, наяву (может, только мираж)
Я вижу: наш маленький дом
Летит в неизвестность, а в нём экипаж –
Всего лишь рисунок углём.

ПАМЯТЬ О ВЕСНЕ

Я вновь один в пустыне комнат
Брожу с письмом из дальних лет.
Здесь даже стены вас не помнят.
Здесь погасила память свет.

Но цвет листка почти телесный
Мне дарит вновь тепло души.
Летящих рук порыв прелестный
Ко мне в объятия спешит.

Когда-то в девственной истоме
Ловил я звёзды в полусне.
Сейчас я здесь в остывшем доме
Сжигаю память о весне.

УТРО ЗЕЛЁНОГО БАМБУКА

Зелёный бамбук – это радость японца.
Всегда молодой, словно гибкое тело,
Прорезался, вырос, пробился на солнце,
А сердце по-летнему радостью пело.

А сердце стремилось сквозь тучи прорваться,
Туда, где течёт обновление духа,
Туда, где скрывается шелест акаций,
Ведь там молодеют старик и старуха.

Старик и старуха кивают послушно,
Ласкают зелёные листья бамбука.
Им в доме давно уже тесно и душно:
Здесь время застыло – ни смеха, ни звука.

Я завтра уеду – мне тесно в Киото.
В России берёзы наполнились соком.
Ликуют под солнечным пухом болота,
Скучает синица на дубе высоком...

ЛЕБЕДЬ

Он белой нотою звучит в озёрной сини.
Ему, застывшему в законченности линий,
Чужда душа людей.
Он предан лишь любви,
По сути, неземной.

Тишина над миром, только тишина.
Нет ни ветра, ни дождя, ни грома –
Лишь молчание, да неба глубина,
Да следы, бегущие от дома.

**Марина
ПОПОВА**

«В НЕЗАВЕРШЁННОСТИ ПУТИ...»¹

*Я пилигрим. Бреду по бездорожью
Осенних полуснов, ведущих в стылый лес,
Где каждый куст окутан мелкой дрожью
Под натиском луны, свой потерявшей вес.*

Сергей Новиков

Давно известно о резонансной связи организма человека с окружающими влияниями. Бессознательно (а кое-кто, возможно, и сознательно) подчиняясь волшебным ритмам песни ручейка, говора деревьев или тишины, настоящей на запахе чуть прихваченных первым морозом трав, человек погружается в «молчаливое созерцание Невыразимого». Именно в этом состоянии он освобождается от всего того, что связано с понятием «форма», и попадает в среду, о которой более ста лет назад Константин Эдуардович Циолковский писал так: «...Я отлично помню, что моей любимой мечтой в самом раннем детстве, ещё до книг, было смутное сознание о среде без тяжести, где движения во все стороны совершенно свободны и безграничны и где каждому лучше, чем птице в воздухе. Откуда явились такие желания, я до сих пор не могу понять; и сказок таких нет, а я смутно верил, и чувствовал, и желал именно такой среды без пут тяготения»².

Композиционно решая книгу стихов «Лунный листопад», Сергей Новиков прежде всего добивается того, чтобы последовательность стихотворений внутри разделов книги (как и последовательность разделов) задавала такое восприятие лирических тем, которое позволяет в процессе чтения вызывать к жизни образы, составляющие исторический опыт творческих поисков, направленных на передачу в слове Невыразимого. Обострённое ощу-

¹ Здесь и далее, за исключением специально оговорённых случаев, в кавычки заключены отдельные выражения, строки или строфы из стихов С. В. Новикова.

² Циолковский, К. Э. Исследование мировых пространств реактивными приборами / Циолковский, К. Э. Избранные труды. М.: Наука, 2007. С. 169.

-
- Марина Владимировна Попова родилась в 1965 году в городе Зайсане (Восточный Казахстан). Среднюю школу окончила в городе Усть-Каменогорске, училась в Дальневосточном государственном институте искусств. С 1986 года живёт в Ленинграде (Санкт-Петербурге). Окончила Северо-Западный институт печати, работала в петербургских издательствах «Гуманитарная академия», «Деан», «Ника», «Роза ветров». Творческие материалы опубликованы в периодической печати, в журнале «Волга – XXI век».

щение присутствия в реальном мире Невыразимого появляется в каждом, кто осознал себя как часть этого мира, не способную, однако, передать свой мистический опыт – опыт непосредственного переживания мира и себя в нём. Из века в век отмечают это мыслители и художники (трижды мыслители, по мнению Гюстава Флобера) разных стран, разных философских и эстетических пристрастий. А между тем именно эта передача делает поэзию поэзией, ведь «критерием поэтического искусства является метод переработки в слове изначального хаоса и степень этой переработки»³.

Изначальным хаосом для слова является стихия звука, способная к рождению и слова, и мелодии, а потому лучшим стихам свойственна глубокая музыкальность. Вот и Сергей Новиков сначала слышит мелодию, а потом каждому её звуку-ноте находит эквивалент в звуке-слове или в звуке-образе. Не последнюю роль играют в это время умение видеть: *«Разбив стихами жизнь на точки, / Вбираю всё, что видит взор»* – и способность проникать: *«Зову на помощь дар небес / И проникаю в мир молчанья»*.

Результатом становятся полнзвучные строфы, в которых мы чаще всего наблюдаем полное совпадение содержательной, синтаксической и ритмической единиц. Эта отличительная черта большинства стихотворений Сергея Новикова объясняется его стремлением максимально полно передать гармонию земного мира, заданную всему живому при рождении. Давным-давно, когда человек жил в таком едином ритме с природой, что солнце, месяц и звёзды были ему как родные, не было в мире тоски. Чувство личное, какое испытывал к вечным светилам человек, было такой силы, что достаточно было человеку в минуты необъяснимого томления остановить свой взор на одном из них, чтобы лад установился в душе человека и мерное чередование вдоха и выдоха восстановилось.

Приподнимаясь над обыденностью в попытке исследовать *«множественность неповторимого»*, Сергей Новиков освобождается от власти правил и ограничений, но остаётся при этом корректным и нравственным: *«величие осознанных открытий»* – вот то, что оберегает поэта от соблазна поддаться духу противоречия и желанию пошалить, хотя мистификаций, окрашенных горькой иронией, и забавных фантазмагорий на страницах книги достаточно. Равнодушие к величию признанных соседствует с уважением к традициям, а знакомство с мировым культурным наследием позволяет раздвинуть границы поэтического мышления и самому стать явлением. Поэт не порывает живых связей с миром своей будничной жизни (он часть её и живёт её смело), и именно это позволяет увидеть новые дали, организованные новыми ракурсами. При этом степень творческой самостоятельности такова, что восприимчивость не переходит в подражательство. Многие стихи – прикрытые *«тонким покрывалом одиночества»* откровения, не оставляющие сомнений в том, что автор рассказывает о самом себе и делает это искренне.

Сергей Новиков очень тщательно выбирает названия для своих книг и их разделов. Внимательный читатель заметит, что все названия – строки из стихов автора, а потому так или иначе обогащаются идеей «материнского» стихотворения. Отвечая на вопрос одного из интервьюеров, Сергей Новиков подчёркивает, что название книги определяют стихи, вошедшие в неё, а сам выбор названия – это последний, очень ответственный этап: «Соб-

³ Эткинд, Е. «Память и верность» (Вместо предисловия) / Жирмунский, В. М. Творчество Анны Ахматовой. Л.: Лен. отд. изд-ва «Наука», 1973. С. 10.

ственно говоря, именно название представляет книгу стихов, по сути, в нём она зашифрована».

Книга стихов «Лунный листопад» – не исключение. Лексическое значение ставшего названием книги словосочетания вызывает к жизни образ, вобравший в себя *«шорохи листьев, проблески света, подобие вздохов»* и время, застывшее в бесконечном движении.

«Я пилигрим. Бреду по бездорожью / Осенних полуснов, ведущих в стылый лес, / Где каждый куст окутан мелкой дрожью / Под натиском луны, свой потерявшей вес», – пишет Сергей Новиков, который на своём пути нередко внимает голосам *«ночных зверей»* (метафорическое наименование небесных созвездий). Поэт обгоняет тени слов, когда-то оглушивших его, вспоминает первородные звуки, а ещё то, как ловил он однажды солнечный ветер. И постепенно приходит к выводу: *«Нам не хватает сил остановить мгновенье, / И жажда звёзд становится сильней»*.

Основные идеи «Лунного листопада» формируются в процессе поиска ответов на вечные вопросы (*«В незавершённости пути / Хочу найти начало драмы»*), в том числе те, которые напрямую соотносятся с загадками поэтического творчества или моментами драматического восприятия вечной женственности. Ночь рассыпает *«слова – листья осеннего сада»*, и приходит Возлюбленная – *«хрупкая, как звук в недолгой вечности звучанья, в движении выстрадавших рук и губ, готовых для прощанья»*. *«Иллюзии снов в отражении быта / Ведут нас к зеркальной бездонности лет»*, а потому *«день длиною в радость»* сменяет *«день длиною в бесконечность»*, и поэт восклицает: *«О миг длиною в жизнь!»*

Не будем останавливаться на идейно-тематическом содержании каждого раздела книги. Обратим внимание лишь на четвёртый раздел «В сиянии полной луны».

В 90-х годах прошлого века Сергей Новиков побывал в Японии, и с тех пор почти в каждой его книге появляются стихи, так или иначе связанные с визитами в Японию, история которой – это история испытаний и преодолений. Некоторые из этих стихотворений, основанных на конкретных впечатлениях и представлениях, автор счёл необходимым повторить в четвёртом разделе «Лунного листопада», где они соседствуют с новыми стихами – своего рода результатом творческого интереса поэта к японской культуре. Развивая основные темы раздела «В сиянии полной луны», Сергей Новиков передаёт ощущение трепета и ускользания, сопровождающее все попытки поэта понять и передать дух японского народа, а также чувство Родины, обостряющееся вдали от неё: *«Я тоскую о Родине»*. В этом же разделе читатель познакомится с переводами японской лирики, в процессе работы над которыми поэт-переводчик придерживался принципа вольности переводов, оправдавшего себя ещё в пору написания Сергеем Новиковым книги «Вольные переводы лирики Иоганна Вольфганга Гёте» (СПб.: Ника, 2010. 160 с.). Исходными материалами для проникновения в *«потайную суть»* японской поэзии послужили многочисленные тексты других переводчиков⁴.

На уровень мировой классики выводит поэзию Сергея Новикова прежде всего то, что, отправляясь *«по следам потерянных волнений»* на поиски *«полузаброшенных желаний»*, Сергей Новиков отдаёт себе отчёт в принадлежности к великой стране, которой предан не только по праву рождения,

⁴ Для работы были отобраны следующие издания: 1. Сто стихотворений ста поэтов / Пер. со старояп. и коммент. В. С. Сановича. 2-е изд., перераб. и доп. СПб.: ШАР, 1994; 2. Сайгё. Горная хижина. СПб.: Кристалл, 1999. 416 с. (Б-ка мировой лит. Малая серия).

и к великому городу, судьба которого переплетена с судьбами населяющих его людей: *«Признаки старости, ветхость сознания / В облаке белых волос. / Окнами серыми старые здания / Стонут от ржавых полос»*. Когда *«плачет Русь... от боли»*, подавленный горем поэт, *«прорастая в звучащие молитвы»*, пытается *«заговорить»* душевные страдания: он вспоминает, как *«купола горят осиною»*, как *«в колоколах церковей рождается восторг»*, как *«малиновый звон поднимается к небу»*. Потом приходит осознание того, что *«мы не стаи, мы – народы»*, *«что цвет России – синий, что путь её судьбы воистину крылат»*. Вера, отечество, честь, долг, любовь – без них невозможна идентификация этноса. Такая позиция – предпосылка наполнения творчества внутренней энергетикой, которая позволяет перевести на язык высоких рифм и трагические реалии, и романтические мечтания.

При этом автор не пытается щегольнуть виртуозностью стиха – он служит в первую очередь стихии, безукоризненной в своей способности перевести в иное измерение. Слово является связующим звеном между прошлым и будущим, поэтический текст – тем пространством, в котором максимально полно проявлены механизмы восприятия слова. Ключ к бессмертию стиха – в его многозначности и открытости, ведь читатель подводит под сумму знаков человеческого интеллекта и эмоций, закодированных в поэтическом тексте, свои конкретные переживания, свой чувственный и метафизический опыт. Интересно в связи с этим посвящённое поэзии Сергея Новикова выступление Таши Васильевой на одном из поэтических вечеров: *«Сергей Владимирович Новиков меня поразил глубиной, духовностью, богатством ощущений, связанных с неземным. <...> Там были строки, которые говорят о его глубокой духовной жизни в соприкосновении, может быть, в силу возраста, с чем-то вечным»*⁵. Вот почему всякий раз, когда «глаза» поэта, *«погружённые в тайны мистерий, вбирают мерцание моря»*, рождается новая иллюзия – основа нового мира, населённого новыми героями. Вот почему всякий раз потом, когда мы читаем об этом, нас не покидает неуловимое чувство реальности происходящего.

Таким образом, новая книга стихов Сергея Новикова, как и предыдущие семь, в тематическом и структурном отношении представляет собой единое художественное целое. Отдельные стихотворения, будучи в основе своей безусловно законченными поэтическими текстами, слагаются в своеобразную повесть. Она, хоть и лишена явного сюжета, выдерживает экзамен на цельность, так как каждое стихотворение воспринимается как эпизод из жизни лирического героя, эмоционально созвучной жизни самого Сергея Новикова. Читатель, способный творить на равных с поэтом, понимает это сразу. Совершая переходы от установленного к созданному, от бытия к небытию, от фантазии к реальности, и наоборот, такой читатель *«в голосе раковин, морем зовущих»*, однажды услышит ответ на вопрос: *«Невыразимое подвластно ль выраженью?»*⁶

⁵ Слова Таши (Татьяны Петровны) Васильевой, члена Российского межрегионального союза писателей, действительного члена и профессора Академии русской словесности и изящных искусств им. Г. Р. Державина, воспроизведены по следующему источнику: *Заседание № 230 секции поэзии РМСП в концертном зале мемориального музея-квартиры Н. А. Римского-Корсакова 14 марта 2012 года*. Сергей Новиков. Ирина Ковшешная [Электронный ресурс]. [СПб., 2012]. 1 электрон. опт. диск (DVD).

⁶ Жуковский, В. А. Стихотворения. – Л., 1956. – (Библиотека поэта) – С. 235.

**Александр
ДЕМЧЕНКО**

МЕЖДУ САРАТОВОМ И САМАРОЙ

П. Корин «А. Н. Толстой»
(1940)

Как известно, в русской литературе представлена триада авторов с фамилией Толстой, и их творчество составило последовательную эволюционную линию от середины XIX к середине XX столетия.

Алексей Константинович Толстой – середина и вторая половина XIX века (1817–1875): стихотворения, баллады, поэма «Иоанн Дамаскин» и драматическая трилогия «Смерть Иоанна Грозного», «Царь Фёдор Иоаннович», «Царь Борис».

Лев Николаевич Толстой – вторая половина XIX и рубеж XX века (1828–1910): автобиографическая трилогия «Детство», «Отрочество», «Юность», повести «Казачьи», «Крейцера соната», «Смерть Ивана Ильича», «Отец Сергей», «Хаджи-Мурат», романы «Война и мир», «Анна Каренина», «Воскресение», драмы «Живой труп», «Власть тьмы».

Алексей Николаевич Толстой – первая половина XX века (1883–1945): прозаический цикл «Заволжье», романы «Хромой барин», «Аэлита», «Похождения Невзорова», «Гиперболоид инженера Гарина», «Пётр Первый», трилогия романов «Хождение по мукам», драматическая диалогия «Иван Грозный». И, как можно заметить, по облику своему это был человек уже другой формации, входящей в историческое измерение XX века.

Обратимся к творчеству третьего из этих выдающихся литераторов-однофамильцев. Итак, *Алексей Николаевич Толстой*,

-
- Александр Иванович Демченко – доктор искусствоведения, профессор Саратовской государственной консерватории имени Л. В. Собинова и Саратовского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского, главный научный сотрудник и руководитель организованного им Центра комплексных художественных исследований, действительный член (академик) Российской и Европейской академий естествознания, заслуженный деятель искусств России, обладатель Золотой медали В. И. Вернадского за успехи в развитии отечественной науки и почётного звания «Основатель научной школы», главный редактор журнала «Манускрипт» и член редакционной коллегии ряда российских и зарубежных журналов, лауреат премии имени Д. Д. Шостаковича и Международной премии имени Николая Рёриха, почётный гражданин города Саратова.

который унаследовал от отца титул графа и склонность к широкому образу жизни, сумев удержать свою «барственность» даже в советские времена.

Как уроженца, его «делят» между собой две соседние губернии. Он родился в городе Николаевске (ныне Пугачёв Саратовской области), где прошло его младенчество, но вскоре семья перебралась на степной хутор Сосновка близ Самары, и там он провёл счастливое деревенское детство.

Впечатления той поры три десятилетия спустя нашли своё место в автобиографической повести «Детство Никиты», которую по достоинству ставят в один ряд с такими произведениями русской литературы, как «Детские годы Багрова внука» С. Аксакова, «Детство» и «Отрочество» Л. Толстого, автобиографические повести В. Короленко и М. Горького. В отношении подчеркнута светлого и гармоничного восприятия мальчиком окружающей его жизни симптоматично первоначальное заглавие – «Повесть о многих превосходных вещах».

Касательно Саратова присоединим тот факт, что, по некоторым сведениям, Толстой учился здесь в 1-й мужской классической гимназии. И по-своему примечателен следующий факт: героем своего рассказа «Русский характер» (1944), которым завершается шестичастный военный цикл «Рассказы Ивана Сударева» и который получил наиболее сильный читательский отклик, он делает парня из приволжского села Саратовской области. Через его облик, облик его отца, матери и невесты с удивительной проникновенностью говорится о настоящих русских людях. Итог повествования подводится с предельным лаконизмом:

«Да, вот они, русские характеры! Кажется, прост человек, а придёт суровая беда, в большом или малом, и поднимается в нём великая сила – человеческая красота».

Первое десятилетие творчества А.Н. Толстого – это условно 1910-е годы. Начав печататься стихами с 1905-го и прозой с 1908-го, он вошёл в литературу серией повестей и рассказов так называемого заволжского цикла (1909–1911), что нашло продолжение в двух небольших романах «Чудаки» (1911) и «Хромой барин» (1912), а также в повести «Приключения Растёгина» (1913) и в ряде последующих вещей типа рассказа «Четыре века» (1914).

Сквозь пелену чудачеств и экстравагантных происшествий их персонажей высвечивалась мысль об окончательно отмирающей усадебной России, существование которой превращалось в смехотворный анекдот, дурашливый фарс. О запустении угасающих дворянских гнёзд в повести «Петушок» (1909) констатируется: *«Все вымерли, унеся с собой в сырую землю веселье, богатство и несбывшиеся мечты».* М. Горький уже в 1910 году отметил в нём писателя *«крупного, сильного, с жёсткой правдивостью изображающего разложение современного дворянства».*

Хиреет, выветривается помещичья порода, и параллельно тому Толстой показывает, как простонародье начинает поднимать голову. Оно теперь нередко и хитрее, и сильнее барина. Прежняя узда уже не держит его, и законов оно не чтит, выходя из повиновения.

Впервые со всей отчётливостью крушение прежних порядков писатель обрисовал в рассказе «Архип» (1909), где, увидев беспомощность своего молодого хозяина, мужик может позволить в его адрес грубый окрик: *«Щенок!»*. А уж миром встать, чтобы спалить господскую усадьбу за грешки какие – это сам Бог велел. И в ряде последующих рассказов («Сватовство»

(1910), «Прогулка» (1911) Толстой повествует, как осмелел простой люд. Грабит и бьёт, доходя порой до смертоубийства тех, кто формально ещё числится власть имущими.

Хуже того, отмечается, как в глубинах низовой среды прорастает нечто замутнённое, тёмное, устрашающее. В том же рассказе «Архип» говорится о тех, что *«на всё способны, в них бес сидит»*. Переполюют их злоба, слепая ненависть. Кто-то чинит ужасающий самосуд, кто-то со смехом убивает барина своего, в сущности, ни в чём неповинного. Матёрый казак толкует: *«У нас в степи законы не писаны, колодцы глубокие – бросил туда человека, землицей засыпал, и пропал человек»*.

Угрюмая натура с тяжёлой рукой – это ещё что. А то ведь глянет из человека и зверь настоящий – *«мужик косматый, кололатый, глаза волчьи, налитые кровью»*. И повадки звериные, на что одна помещица замечает: *«Мужик обращается в первобытное состояние»*.

Таковы нелицеприятные грани иного уклада, зреющего в недрах народной России начала XX века. Но наряду с тем и всё очевиднее с середины 1910-х годов писатель с воодушевлением начинает говорить о поколении новых людей, которые стремились сбросить с себя оболочку прежнего существования, вырваться из оков обыденности, открыть для себя горизонты большой, незаурядной жизни – и если не сейчас же, то хотя бы в грядущем. Эти люди в своих исканиях несли заряд явственно современного мироощущения, и столь же явственным становился у Толстого новый стиль литературного письма (рассказы «Буря», «Для чего идёт снег», «Под водой» (все – 1915), «Миссис Бризли» (1916).

К той же середине 1910-х годов в творчестве писателя вызревает один из самых сокровенных мотивов: для обновляющейся человеческой природы высшим притяжением жизни становится любовь (рассказ «Овражки» (1913), повесть «Большие неприятности» (1914), незаконченный роман «Егор Абов» (1915).

Герой рассказа с программным заголовком «Любовь» (1916) встречает женщину, которую он чувствует глубоко родной себе, как и она его. Огромное, всеохватывающее чувство, счастье обретения близкого себе человека побуждает пойти на разрыв с привычным, весьма благополучным укладом существования.

«– Жизнь для меня – это Маша... Всё бывшее со мной – отхлынуло, все связи порвались, как паутина... Мне тридцать семь лет. У меня два ордена и чин, собственный дом, жена и служба – всё полетело к чёрту. Вот – вторая жизнь, а та кончена... Вы поймите: взяли человека, вывели из затхлой комнаты и встряхнули – живи сызнова... Вдруг оказалось, что только и нужно мне на свете хоть ещё раз увидеть Машу... Всё было лишним, вся жизнь!»

Второе десятилетие творчества Алексея Николаевича Толстого определим как 1920-е годы, хотя сразу же заметим: к этому следует присоединить этап кардинального слома исторической действительности конца 1910-х, а также тот факт, что темы, поднятые в это время, писатель продолжил разрабатывать и позднее – явь революционной России в романе «Хмурое утро» (1939–1941), завершившем трилогию «Хождение по мукам», судьбы эмиграции в романе «Чёрное золото» (1931, 2-я редакция под названием «Эмигранты» – 1938), зловещая тень тоталитаризма в романе «Гиперболоид инженера Гари-

на» (написанный в 1926–1927, он подвергся переработке в 1937-м с включением новых глав).

Исходным пунктом данного периода стали годы, проведённые Толстым в эмиграции (1918–1923, в основном Париж, а затем Берлин). Её «польза» состояла не только в том, что тогда были написаны повесть «Детство Никиты» (1920–1922) и роман «Сёстры» (1919–1921), но и в возможности трезвого осмысления «изнутри» жизни тех, кто покинул Отечество. Наиболее основательно это было сделано в повести «Похождения Невзорова, или Ибикус» (1924) и в только что упомянутом романе «Чёрное золото» («Эмигранты»).

Если в повести критический заряд автора вылился в сатирический памфлет на пройдоху-обывателя, то роман стал развёрнутым, объективным художественным исследованием того, что происходило вокруг Советской России 1919 года. Оно не только достоверно, но и документально в своей основе, поскольку, кроме трёх женских фигур и полковника Налымова, остальные из основных персонажей – реальные исторические лица. И приходится только поражаться цепкой наблюдательности и «всезнанию» писателя.

Захватывающая детективная интрига романа построена на отслеживании сложнейших политических хитросплетений, которые раскручивает преступник, прикрывающийся личиной «русского патриота» и задумавший авантюру с целью выпотрошить казну ряда государств и частных компаний. С фактами в руках и с беспощадной правдивостью автор изобличает махинации как проходимцев разного калибра, так и государственных мужей самого высокого ранга.

У всех них на уме только одно: деньги, нажива, обогащение за счёт других. «Чёрное золото» – это и нефть Кавказа, на которую хотели бы «наложить лапу» воротилы Запада, это и метафора грязных денег, добываемых грязной политикой и грязным жульничеством. В эту же грязь втянуты и люди из среды русских эмигрантов, опускающихся всё ниже (предел падения – княгиня, ставшая проституткой).

Правдив Толстой и в обрисовке большевизма времён Гражданской войны. Отнюдь не идеализируя его, он стремится показать историческую перспективность нарождавшегося политического режима и всемерно подчёркивает мысль: если Запад более всего озабочен благополучием и комфортом, то нищая и голодная Россия – идеей об ином устройстве жизни. И только благодаря силе этой идеи стране удаётся защитить себя от притязаний интервенции.

Та же мысль о духовном противостоянии России и Запада зримо и незримо пронизывает возникший в 1920-е годы целый массив произведений научной фантастики: повесть «Союз пяти» и пьеса «Бунт машин» (обе 1924), романы «Аэлита» (1922–1923) и «Гиперболоид инженера Гарина» (1926–1927).

Первый из них непосредственно соотносится с происходившим в только что рождённой «стране Советов», которая многими тогда начинала восприниматься как страна невиданных дерзаний и поразительных перспектив. Отсюда спокойствие и уверенность прогнозов совершенно немыслимого в ту пору выхода в космос и полёта на иную планету. Страну эту представляют в романе Лось как русская интеллигенция, продолжающая свой путь в новых условиях, и Гусев – как вырвавшаяся на поверхность жизни почвенная, народная стихия с её страстью крушить и стремлением переделать мир на революционный лад.

Третье лицо – инопланетянка, всезнающая Аэлита, и через её рассказ о далёком прошлом Земли (легенда об Атлантиде) проводится мысль о зако-

номерности исторического процесса: любая цивилизация проходит фазы зарождения, расцвета и угасания, когда её сметает приход варваров, чтобы на руинах воздвигнуть новую цивилизацию. И опять-таки мысль эта проводится, подразумеваемая происходившее в нашей стране в начале XX века.

Поразительно, что всю космогонию «Аэлиты» пронизывает излюбленный лейтмотив творчества Толстого: единственная непреходящая ценность существования – любовь, родство и близость человеческих душ. Сквозь весь фантастический антураж сплошь социализированного мира трепетно и страстно пробивается мысль о желанности высокого, всепоглощающего лирического чувства. Мстислав Сергеевич Лось, этот удивительный изобретатель космической ракеты, более всего в глубинах своего «я» печалится о несчастьях, постигших его в любви.

Вначале то была земная девушка Катя, которая так рано ушла из жизни. И Лось вспоминает, что в той короткой любви была и его вина, ведь до поры до времени он считал это не столь существенным. А потом он часто припоминал своё непростительное заблуждение.

«Катюша сидит в траве на пригорке. Коришны плавают в летнем зное над хлебами, над гречихами. Катюше лениво и жарко. Лось, сидя рядом, кусая травинку, поглядывает на русую голову Катюши, на загорелое плечо со светлой полоской кожи между загаром и платьем. Катюшины чёрные глаза – равнодушные и прекрасные – в них тоже плавают коришны. Катя восемнадцать лет. Лось думает: «Нет, милая моя, есть у меня дело поважнее, чем вот, на этом пригорке, влюбиться в вас».

Ах, Боже мой! Как неразумно были упущены эти летние, горячие дни. Остановить бы время тогда! Не вернуть! Не вернуть!..»

И перед отлётом на Марс он, к всеобщему недоумению, вдруг заговорил о том, чего в первую очередь он ждёт от далёкой планеты.

«– Что я найду там? – Забвение самого себя... Нет, товарищи, я – не гениальный строитель, не смельчак, не мечтатель, я – трус, я – беглец...»

А затем была марсианка Аэлита. В ней просыпается любовь к землянину, и чувство это открывается для неё как то, «что выше разума, выше знания, выше мудрости». Повествование завершается мольбой о любви и нетленной верой в неё. Лось, вернувшись на Землю, большей частью сознания остаётся на Марсе, возле возлюбленной Аэлиты, и однажды по радиоволнам слышит её далёкий голос, и это последние слова романа.

«Голос Аэлиты, любви, вечности, голос тоски, летит по всей вселенной, зовя, призывая, клича – где ты, где ты, любовь!..»

«Гиперболоид инженера Гарина» имел для себя некоторые реальные основания: Толстому была известна действительная история постройки такого гиперболоида – изобретатель, сделавший это открытие, погиб в Сибири в 1918 году. Как и в «Чёрном золоте» («Эмигранты»), повествование здесь подаётся в форме детективного расследования, так что в сочетании с головоломной приключенческой фантастикой складывается на редкость динамичный, остро сюжетный роман. Его социально-политической осью становится стремление основных персонажей добиться сверхвласти. Их трое, и у каждого это стремление реализуется в своём варианте.

Пётр Гарин, как главная пружина происходящего, добивается власти над людьми путём открытого физического насилия, используя гиперболоид как оружие невиданной разрушительной мощи. То, к чему стремится этот при-

рождённый космополит («Русским я себя не считаю»), формулируется им очень просто: *«Единственная вещь на свете, которую я хочу всеми печёнками – это власть... Не какая-нибудь королевская, императорская – мелко, пошло, скучно. Нет, власть абсолютная».*

В исключительности его притязаний таится то, что притягивает к нему многих даровитых людей. Один из них признаётся: *«Вы страшно талантливы, страшно смелы... Вы спросили – готов ли я на всё, чтобы работать с вами... Какой же может быть разговор? Без вас – будничная работа, будни до конца жизни. С вами – праздник или гибель!»*

Умея внушить симпатию к себе даже у врагов, Гарин с помощью своего смертоносного аппарата и добытого золота шаг за шагом устанавливает личную диктатуру в Америке и рвётся к неограниченной власти над всем миром. Глобальное господство нужно ему, чтобы претворить «дерзновенную» программу-мечту.

«Я овладеваю всей полнотой власти на земле. Ни одна труба не задымит без моего приказа, ни один корабль не выйдет из гавани, ни один молоток не стукнет. Всё подчинено центру – вплоть до права дышать. В центре – я. Мне принадлежит всё. Затем я отбираю «первую тысячу» – скажем, это будет что-нибудь около двух-трёх миллионов нар. Это патриции. Они предаются высшим наслаждениям и творчеству. Для них мы установим, по примеру Древней Спарты, особый режим, чтобы они не вырождались в алкоголиков и импотентов...»

Далее Гарин толкует об обслуживающей всё и вся трудовой массе, путём медицинского вмешательства превращённой в послушных рабов. И ещё одна каста будет существовать *«исключительно для размножения»*. Всех остальных *«придётся убрать за ненадобностью»*.

Надо признать, что в конкретных действиях главного героя писатель пророчески предугадывает контуры будущего тоталитаризма. Так, для достижения своих целей Гарин вступает в сговор с воротилами бизнеса. Став диктатором, он ведёт себя с мировым сообществом нагло и вызывающе. Создаёт политический механизм с секретной полицией, отделами пропаганды, провокациями и т.д. Одна из задач Гарина и иже с ним – обуздать всяческое сопротивление: *«Для начала мы построим громадные концлагерные лагеря. Всех недовольных нашим режимом – за проволоку. Затем проведём закон о мозговой кастрации».*

Его ближайший подручный – финансовый магнат Роллинг, который осуществляет порабощение человечества экономическим путём, посредством монополистического захвата. Ему не откажешь в силе, властности, умении работать, но Толстой не скупится на краски, чтобы вызвать к нему отвращение: *«кривоногий, похожий на краба... выпячивая челюсть... рот его с золотыми зубами раздвинулся, как у акулы... В Париже его называли «американским буйволом»... животное, вся задача которого переть вперёд, бодать, топтать... Люди, знавшие его, утверждали, что он никогда в жизни не смеялся».*

Это, по характеристике старого француза, «заморское чудовище» олицетворяет деловую Америку, в которой практически всё измеряется в долларах и заиклено на обогащении («Волосатые пальцы их плели из воздуха деньги, деньги, деньги») и которая распускает свою паутину повсюду, стремясь прибрать к рукам Европу, «по дешёвке скупить весь добрый, старый мир». Одна из идей Роллинга: *«Мы превратим страны, умеющие работать, в одну могучую фабрику – не умеющие работать вымрут естественным порядком, в этом мы им поможем».*

Фоном к его фигуре становится не без привкуса брезгливости набрасываемая писателем картина жизни капиталистического Запада. Допустим, фиксируется очередной приступ деловой лихорадки.

«Биржа тряслась до основания. Между серых колонн её, у чёрных досок, где истерические руки писали, стирали, писали меловые цифры падающих бумаг, мотались, орали обезумевшие люди с глазами, готовыми лопнуть, с губами в коричневой пене».

Или ироничный пассаж на предмет уже сформировавшегося общества потребления.

«Нет, у Древнего Рима и у Возрождения был дурной вкус. Довольствовались разведённым вином, неторопливо целовались с пышными и добродетельными женщинами, гордились мускулами и храбростью... Они не знали, что такое делать двести километров в час на гоночной машине. Или при помощи автомобилей, аэропланов, электричества, телефонов, радио, лифтов, модных портных и чековой книжки (в пятнадцать минут по чеку вы получаете золота столько, сколько не стоил весь Древний Рим) выдавливать из каждой минуты жизни до последней капли все наслаждения».

Третье из основных лиц романа – Зоя Монроз. Писатель невольно любит её. И даже расследующий махинации Зои большевистский эмиссар отдаёт ей должное: *«Вот женщина!... А до чего красива!.. Бесовка, какой ещё не видел свет».* Это тип женщины-хищницы начала XX века, которая не хочет удовлетворяться ролью приправы к жизни мужчин. Умная, цепкая, расчётливая, в высшей степени незаурядная, она делает свою карьеру *«с огромным знанием дела».* И когда возникает необходимость, она вдохновенно пиратствует, жёстко и неумолимо вытряхивая из океанских лайнеров все ценности.

Главное её оружие – неотразимые женские прелести, умение покорять сердца. Зоя легко располагает к себе людей и подчиняет их. Одному из своих поклонников она повелевает: *«Вы будете орудием моей воли»*, и тот беспрекословно принимает это условие. Зоя сумела пробудить чувство даже в железном, циничном, ледяном Роллинге. И когда она его бросила, он горько плакал и чувствовал себя вышвырнутым *«в ночную слякоть... Какие уж там мировые концерны – тоска, тоска голого, маленького, жалкого человека».*

Именно в ней Гарин нашёл достойную себя подругу, которая способна придать его сверхвласти озарение, светящийся ореол сказки. А у Зои после сближения с ним *«закружилась голова от сумасшедшей мечты».* Теперь ей *«наяву и во сне чудились какие-то дивные острова, мраморные дворцы, уходящие лестницами к облакам, праздники, карнавалы... Я ограблю все музеи Европы. Я соберу всё, что было создано человечеством... Величайшим счастьем для смертного будет получить приглашение на Золотой остров и увидеть ослепительное лицо повелительницы этого фантастического мира».*

Когда героини романа вплотную приближаются к достижению конечной цели, их постигает горькое разочарование.словно бы иллюстрируется расхожая мысль социал-демократа Э. Бернштейна *«Движение – всё, цель – ничто»*, о чём Зоя говорит на свой лад: *«Иногда мне начинает казаться, что счастье – только в погоне за счастьем».* Особенно остро это выражено у главного зачинщика столь грандиозной затеи. Свой невероятный успех в письме к Зое он расценивает так: *«Друг мой, только вы одна в состоянии понять, какого я сыграл дурака».*

Поддерживать и раздувать свой имидж властелина мира, носить маску великого человека, принимать участие в пустопорожней мишуре официозных ритуалов – всё это рождает ощущение маразма, идиотии, к чему присоединяется осознание дутой фальши, окружающей его (*«На улице автомобиль дик-*

татора приветствовали криками. Но присмотреться – кричали всё какие-то рослые ребята, похожие на переодетых полицейских»). Всяческие титулы и подношения вызывают у него раздражение.

«Он с удовольствием плюнул бы на эти жирные лысины и уважаемые плечи... Однако он понимал, что не плюнет, но сейчас встанет и поблагодарит. «Подождите, сволочи, – думал он, стоя перед аплодирующим ему амфитеатром, – поднесу я вам проект о чистоте расового отбора и первой тысяче...» Но и сам чувствовал, что опутан по рукам и ногам и ничего такого решительного не поднесёт».

Так что крах безумной идеи приходит как спасение. Сама природа противится планам Гарина и Зои вначале бурей над Золотым островом, затем океанским ураганом, который выбрасывает их на необитаемый коралловый островок, где они смогут дотянуть свой век как первобытные люди. Проставляя такую финальную точку, писатель незримым подтекстом утверждает: непомерность притязаний, любая гигантомания, всякое «сверх» и «гипер» неизбежно заканчиваются крушением...

Если «Аэлита» в определённом смысле утопия, то «Гиперболоид инженера Гарина» – антиутопия. Но их объединяет трактовка жанра: в обоих случаях к «номинации» *научная фантастика* следует добавить прилагательное *социальная*, поскольку здесь самым широким образом включалось обсуждение острых политических вопросов, имевших прямое отношение к современности той поры. Открывая классику советской научной фантастики, эти романы предопределили её дальнейшее развитие именно в подобном ключе.

Одна из мотиваций для написания рассмотренных произведений состояла в художественном раскрытии тех небывалых технических возможностей, которые открывались в начале XX века. При всей захватывающей фантазии этих текстов Толстой, как выпускник Петербургского технологического института, имел достаточные основания утверждать: «*Все астрономические и физические данные вполне отвечают действительности*» (примечание к повести «Союз пяти», которая тематически перекликается с романом «Гиперболоид инженера Гарина»). Его научные прогнозы оказались весьма прозорливыми: межпланетные полёты, улавливание сигналов из космоса, «парашютный тормоз», лазер, деление атомного ядра и т.д.

1920-е годы, с учётом упоминавшегося выше завершения в следующем десятилетии ряда произведений, с точки зрения творческой активности были для Толстого наиболее плодотворными. К данному периоду в своей основе относится и, несомненно, его центральное создание – трилогия романов «Хождение по мукам». Она создавалась с перерывами почти четверть века: «Сёстры» (1919–1921, 2-я редакция – 1925), «Восемнадцатый год» (сбор материалов начал в 1925-м, написание – 1927–1928), «Хмурое утро» (1939–1941, но этому предшествовала ещё более основательная работа по сбору исторического материала), после чего до 1943 года осуществлялась окончательная доработка текста, когда основной целью было стремление добиться единства стиля изложения.

«Книга первая. Сёстры» посвящена жизни России последних дооктябрьских лет, начиная с совершенно определённого указания на исходный момент описания: «*Таков был Петербург в 1914 году*». На взгляд Толстого, который был очевидцем и участником происходящего в то время, в стране царил бешеная, но внутренне нездоровая активность.

«С невероятной быстротой создавались грандиозные предприятия. Возникали, как из воздуха, миллионные состояния. Из хрусталя и цемента строились банки, мюзик-холлы, скетинги, великолепные кабаки. <...> Спешно открывались игорные клубы, дома свиданий, театры, кинематографы, лунные парки... В городе была эпидемия самоубийств. Залы суда наполнялись толпами истерических женщин, жадно внимающих кривавым и возбуждающим процессам. Разврат проникал всюду, им был, как заразой, поражён царский дворец».

Ту же нездоровую, лихорадочную атмосферу отмечает писатель и в жизни интеллигенции тех лет с её декадентством и шумным футуристическим эпатажем, когда естественные чувства *«считались пошлостью и пережитком, а неврастения – признаком утончённости»*. Но и в души тех, в ком теплились здоровые начала (их Толстой и делает главными героями книги), вкрадывались смятение, ощущение беспомощности. Это состояние обострялось в обстановке развала жизни в ходе Первой мировой войны и когда нарастало угрожающее дыхание надвигающейся революции. Предчувствуя неизбежность крушения старого миропорядка, они с тревогой вглядываются в грядущий хаос и разрушение всего и вся.

Социум в этом романе прорисован очень широко, но именно прорисован и идёт контрапунктом к главному – истории большой любви. Сквозь сумятицу событий настойчиво пробивается мысль о ней не только как высшем, самом драгоценном даре жизни, но и как её спасительности среди разваливающегося мира.

«Уютный, старый, может быть, слишком тесный, но дивный храм жизни содрогнулся и затрепал от ударов войны, заколебались колонны, во всю ширину треснул купол, посыпались старые камни, и вот среди летящего праха и грохота рушащегося храма два человека, Иван Ильич и Даша, в радостном безумии любви, наперекор всему, пожелали быть счастливыми».

Превосходно и во всех подробностях передано постепенное движение этого чувства от смутных, затаённых эмоций к его осознанию и всепоглощающей полноте. Телегин рассуждает о нём так:

«– Даша, если бы мне подарили всё, что есть, всю землю, мне бы от этого не стало лучше – ты понимаешь? Если я один, на что я сам себе, правда ведь?.. Есть, ходить, спать – для чего? Для чего эти руки, ноги?.. Что из того, что я, скажем, был бы сказочно богат... Ты представляешь, какая тоска быть одному? Но сейчас, когда ты сидишь вот так... Сейчас меня больше нет... Я чувствую только – это ты, это счастье. Ты – это всё».

Параллельно Даше с Телегиным близкую историю проживают Катя с Роциным. Примечательна страница их окончательного сближения. Только что похоронившей нелюбимого мужа, Кате казалось: жизнь кончена. Но вот появляется Вадим Петрович, узнавший обо всём, и предлагает располагать им, всей его жизнью (в приводимом ниже отрывке фразы *«с жалким пузырьком морфия»* означает то, что Катя хотела отравиться).

«Чутьём женщины Катя поняла вдруг: она, несчастная, маленькая, грешная, неумелая, со всеми своими невыплаканными слезами, с жалким пузырьком морфия, стала нужна и дорога этому человеку, молча и сурово ждущему – принять её душу в свою».

В финале книги Роцин произносит знаменательные, ключевые для её концепции слова, утверждающие значимость любви как единственно надёжного, прочного и вечного в человеческом существовании:

«Пройдут года, утихнут войны, отшумят революции, и нетленным останется только одно – кроткое, нежное, любимое сердце ваше».

Если в «Сёстрах» во главу угла положена история личной жизни главных героев, то «Книга вторая. Восемнадцатый год» отодвигает их судьбы на второй план. Они становятся скорее связующей нитью к предыдущему роману и свидетельством того, какая происходила жестокая ломка этих судеб. Стало ясно, что прежнее рухнуло безвозвратно, всё определяет громада всеобщего потока, и вот теперь началось настоящее *«хождение по мукам»*.

Эту эволюцию повествования образно описал К. Федин: *«В первый роман вступали сначала негромкие, потом ясно различимые, настойчивые, тяжкие и, наконец, всё подавляющие шаги истории. Приступая ко второму тому трилогии, Толстой уже впустил во все двери и окна бурю истории, и она забушевала, завертев, как песчинки, маленькие, милые и отчаянные судьбы героев».*

Автор разворачивает чрезвычайно широкую панораму событий, прокатывавшихся по всей России первого послеоктябрьского года. Разворачивает с такой степенью убедительности, что создаётся впечатление, будто он сам был живым свидетелем всего этого. Секрет же, помимо большого писательского дара, состоял в следующем: Толстой перед созданием книги собирал статьи о Гражданской войне, выписки из газет того времени, стенографические записи воспоминаний участников боёв, мемуары генералов Белой гвардии, многократно ездил по тем местам, где происходили описываемые им события.

Об отличии от предыдущего романа, сам писатель говорил: *«Это был предельный историзм. Я первый раз начал писать исторический роман»*, подразумевая тщательную опору на огромный фактический материал. Хроникальный элемент был и в «Сёстрах», но теперь он становится определяющим, что делает «Восемнадцатый год» документальной летописью с охватом всех основных событий и главных исторических фигур.

Здесь с поразительной ясностью передана невероятная неразбериха, творившаяся в стране того времени. Передана она очень объективно, с показом того, как у разных социальных слоёв и просто у разных людей были разные правды, и они насмерть бились каждый за свою правду. В разломе всего и вся, в смертоносном разгуле страстей стержени в ненасытной ярости красные и белые, так называемые зелёные и махновцы.

Толстой даёт колоритные портреты людей, поднявшихся на поверхность в мутной воде безумств Гражданской войны. Вот трагический актёр Мамонт Дальский.

«Это был человек дикого темперамента, красавец, игрок, расчётливый безумец, опасный, величественный и хитрый. Когда началась революция, он почувствовал гигантскую трагическую сцену и захотел сыграть в ней главную роль в новых «Братьях-разбойниках». Со всей убедительностью гениального актёра он заговорил о священной анархии и абсолютной свободе, об условности моральных принципов и праве каждого на всё. Он сеял по Москве возбуждение в умах. Когда отдельные группы молодёжи, усиленные уголовными личностями, начали реквизировать особняки, он объединил эти разрозненные группы анархистов, силой захватил Купеческий клуб и объявил его Домом анархии».

– Мы ломаем сверху донизу всё... Мы сожжём все книги, разрушим музеи... Нужно, чтобы человек забыл тысячелетия... Свобода в одном: священная анархия... Великий фейерверк страстей...»

Ещё один портрет: Сорокин, которого назначили главнокомандующим всеми красными силами Северного Кавказа, а позже расстреляли за дик-

татарские склонности. И вот каким он предстаёт в горячем азарте перед боем.

«Всюду видели его чёрное от пота и пыли лицо, оскаленные зубы. Он переменял уже третьего коня, осматривал расположение батарей, окопы, выскакивал в степь к секретам, уносился к подвезжавшим и разгружавшимся обозам со снарядами, взмахом нагайки подзывал командиров и, перегибаясь к ним с седла, горячий и страшный, с бешеными глазами, выслушивал рапорты. Он, будто дирижёр гигантского оркестра, натягивал нити музыки начинающейся битвы».

Итак, «Сёстры» и «Восемнадцатый год» – это по своим смысловым акцентам два разнонаправленных вектора. «Книга третья. Хмурое утро», завершая эпопею о Гражданской войне, приводит их к синтезу: личное счастье главных героев органично соединяется с происходящим вокруг них и становится невыносимым вне судеб Отечества.

Уже в предыдущем романе можно было почувствовать, как в соотношении бунтарски-стихийного и дисциплинирующе-организующего начал верх постепенно одерживает второе. Теперь оно становится безусловно доминирующим, что исторически соответствовало последним страницам Гражданской войны. Более того, ощутимо намечаются созидательные потенции утвердившегося нового мира.

При всём том отнюдь не вуалируется продолжающееся *«хождение по мукам»*. Но, в конечном счёте, суть этой книги обращена к мысли о поразительной неистощимости и неуничтожимости жизни, о её способности возрождаться даже на сплошном пепелище. Телегин говорит об этом своим бойцам в характере притчи.

«Или вот пример: проросшее зерно своим ростком – уж, кажется, оно и зелен, и хрупок – пробивает чёрную землю, пробивает камень. В проросшем семени вся мощь новой жизни, и она будет, её не остановишь».

Об этом Иван говорит, памятуя судьбу сестёр. Даша и Катя, два донельзя слабых создания, неприспособленные к борьбе за существование, каждый раз находят в себе силы, чтобы вновь и вновь подняться к жизни.

В подобной оптимистической настроенности ощутима печать времени создания третьего романа, когда жизнь страны обрела стабильность и относительное благополучие (ходовой стала фраза вождя: *«Жить стало лучше, жить стало веселее»*). Но сказалось в психологическом строе текста и то, что горизонты бытия уже омрачались тогда угрозой новых больших испытаний. Последние строки книги были дописаны 22 июня 1941 года – не отсюда ли название *«Хмурое утро»*?

Ключом к содержанию всей трилогии можно считать эпиграф к её второй части: *«В трёх водах топлено, в трёх кровях купано, в трёх щёлоках варено»*. И главным героям, и всей стране пришлось пройти через это, чтобы вновь и вновь утвердить идею своей национальной несокрушимости.

А в эпопее Толстого охвачена вся Россия бурного времени преддверия Первой мировой войны, самой этой войны, революций 1917 года и Гражданской войны. Охвачены все слои и группы общества – через индивидуальные и массовые портреты, через документализм и свободный художественный домysel. Взять хотя бы перечень реальных исторических фигур, которые действуют в последней книге (перечисление сделано по ходу их появления в тексте):

- Ленин, Сталин, Корнилов, Деникин, Колчак;
- белые генералы Марков, Эрдели, Романовский, Кутепов, Дроздовский, Тимановский, Покровский;

- красные военкомы Автономов, Сорокин, Кожух, Жлоба;
- Махно, Савинков, Мамонт Дальский, командующий армией белочехов Чечек;
- казацкие атаманы Каледин, Краснов, Дутов.

Мастерство писателя особенно ощутимо в том, как цепко он выхватывает ключевые моменты исторической канвы и бросает главных героев в самую гущу событий и в среду наиболее значительных фигур. В судьбе этих героев концентрируются искания русской интеллигенции в потоке кардинально меняющегося времени, и именно их имел в виду автор, когда говорил, что его книга о *«потерянной и возвращённой Родине»*.

Ещё одним звеном в литературной летописи Гражданской войны стала написанная Толстым в 1937 году повесть «Хлеб» (по объёму и по охвату событий и лиц это полнометражный роман). Её обычно ставят «в скобки» ввиду того, что создавалась она по заказу властей и в согласии с теми представлениями о Гражданской войне, которые бытовали в кругу Сталина и его соратников. И, по сути, центральной фигурой повествования оказывается именно Сталин – мудрый, твёрдый, спокойный, внушающий уважение и большую симпатию.

Кроме того, обращает на себя внимание, как смело и много говорит автор устами Ленина, Сталина, Ворошилова, многообразно показывая их в различных ситуациях. А ведь Сталин и Ворошилов в годы создания и издания повести были живы и при всей полноте власти, так что нельзя не оценить высокого литературного мастерства писателя и его способности к убедительной речевой характеристике.

Во всей видимости, по возвращении из эмиграции он искренне верил в историческую правоту большевизма и Октябрьской революции. Подтверждением тому может служить повесть «Гадюка» (1928), где он заведомо принижает белых и возвышает красных, причём без малейшей идеализации, очень убедительно.

Героиню повести Ольгу Зотову, бывшую гимназистку и купеческую дочку, в стан красных привела в том числе и жестокость белых. Когда по ложному доносу она оказалась в их тюрьме, при ней уводили пытаться человека.

«Раздались удары, будто выколачивали ковёр, а не человека... Он молчал... Удар, снова удар... И вдруг что-то замычало... «Ага! Заговоришь!..» И уже не мычанье – больной вой наполнил всю тюрьму... Эта ночь, когда человек мучил человека, закрыла тьмой всю её робкую надежду на справедливость».

Натерпевшись от белых и полюбив красного командира, Ольга стремительно мужает.

«В слабой девочке таились железные силы, непонятно откуда что бралось. За месяц обучения на плацу, в конном и пешем строю, она вытянулась как струна... Худые руки её научились ловко и чутко управлять конём. Ноги, казалось, пригодные только к буржуазным танцам да к шёлковым юбкам, развились и окрепли... как клещ сидела в седле, как овечка ходил под ней конь. Обучилась владеть и клинком».

Полюбившийся ей лихой рубака Емельянов олицетворял для неё романтику революции. Как и во всём остальном, он умел ярко сказать про размах, с которым Россия ринулась в новую жизнь: *«По всему миру собираем»*.

ся на конях пройти... Кони с цепи сорвались, разве только у океана остановимся». И столь же сочно он мог описать азарт баталии:

«– Конь – это стихия. Конный бой – революционный порыв... Вот у меня – одна шашка в руке, и я врубаюсь в пехотный строй, я лечу на пулемётное гнездо... Можно врагу вытерпеть этот мой вид? Нельзя... И он в панике бежит, я его рублю, и у меня за плечами крылья...»

Ольга была у Емельянова вестовым, нередко приходилось ночь провести с ним на одной постели, но он держался и только перед гибелью признался в своих чувствах к ней, так и не переступив черту – вот ещё один красноречивый штрих в пользу красного командира.

А дальше писатель без околичностей, с жестокой правдивостью оценивает ситуацию второй половины 1920-х годов, когда романтика Гражданской войны уже становилась легендарной и входила в резкое столкновение с расцветающим обывательским нэповским мирком. Мирок этот, о котором Толстой пишет с брезгливостью, не только правит бал, но и превращает бывших героев в «белых ворон», «гадюк», «сумасшедших».

Ольга не выдерживает травли, и так же, как это происходит в аналогичной ситуации предыдущей повести «Голубые города» (1925), фанаты революционной идеи, подобные Ольге, способны пойти на убийство преуспевающих в изменившейся жизни, которая далеко ушла от того, за что ещё недавно боролись и погибали.

Третье десятилетие творчества Алексея Николаевича Толстого отметим как 1930-е годы, с присоединением к этому первой половины 1940-х. Центральным созданием данного периода стал роман «Пётр Первый». Но прежде вкратце о двух других произведениях, всецело относящихся к тому времени.

С начала 1920-х годов начался расцвет советской детской литературы, зачинателями которой выступили В. Маяковский, С. Маршак и К. Чуковский. Несколько позднее их эстафету подхватили А. Гайдар, А. Барто, Б. Житков, В. Бианки, М. Пришвин, С. Михалков, Л. Кассиль и др. Они достаточно широко обращались в том числе к жанру сказки, и именно в этом жанре своё особое место заняла повесть «Золотой ключик, или Приключения Буратино» (1936). Толстой написал её по мотивам прочитанной им в детстве сказки итальянского писателя К. Коллоди «Пиноккио», многое настолько основательно переработав, что о первоисточнике скорее приходится догадываться. Всё здесь чрезвычайно изобретательно и занимательно как по фабуле с массой непредвиденных поворотов, так и по блистательному письму, щедро пересыпанному юмором.

Совершенно иной колорит отличает то, что писатель назвал драматической повестью – «Иван Грозный» (1941–1943) как диалогия больших пьес: «Орёл и орлица» и «Трудные годы». Имея в виду начавшуюся Великую Отечественную войну, побудительный мотив их написания Толстой обозначил так: «Я вызвал из небытия великую, страстную русскую душу – Ивана Грозного, чтобы вооружить свою расsvирепевшую совесть», добавляя, что эта вещь «была моим ответом на унижения, которым немцы подвергли мою Родину».

Поставив своей актуальной целью возвеличить «дивную силу сопротивления русского народа» его врагам, писатель не удержался от невольной идеализации царя и его взаимоотношений с народом. И, похоже, Толстой на стороне первого самодержца, когда тот на смелую реплику одного из бояр: «Самовластия твоего более терпеть не хотим!» – отвечает:

«– Псы! Холопы! Царёнком меня не задушили, теперь – поздно! В руке моей держава русская, сие – власть. Обычай старины, что я – равный вам, забудьте со страхом... Русская земля – моя единая вотчина. Я – царь, и шапка Мономахова на мне – выше облака...»

Главный труд последнего периода, «Пётр Первый», занял у Толстого в общей сложности более полутора десятилетий: книга первая 1929–1930, книга вторая 1933–1934, книга третья 1944–1945 (закончить не успел). Фигура великого царя-реформатора занимала воображение писателя ещё с 1918 года, когда один за другим появились рассказы «День Петра», «Первые террористы», «Наваждение», а затем пьеса «На дыбе» (1928). Непосредственно к роману примыкают два варианта пьесы «Пётр I» (1934 и 1938), а также сценарий к одноимённому фильму, который стал большой удачей отечественного кинематографа (1937–1939, режиссёр В. Петров, в главной роли Н. Симонов).

«Пётр Первый» – исторический роман, но сам автор живо ощущал его связь с современностью, в том числе отмечая созвучие динамизму времени его создания: *«Несмотря на различие целей, эпоха Петра и наша эпоха перекликаются буйством сил, взрывами человеческой энергии и воли»*. Эволюция главного героя к своему державному самоутверждению достаточно прозрачно проецируется на движение страны от смуты и бурелома начала XX века к упорядоченности и твёрдой власти 1930-х годов. Свойственный роману пафос созидания отвечал тому, что ставилось основной целью, начиная с «социалистической реконструкции» рубежа 1930-х. А пронизывающее эпопею Толстого чувство патриотизма вылилось ко времени создания третьей книги в прославление русского оружия.

Достаточно привести на этот счёт эпизод перед взятием Нарвы, когда чужестранный фельдмаршал, составлявший диспозицию штурма, позволил себе сказать, что *«русский солдат – это пока ещё не солдат, а мужик с ружьём. У него ещё нет ни малейшего понятия о порядке и дисциплине. Нужно ещё много обломать палок о его спину, чтобы заставить его повиноваться без рассуждения, как должно солдату»*. Сказав это и взглянув на царя, он ужаснулся.

«Лицо Петра было страшное, шея будто вдвое вытянулась, вздулись свирепые желваки с боков сжатого рта, из расширенных глаз готовы были вырваться фурии.»

– Вот как, вот как, русский солдат – мужик с ружьём! – проговорил он сдавленным горлом. – Плохого не вижу... Русский мужик – умён, смылён, смел... А с ружьём – страшен врагу... За всё сие палкой не бьют! Порядка не знает? Знает он порядок. А когда не знает – не он плох, офицер плох... А когда моего солдата надо палкой бить, так бить его буду я, а ты его бить не будешь...»

Естественно, что личность, давшая имя роману, находится в его центре. Писатель тщательно, во всех подробностях и поэтапно воспроизводит восхождение своего героя. Напомним несколько вех этого восхождения.

Стремительно входя в силу, юный Пётр менее всего заботится о царских приличиях. Добропорядочные бояре не знают, что и думать.

«Отцы и деды нерушимой стеной стояли вокруг царя, оберегали, чтоб пылинки али муха не села на его миропомазанное величие. Без малого как бога живого выводили к народу в редкие дни, блюли византийское древнее великолепие... А этот что же вытворяет? С холопами как холоп, как шпынь ненадобный, бегаёт по доскам, бесстыдник, в вязаном колпаке, в одних немецких портках и грязной рубашке рысью везёт тачку...»

Когда на его суд представили государственное дело, связанное с иноземцами, и понял Пётр, что не по пути ему с замшелой стариной, он смело выговаривает патриарху: *«Святейший отец! Горько, что нет между нами единомыслия... Мы в твоё христианское дело не входим, а ты в наше военное дело входил... Замыслы наши, может быть, великие – а ты их знаешь? Мы моря хотим воевать... Полагаем счастье нашей страны в успехах морской торговли. Сие – благословение Господне... Мне без иноземцев в военном деле никак нельзя... А попробуй тронь их кирхи да костёлы – они все разбегутся... Это что же... Крылья мне подшибаете?»*

Удивились бояре, что Пётр говорил столь мужественно. «Ого, – переглянулись, – вот какой!.. Крутенок!..»

Без прикрас отмечая беспредел буйных разгулов, прорывы бешенства и то, что для осуществления невиданных замыслов молодой царь безжалостно истреблял ресурсы страны и её людей, Толстой, тем не менее, видел своего героя в позитивном ореоле, как могучего деятеля, сумевшего повернуть жизнь России в иное русло, вывести её из состояния отсталости в число великих держав.

Доведя повествование до взятия Нарвы, автор как бы ставит многоточие, с которого начиналась победоносная история обновлённой России Петра Великого, первые большие успехи его преобразований. Именно к тому моменту завершилось и становление личности главного героя.

Рука об руку с этим воссоздаётся в романе и становление реформированной страны. Широко панорамируются любые пласты русской жизни петровского времени во всей её противоречивости. Заодно даётся срез и по иностранцам, начиная с королей Карла и Августа. Всякому лицу и сословию находится место в этой панораме, но в первую очередь автор выделяет тех, кто оказался способен понять исторический вызов Петра и соответствовать размаху его деяний, а через их образы утверждает он лучшее, наиболее деятельное в русской национальной натуре.

Самыми многообразными средствами в романе ярко передан колорит эпохи. Среди этих средств важнейшее – сочный, нередко близкий к народной речи язык, на котором изъясняются персонажи и который доподлинно передаёт их характер. Для примера приведём несколько извлечений из истории вхождения Меншикова в круг Петра.

Сызмальства дошлый, приткий, ловкий, он приговаривает про себя: *«Со мной не пропадёшь»*. Когда удрал из родного дома от отцовских побоев и сумел приткнуться к одному торгашу, стал продавать печево, голося во весь рот и очень складно:

«– Вот пироги подóвые, медовые, полденьги пара, прямо с жара, – звонко кричал Алексаика, поглядывая на прохожих. – Вот налетай, расхватывай! – Видя стоявших кучкой стрельцов, он приговаривал, приплясывая: – Вот, налетай, пироги царские, боярские, в Кремле покупали, да по шею мне дали. Нарышкины ели, животы заболели.

Стрельцы смеялись, расхватывали пирожки».

Уже будучи в юных летах, Алексаика пригласился Петру и стал возле него находиться безотлучно.

«Ловок был, бес, проворен, угадывал мысли: повернётся, кинется и – сделано. Непонятно, когда спал – проведёт ладонью по роже – и как вымытый – весёлый, ясноглазый, смешливый. Ростом почти с Петра, но шире в плечах, тонок в поясе. Куда Пётр, туда и он. Бить ли на барабане, стрелять из мушкета, рубить саблей хворостину – ему нипочём. Начнёт потешать – умора. Пётр от смеха плакал, глядя – ну, прямо, влюблённо на

Алексашку. Поначалу все думали, что быть ему царским шутком. Но он метил выше: всё – шуточки, прибауточки, но иной раз соберутся генералы, инженеры, думают, как сделать то-то или то-то, уставятся в планы, Пётр от нетерпения грызёт заусенцы – Алексашка уже тянется из-за чьего-нибудь плеча и – скороговоркой, чтобы не прогнали:

– Так это же надо вот как делать – проще простого.

– О-о-о-о-о-о! – скажут генералы.

У Петра вспыхнут глаза.

– Верно!»

Это монументальное по складу и многоплановое по композиции произведение сам Толстой по достоинству именовал эпопеей. Мы в свою очередь справедливо считаем «Петра Первого» самым известным образцом жанра исторического романа в русской литературе XIX столетия и относим его к числу высших достижений мирового исторического романа. И, наверное, приходится признать, что многие из нас знают о первом русском императоре более всего из этого романа.

Насколько можно было убедиться, магистральная тема творчества Алексея Николаевича Толстого – судьбы России и судьбы её людей, неразрывно связанные с движением национальной истории. М. Горький о его писательском таланте говорил: «...большой, настоящий русский и по-русски умный».

Глубокая вера в русский народ и русского человека определила патриотическое наполнение наследия писателя. Его подчас порицают за компромиссность и благополучные отношения с установившимся к 1930-м годам политическим режимом, причисляя чуть ли не к «сталинистам», но следует понять, что за внешней оболочкой таилось главное – это был, как говорится, патриот-государственник, всеми силами стремившийся утверждать величие своего Отечества.

Как художнику, ему было присуще исключительное знание жизни и человека, позволяющее одинаково убедительно, с впечатляющей наглядностью и пластичностью раскрывать характеры представителей всех слоёв общества. В этом его главным оружием служило яркое словесное мастерство, способность каждого из своих персонажей наделять только ему присущей речевой интонацией.

Лучшее из созданного писателем, безусловно, является классикой русской литературы первой половины XX века. Косвенным свидетельством этого может служить перечень фильмов, поставленных по его произведениям: «Аэлита» (1924), «Хромой барин» (1925), «Пётр I» (1-я серия (1937), 2-я серия (1939), «Золотой ключик» (1939), «Сёстры» (1957), «Восемнадцатый год» (1958), «Хмурое утро» (1959), «Гиперболоид инженера Гарина» и «Гадюка» (оба 1966), «Крах инженера Гарина» (1973), «Приключения Буратино» (1975), «Хождение по мукам» (1977), «Похождения графа Невзорова» (1982).

В 1959 году на родине писателя, в городе Пугачёве, был установлен памятник работы С. Меркурова.

К 80-ЛЕТИЮ НАЧАЛА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

**ВИКТОР
КРЕСТОВ**

МХАТОВСКАЯ ЧАЙКА НАД САРАТОВОМ

Народный артист СССР П. А. Массальский

Открытие Московского Художественного общедоступного театра в октябре 1898 года стало в культурной жизни того времени событием всероссийского значения.

Позже изменилось его название. Его стали называть МХАТ – Московский Художественный академический театр имени М. Горького. У его истоков стояли такие выдающиеся деятели театра, какими были Константин Сергеевич Станиславский и Владимир Иванович Немирович-Данченко. В 1936 году они наряду с другими выдающимися мастерами сцены стали первыми народными артистами Советского Союза. Кстати, последним актё-

-
- Виктор Васильевич Крестов родился и живёт в Саратове. Окончил исторический факультет СГУ им. Н.Г. Чернышевского. Председатель общественной организации «Клуб любителей творчества Леонида Сметанникова». Публикуется в местных СМИ. В 1985 году Президиумом Советского комитета ветеранов войны награждён юбилейным памятным Знаком «40 лет Победы». Участник Восемнадцатого Международного кинофестиваля документальной мелодрамы «Саратовские страдания».

ром, получившим это высшее звание, был Олег Иванович Янковский, бывший актёр Саратовского театра драмы имени Карла Маркса.

В становлении МХАТа большую роль сыграли и наши великие писатели: А. Чехов и М. Горький. Уже в 30-е годы XX века он становится одним из лучших театров страны.

В творческой биографии этого прославленного театра есть яркая и незабываемая саратовская страница.

Рано утром 22 июня 1941 года фашистская Германия без объявления войны вторглась на территорию нашей страны. Началась Великая Отечественная война Советского Союза против фашизма.

Гитлеровское командование планировало нанести мощный удар по Советскому Союзу и закончить войну к осени 1941 года. Захват Москвы был одним из главных направлений врага. В связи с приближением фронта к столице Советское правительство приняло решение об эвакуации значительной части учреждений, в том числе и одного из лучших театров нашей страны – МХАТа имени М. Горького. В начале предполагалось, что МХАТ поедет в Ташкент, но вскоре стало известно, что театр отправляют в Саратов.

В день отъезда на Павелецком вокзале было многолюдно и тревожно. Отправление поезда на Саратов задерживалось на несколько часов, так как где-то на его пути бомбили дорогу.

Но вот наконец-то поезд медленно тронулся, и на душе у всех стало тоскливо, ведь родная Москва оставалась всё дальше, а впереди был незнакомый, чужой город.

До Саратова добирались несколько суток, подолгу стояли в пути, пропускали военные эшелоны. За это время вагоны, в которых ехали мхатовцы, стали как бы общим их домом.

В Саратов приехали уже ночью, было сыро и промозгло, и многим даже не хотелось выходить в темноту, в незнакомый город. К тому же, как вскоре выяснилось, приезжих никто и не встречал.

Однако надо отдать должное народному артисту СССР Ивану Михайловичу Москвину, который чувствовал большую ответственность за весь коллектив. Он был бодр и очень собран. Как руководитель театра и депутат Верховного Совета СССР, он связался по телефону с представителями местной власти, которых ещё не успели предупредить о приезде мхатовцев. И. М. Москвина заверили, что сделают всё возможное, чтобы встретить коллектив театра. И вскоре действительно приехали городские власти и были предоставлены грузовые машины.

Вначале артистов разместили в театре драмы имени Карла Маркса, где они прожили около двух недель. На это время театр драмы прекратил свою работу. Кроватей, конечно, не было, спали прямо на полу в помещениях, разделённых занавесками. Только И. М. Москвина с семьёй устро-

И. М. Москвин

С.С. Пилявская

Б.Я. Петкер

или в директорской ложе театра, где стояли два небольших диванчика. А вскоре артистов поселили в самом центре города, в небольшой гостинице «Европа», где тогда находился военный госпиталь, и нужно было какое-то время, чтобы перевести его в другое здание. Когда об этом узнал И.М. Москвин, он был очень растроган и, обращаясь к коллективу, сказал: «Ребята! Вникните: для нас освобождают госпиталь. Надо быть достойными этого».

Вспоминая те дни, народная артистка СССР С.С. Пилявская писала: «Первоначально нас устроили почти роскошно – на каждую семью отдельный номер, но затем подъехала ещё одна большая группа наших актёров с семьями, и всех нас уплотнили».

А о том, как жили в гостинице «Европа», нам поведал народный артист СССР Б.Я. Петкер. Он писал: «В номере № 3 жили два Бориса – Ливанов и Петкер».

Это была комната открытых дверей. В ней всегда толпились люди: актёры нашего театра, музыканты, писатели. Вспоминая нашу жизнь в Саратове, я стараюсь понять, что так тянуло к нам людей, в нашу с Ливановым комнату.

Может быть, то, что мы жили без хандры, никогда не падали духом. И вокруг нас собирался такой же неунывающий народ и те, кому надо было развеять свою печаль.. Особенно часто нашу комнату посещали тоскующие мужья и находили у нас утешение. Мы даже сочинили в честь наших далёких жён, с которыми были в разлуке, песню. С каким чувством и тоской мы пели:

*Тебя, родную, дорогую,
Мне никогда не позабыть
И никогда уже другую
Так нежно мне не полюбить...*

Вера в близкое свидание с жёнами в гостеприимном Саратове или даже в самой Москве нас никогда не покидала. Шутки и смех были частью нашей жизни. Мы жили по принципу «пока живу, надеюсь».

Да, актёры старались быть бодрыми, энергичными, но, конечно, всем – и мхатовцам, и жителям нашего города – было и трудно, и голодно. Зарплата была небольшая, а цены высокие, и приходилось, как вспоминала С.С. Пилявская, вместе с подругами-актрисами идти на базар, чтобы продать какие-то свои личные вещи, а много ли их было?

Для работы актёрам МХАТа было предоставлено помещение Театра юного зрителя. Его сцена была, конечно, значительно меньше, чем мхатовская, к тому же не было вращающегося круга, поэтому многое пришлось переоборудовать, что-то создавать заново. Сложность состояла ещё и в том, что актёры приехали без декораций, без сценических костюмов, без рек-

визита, всё осталось в Москве, ведь отправка была срочной: спасали прежде всего людей. И только позднее стало поступать из Москвы театральное имущество.

В Саратов МХАТ прибыл в неполном составе. Многие старейшие актёры, составлявшие Золотой фонд театра, во главе с В. И. Немировичем-Данченко были отправлены в Нальчик, а затем

в Тбилиси. Устроившись в гостинице и решив более или менее свои бытовые вопросы, мхатовцы сразу же принялись за работу. И вот тут коллектив театра в полной мере проявил свою сплочённость, собранность, преданность любимому делу. На душе у людей было беспокойно: война, незнакомый, чужой город. Многие оказались оторваны от родных и близких. Но актёры старались не думать о трудностях, жили работой и только работой. «Работа спасает!» – любил говорить художественный руководитель театра Николай Павлович Хмелёв, и это было действительно так.

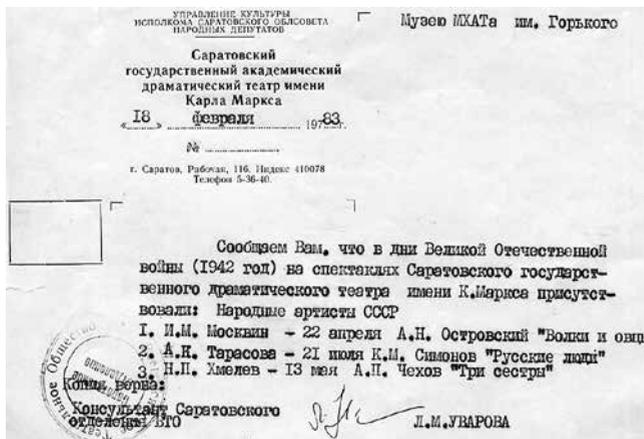
Никаких рангов, никаких привилегированных положений в это время не существовало: каждый делал то, что нужно было театру. Руководство города поделилось с московским театром всем, чем могло, было сделано всё, чтобы обеспечить артистам нормальную работу на целый театральный сезон. И мхатовцы это оценили по достоинству.

«Первым спектаклем, на котором присутствовали приехавшие в Саратов мхатовцы, был «Таланты и поклонники» А. Н. Островского, – вспоминал народный артист РСФСР Б. Г. Голубовский, в те дни – молодой режиссёр Саратовского театра драмы имени К. Маркса. – Можете себе представить состояние исполнителей, особенно Н. Гурской-Негиной, когда в зрительном зале сидели Тарасова, Москвин, Хмелёв, Андровская, Массальский, Пилявская, Прудкин... Нужно отдать должное мхатовцам: понимая обстановку, они устроили настоящую овацию после спектакля. Актёры были просто счастливы».

В те дни народный артист СССР И. М. Москвин писал: «Художественный театр приехал в Саратов для того, чтобы полностью сохранить и в меру своих сил развивать искусство, принадлежащее советскому народу».

Все тяготы по организации работы в Саратове легли на плечи И. М. Москвина, Н. П. Хмелёва и Ф. Н. Михальского. Особенно велика была заслуга И. М. Москвина. Назначенный исполняющим обязанности директора театра, он стал главным хранителем его лучших традиций.

Буквально с первых дней пребывания в Саратове театр активно включился в военно-шефскую работу. Все концерты проходили при обязательном участии ведущих мастеров сцены. Большим успехом пользовались сцены из пьесы К. Тренёва «Любовь Яровая» и из спектакля «Земля» Н. Вирты, а также чтение отрывков из произведений А. Чехова и М. Горького. Мхатовцы часто выступали с концертами, а позже со спектаклями на предприятиях города, работавших для нужд фронта. Неоднократно на санях по замёрзшей Волге они приезжали с концертами и спектаклями в г. Энгельс.

Но особенно близкими друзьями мхатовцев стали бойцы и командиры подшефной воинской части, находившейся в Саратове. Они были первыми зрителями каждого выпускаемого спектакля. Выступать в их клубе, помогать их интересной и талантливой художественной самодеятельности всегда было радостью для актёров. Когда на общегородском смотре красноармейской самодеятельности воинская часть МХАТа заняла почётное место, актёры радовались этому успеху как собственной удаче.

В своей работе МХАТ учитывал большой интерес бойцов и командиров к театральному искусству. В годовщину со дня рождения одного из основоположников МХАТа, народного артиста СССР К. С. Станиславского по инициативе одной из частей Саратовского гарнизона был проведён вечер, посвящённый его творчеству. В программе этого вечера были только доклад и воспоминания, но бойцы отнеслись к нему с большим вниманием, чем удивили артистов. Такой аудитории могли бы позавидовать исполнители самого захватывающего спектакля.

Находясь в Саратове, артисты МХАТа им. Горького часто посещали военные госпитали. В этой работе участвовали все – от молодых актёров до И. М. Москвина, который был участником военно-шефской работы ещё в годы гражданской войны. В госпиталях актёры не только выступали с концертами, но и просто беседовали с ранеными бойцами, рассказывали им что-то весёлое, смешное, чтобы отвлечь их от грустных мыслей. И люди тянулись к ним, рассказывали о себе, о своих семьях, делились самым сокровенным, завязывались дружеские отношения.

Нередко тяжелораненые бойцы и командиры просили написать актёров письма их матерям, жёнам, невестам – на этот случай актёры имели при себе блокнот или тетради.

За проводимую работу в госпиталях врачи были очень благодарны мхатовцам. В одном из коллективных писем они писали: «Любимые шефы, дорогие друзья, прекрасные артисты МХАТа! Спасибо вам за всё. После ваших выступлений повышается настроение раненых бойцов и командиров, а главное, улучшается их физическое состояние. Ваше присутствие укрепляет в их сердцах уверенность, что они не одни, что вместе с ними воюет вся страна, весь наш народ».

С большим энтузиазмом мхатовцы принимали приглашения участвовать в концертах, сбор от которых шёл для нужд Красной армии и детям-сиротам, родители которых погибли на фронтах, защищая страну.

Всё это, конечно, было нужно и важно, но всё же город ждал спектаклей, с нетерпением ждал встречи с искусством прославленного Художественного театра. И это свершилось 11 ноября 1941 года, когда в ТЮЗе впервые открылся занавес с традиционной белой чайкой – эмблемой Московского художественного академического театра имени М. Горького. Первым спектаклем, который увидели саратовцы, была «Анна Каренина» по одноимённому произведению Л. Н. Толстого. В главных ролях выступили выдающиеся масте-

*А. К. Тарасова
в роли Анны Карениной*

ра сцены – народные артисты СССР Алла Константиновна Тарасова (Анна) и Николай Павлович Хмельёв (Каренин). Вот что в связи с этим вспоминала актриса театра Н. В. Михаловская: «Конечно, постановка эта была скромнее по декорациям и костюмам, чем та, которую видели москвичи, но зрители встретили её очень тепло, я бы даже сказала, восторженно. Да и мы играли с подъёмом, с особой душевной окрылённостью. Радостно было от сознания, что театр живёт, что он не сложил своего оружия».

Кстати, премьера этого спектакля состоялась в Москве в 1937 году. Видевший его И. В. Сталин был в восторге от игры А. К. Тарасовой и Н. П. Хмельёва. Вскоре им обоим было присвоено звание «Народный артист СССР». При этом они миновали другие звания.

Все спектакли театра шли с аншлагами, и, видимо, поэтому они неоднократно проходили и на сцене театра оперы и балета им. Н. Г. Чернышевского.

После очередного объявления о продаже билетов на определённый период у центральной кассы на проспекте имени С. М. Кирова образовывалась большая очередь, где саратовцы записывались, расходились по домам до завтрашнего дня, а наиболее стойкие оставались дежурить всю ночь. Билеты многие любители театра покупали не на один, а сразу на несколько спектаклей. Особо следует отметить, что истинные театралы покупали билеты на один и тот же спектакль, на те дни, когда главные роли в этом спектакле исполняли разные артисты.

С огромным успехом на сцене ТЮЗа шла трагедия А. К. Толстого «Царь Фёдор Иоаннович». Этот спектакль был особенно дорог мхатовцам. Ведь именно этим спектаклем в октябре 1898 года Художественный театр начал свою жизнь в искусстве.

К. С. Станиславский, вспоминая этот первый спектакль с участием тогда ещё молодого И. М. Москвина, писал в своей книге «Моя жизнь в искусстве»: «Москвин произвёл на меня огромное впечатление. Я плакал от его игры, от умиления и от радости, что среди нас находятся талантливые люди, могущие вырасти в больших артистов. Было для чего страдать и работать».

Эта роль всегда особенно была дорога И. М. Москвину. И когда в 1938 году Художественный театр праздновал своё 40-летие, И. М. Москвин снова, как и в день открытия театра, предстал перед зрителями в образе царя Фёдора.

С таким же огромным вдохновением он играл эту роль и в Саратове, и до конца своей жизни.

*Н. П. Хмельёв
в роли Каренина*

К. С. Станиславский

*М. Н. Прудкин и А. К. Тарасова
в спектакле «Анна Каренина»*

*И. М. Москвин
в роли царя
Фёдора Иоанновича*

О. Н. Андровская

Неизменно большим успехом пользовался и спектакль «Три сестры» А. П. Чехова, который справедливо считался одним из сценических шедевров МХАТа.

Достойное место в репертуаре театра заняла пьеса М. Горького «На дне». И это неслучайно. Ведь не кто иной, как М. Горький, определил идейное направление МХАТа.

Видели саратовцы и одну из лучших пьес Шеридана «Школа злословия», в которой зрителей покорило великолепное мастерство прекрасной, удивительной актрисы О. Н. Андровской. Её роль леди Тизл стала подлинным шедевром исполнения.

Однако не только центральным событием сезона, но и значительным этапом в жизни Художественного театра стала постановка пьесы Н. Погодина «Кремлёвские куранты». Премьера спектакля состоялась 22 января 1942 года. Работа над этим спектаклем была начата в Москве ещё в довоенное время. Первым режиссёром был А. М. Леонидов, а позже особо весомый вклад внёс в эту работу В. И. Немирович-Данченко. Это была первая работа МХАТа, в которой воссоздавался образ Ленина, и она, конечно, должна быть совершенной, каких бы трудов это ни стоило – такую задачу ставил Владимир Иванович. А в Саратове работу над спектаклем успешно закончили М. О. Кнебель и Н. П. Хмелёв.

Образ В. И. Ленина мечтал создать И. М. Москвин, но режиссёр утвердил всё-таки А. Н. Грибова. Видимо,

Сцена из спектакля «Царь Фёдор Иоаннович»

*А. Н. Грибов
в роли Ленина*

Н. В. Михаловская

потому, что у актёра уже были роли, которые словно бы подготавливали его к созданию этого образа. Тем не менее для «характерного» актёра создание такого образа было очень сложной задачей.

Накануне премьеры в местной прессе А. Н. Грибов опубликовал свою статью: «Как я работал над образом Ленина». В ней он поставил перед собой задачу: «Сыграть Ленина так, чтобы созданный на сцене образ ещё раз затронул сердца советских людей, повёл их на новые подвиги во имя победы...»

И вот наступил долгожданный, волнующий день премьеры. Давайте первое слово предоставим заслуженной артистке РСФСР Н. В. Михаловской. Ведь она была не только очевидцем, но и участницей того памятного, незабываемого спектакля. В своих мемуарах она убедительно передаёт атмосферу премьеры: «Я участвовала в этом спектакле и хорошо помню, каким огромным патриотическим подъёмом были охвачены в день премьеры зрители и артисты. Зал переполнен, ощущение такое, что у людей праздник. Среди зрителей много военных, белеют марлевые повязки раненых, находящихся на излечении в госпиталях.

Первая овация возникла, когда на сцене впервые появился Ленин. Удивительно правдивым и искренним был в этой роли Алексей Грибов. Он играл почти без грима, но умел достигать большого портретного сходства. В. И. Немирович-Данченко научил его на сцене молча думать, и в эти минуты от артиста нельзя было оторвать глаз.

Закончился спектакль, и артистам буквально устроили овацию, зрители встали со своих мест. Слышались возгласы: «Слава Ленину!», «Спасибо, МХАТ!» В тот вечер много раз открывали и закрывали занавес. Люди не хотели уходить из театра, не хотели расставаться с нами».

Вскоре после премьеры газета «Коммунист» посвятила этому спектаклю целую страницу. Посмотрев спектакль, один из зрителей, В. Леонтьев, писал: «Мне вспоминается Москва 1920 года. Я видел тогда Ленина. И вот теперь, глядя на сцену МХАТа, я вспоминал его интонацию, и его мягкий юмор, его простоту и человечность. Сердце наполняется радостью и гордостью. И уходишь со спектакля с одной мыслью: нет, не отдадим своей Родины, своей свободы, своего счастья – и победы в Великой Отечественной войне».

Поделится своими впечатлениями и актёр Саратовского театра драмы имени К. Маркса, тогда заслуженный артист РСФСР С. М. Муратов. Он писал: «Спектакль, который я увидел, поразил меня своей художественной цельностью и правдивостью. И прежде всего это относится к исполнителю роли В. И. Ленина – А. Н. Грибову. Игра народного артиста РСФСР Б. Н. Ливанова в роли матроса Рыбакова восхитила меня своей богатой выразительностью, и особенно значительной я ощутил игру народного артиста СССР Н. П. Хме-

лёва, исполняющего роль Забелина. Превосходно исполнение целого ряда эпизодических ролей, и прямо блестящей можно назвать актёрскую работу заслуженного артиста РСФСР Б. Я. Петкера в роли мастера-часовщика».

А театральный критик Л. П. Жак заключает: «В спектакле «Кремлёвские куранты» прежде всего бросается в глаза удивительная гармоничность всех элементов спектакля: актёрского исполнения, режиссуры и художественного оформления, столь свойственная вообще Художественному театру».

Таких восторженных отзывов, и письменных, и устных, было много. «Кремлёвские куранты» Н. Погодина, как свидетельствует Н. В. Михаловская, прошли в Саратове 55 раз, и не было случая, чтобы в зале оставались свободные места. Да что там говорить о свободных местах, говорит Нина Валериановна, если даже проходы между рядами были обычно заполнены. Были здесь и военные, приехавшие с фронта. Как можно было отказать им в просьбе посмотреть спектакль?!

Вскоре стало известно, что А. Н. Грибову, Б. Н. Ливанову, Н. П. Хмелёву и, конечно же, В. И. Немировичу-Данченко была присуждена Сталинская премия.

Весной 1942 года МХАТ возобновил ещё один из основных спектаклей из своего репертуара – комедию А. Н. Островского «Горячее сердце». Первые советские зрители увидели этот спектакль на сцене художественного театра в 1926 году. В этом спектакле И. М. Москвин был одним из исполнителей роли Хлынова, богача-самодура.

Оценивая его работу, театральный критик Е. Трощенко писал: «Он буквально упивается своей властью. Его самодурство проявляется в особой форме – в озорстве, в нелепых причудах. Он может притворно плакать, кланяться людям, которые, по его словам, «всё одно что ничего». Одним словом, господин Хлынов забавляется, и он может это себе позволить, ибо господину Хлынову вообще всё позволено».

Достойными партнёрами И. М. Москвина были А. К. Тарасова, Н. П. Хмелёв, В. Я. Станицын и другие замечательные мастера сцены. Они создали яркие, живые, запоминающиеся образы, что позволило автору рецензии заключить: «Со дня московской премьеры прошло больше полутора десятков лет, но спектакль этот и сейчас поражает своей оригинальностью, свежестью, новизной сценического претворения жизни».

В центре внимания театра была только что появившаяся пьеса молодого драматурга К. М. Симонова «Русские люди», первое и наиболее значительное драматургическое произведение о Великой Отечественной войне. Эта правдивая пьеса привлекла театр тем, что давала возможность коллективу творчески откликнуться на события войны. Театр хотел создать на сцене образы подлинных героев войны.

Также в Саратове театр приступил к работе над пьесой А. Корнейчука «Фронт». Одновременно велась работа и над пьесой А. Н. Островского «Последняя жертва». Эти спектакли вошли в «золотой фонд» репертуара МХАТа.

Саратовская пресса уделяла большое внимание деятельности МХАТа. На страницах местной печати публиковались творческие портреты ведущих мастеров сцены – народных артистов СССР А. К. Тарасовой, И. М. Москвина, Н. П. Хмелёва, печатались рецензии на их спектакли и сообщалась другая информация, освещающая деятельность театра.

Пребывание МХАТа в Саратове благотворно сказалось на творческой деятельности саратовских театров. Ведущие мастера сцены были приглашены в наши театры для консультаций и участия в обсуждении просмотренных спек-

Р. М. Вашурина

С. И. Бржевский

таклей, оказывали большую практическую помощь, в том числе и нашему театру оперы и балета имени Н. Г. Чернышевского. Заслуженные артисты РСФСР Б. Я. Петкер и Н. И. Дорохин принимали участие в новой постановке оперы П. И. Чайковского «Пиковая дама». Им удалось внести в спектакль благородные мхатовские традиции, достигнуть единения драматического и вокального искусства, создать слаженный ансамбль.

В те годы молодая актриса Саратовского театра драмы имени К. Маркса, а впоследствии актриса Нижегородского театра драмы имени М. Горького, народная артистка РСФСР Р. М. Вашурина в письме к автору этих строк писала, что «мхатовцы были доступны для творческого общения. Можно было подойти даже к Тарасовой... В общении с ними и особенно глядя их спектакли, я училась у них актёрскому мастерству. Я тоже считаю их своими учителями».

Концерты артистов Художественного театра, организованные у микрофона, передавались на всю нашу страну и неизменно вызывали у людей восторг. Совместные выступления в концертах, трудная, требующая мужества работа во фронтовых бригадах сблизила мхатовцев с деятелями искусства нашего города. «Разве могут быть забыты дни, – вспоминал спустя много лет актёр Саратовского театра драмы имени К. Маркса, народный артист РСФСР С. И. Бржевский, – когда в творческом соревновании с лучшим театром страны – Художественным – мы ставили пьесы Чехова и Горького, и мастера МХАТа наградили нас лучшей похвалой: «Вы – наши».

Мхатовцы всегда чувствовали о себе заботу местных властей и большую, искреннюю любовь зрителей, что было очень важно для укрепления их морального духа. И однажды, как свидетельствует один из историков Художественного театра, В. Я. Виленкин, мхатовцы в знак благодарности за гостеприимство дали благотворительный спектакль «Царь Фёдор Иоаннович». На него были приглашены все деятели искусств Саратова и Энгельса. Он прошёл утренним спектаклем. Все актёры играли с огромным подъёмом, и, как всегда, на достойной высоте был И. М. Москвин в роли царя Фёдора. Когда закончился спектакль, в зале раздались бурные овации. Народный артист РСФСР И. А. Слонов от имени всех наших работников искусства передал глубокую благодарность всему коллективу МХАТа. Слова благодарности городу ещё раз высказал и народный артист СССР И. М. Москвин.

Тем временем фронт приближался к Волге, к Саратову. Над городом появлялись вражеские самолёты, всё чаще звучал сигнал «Воздушная тревога». В этих условиях из Москвы был получен приказ МХАТу отправиться во вторую эвакуацию, в Свердловск.

В связи с этим 15 июля 1942 года в Саратове состоялись два последних спектакля МХАТа. Утром – «Царь Фёдор Иоаннович», а вечером – «Крем-

лёвские куранты». 18 и 19 июля в Большом зале консерватории состоялись два прощальных концерта. На торжественном собрании деятелей искусств и общественности Саратова, посвящённом отъезду театра, от всех присутствующих и руководства области была выражена глубокая благодарность прославленному театру. В тот памятный вечер саратовцы преподнесли коллективу МХАТа много подарков, грамот, памятных адресов. В одном из них говорилось: «Выдающиеся мастера МХАТа, чьи имена являются гордостью не только советского, но и мирового театрального искусства, показали трудящимся Саратова незабываемые спектакли и создали такой шедевр, как «Кремлёвские куранты», удостоенный Сталинской премии. Создав замечательные спектакли, МХАТ провёл огромную общественную работу, выступая с концертами на заводах и фабриках, в частях Красной армии и в госпиталях. Вся творческая работа МХАТа неизменно горячо оценивалась благодарными зрителями города и области. Большая помощь мастеров искусства способствовала творческому росту наших областных театров.

За вашу неустанную плодотворную работу Областной комитет ВКП (б) и исполком областного Совета выражает вам глубокую, искреннюю благодарность...»

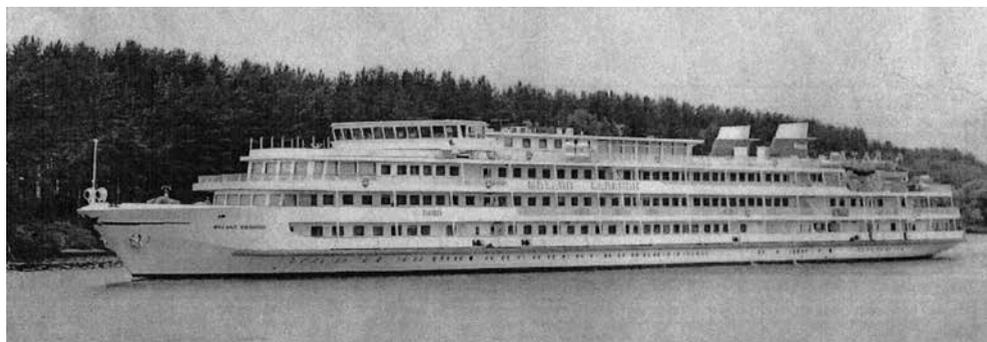
С ответным словом выступил народный артист СССР Иван Михайлович Москвин. Он сказал: «Мы хорошо узнали Саратов, его кипучую трудовую жизнь, единственный общий смысл которой – победа Родины. Мы узнали его заводы и фабрики, его героев, его учёных, его театры и вузы, его молодёжь, и мы сдружились с Саратовом навсегда. В каждом успехе Художественного театра в сезон 1941–1942 годов есть доля вашей заботы и вашей товарищеской поддержки. Этого мы не забудем никогда – как не забудем вообще встречи с вами в грозные военные дни. Мы твёрдо верим в наши будущие встречи».

И вот наступил день прощания с МХАТом. Давайте ещё раз предоставим слово заслуженной артистке РСФСР Н. В. Михаловской: «Железная дорога была загружена, и мы сели в Саратове на пароход, который шёл до Перми, а оттуда поездом – в Свердловск. Когда пароход отходил от пристани, нам стало вдруг жалко расставаться с Саратовом. За время, что прожили здесь, мы успели привыкнуть к городу, полюбили его радушных, гостеприимных людей. Да и работа в саратовский период МХАТом была проделана большая. За это время мы дали 319 спектаклей, не считая огромного количества концертов и многочисленных творческих вечеров».

С тех пор прошли десятилетия, и вот наступило время, когда сбылись пророческие слова Ивана Михайловича Москвина: «Мы твёрдо верим в наши будущие встречи». А произошла она в июле 1995 года. В связи с 50-летием Великой Победы советского народа над фашистской Германией и приближающимся столетием со дня основания МХАТа прославленный театр совершил турне по волжским городам. Но именно в Саратове театр ждал особенно тёплый приём. И это, конечно, было неслучайно. Ведь в те дни всех мхатовцев и жителей Саратова сблизила, сроднила общая память о былых встречах.

3 июля ровно в 10 часов утра к причалу нашего речного вокзала причалил белоснежный красавец-теплоход «Михаил Калинин». Под звуки торжественного марша звёзды славного российского театра во главе с народным артистом СССР Олегом Николаевичем Ефремовым сошли на нашу гостеприимную саратовскую землю.

И по сей день я очень благодарен известному театральному деятелю Саратова Руфине Жозефовне Таракановой за официальное приглашение на открытие гастролей «МХТ имени А. П. Чехова». Гастроли открывались на сцене Театра юного зрителя «Вечером чеховского рассказа». А первой

Теплоход «Михаил Калинин»

перед началом спектакля на сцену вышла старейшая актриса театра, народная артистка СССР, лауреат Государственной премии СССР, кавалер ордена Трудового Красного Знамени, профессор Школы-студии МХАТ Софья Станиславовна Пилявская.

Ей было 84 года, и врачи ей не советовали ехать в столь дальнее путешествие по состоянию здоровья, но она сочла своим долгом приехать в Саратов, чтобы выполнить свою важную миссию. Ведь она была последней из мастеров сцены МХАТ, кто был в Саратове во время Великой Отечественной войны. Сидя в первых рядах, я невольно обратил внимание на то, какая она красивая, статная, несмотря на возраст. С волнением она сказала: «Я приехала, чтобы поклониться городу за то радушие, которое Саратов оказал нам в суровые военные годы. Может быть, затем я и задержалась на этом свете, чтобы иметь возможность передать вам, саратовцам, нашу великую благодарность. Несмотря на все сложности, мы полюбили ваш город и он стал для нас родным. «Саратов» — для нас имя святое. От всего сердца я хочу пожелать Саратову, его людям всего хорошего».

Это было сказано настолько трогательно, что, вероятно, у кого-то увлажнились глаза.

На память о встрече с саратовцами Софья Станиславовна подарила городу свою книгу «По долгу памяти» со своей дарственной надписью.

С этой легендарной актрисой ранее мне довелось вести переписку, а в дни пребывания в МХАТ в Саратове посчастливилось познакомиться и лично. Одно из своих писем она закончила такими словами:

Это произошло 5 июля 1995 года на теплоходе «Михаил Калинин». В ходе наше-

Сейчас, спустя 40 лет Саратов вспоминается
с благодарной нежностью, не взгляд на все
существенности, какими были вы мне.
Вот причина и все, что вспомина-
лось о Саратове.
Буду рада, если Вам это понравится.
Искренне желаю счастья.
Софья Станиславовна.
5 июля 1995 г.

го разговора я узнал, что она – ученица К. С. Станиславского и В. И. Немировича-Данченко, дружила с сестрой А. П. Чехова, Марией Павловной, и его женой, народной артисткой СССР Ольгой Леонардовной Книппер-Чеховой, с семьёй Булгаковых...

Всю свою жизнь она служила только в одном театре. Много лет преподавала в Школе-студии МХАТа, а её ученики давно стали знаменитыми мастерами сцены. Вспоминала она и военный Саратов, а я смотрел на неё, в её красивые серые, но грустные глаза и думал: сколько же страданий довелось ей испытать, да и всему этому поколению, но они не сломились, не очерствели душой. «В Саратове на наших спектаклях, – говорила Софья Станиславовна, – было много военных, раненых из госпиталей и скромно одетая публика. А вот когда мы переехали в Свердловск, то здесь было и спокойнее, и сытнее, и комфортнее, жили в просторной гостинице в отдельных номерах, здесь не было бомбёжек, город жил как бы обычной, мирной жизнью. Однако здесь, на наших спектаклях, мы увидели уже другую публику, было много роскошно одетых дам, кавалеров было поменьше, но те, которые были, вполне могли быть на фронте».

Через всю жизнь она с достоинством пронесла высокое звание актрисы. Вероятно, в последние годы ей было одиноко. Ведь почти все, кого она любила, с кем дружила, кто был ей дорог, ушли в мир иной, да и театр стал уже другим.

Софья Станиславовна скончалась 21 января 2000 года. Она похоронена в Москве на Новодевичьем кладбище рядом со своим мужем, народным артистом РСФСР Николаем Ивановичем Дорохиным, скончавшимся 31 декабря 1953 года. Он был для неё не только мужем, но и надёжным, преданным другом. Всю жизнь она была верна его памяти. Её похоронили в одном ряду с А. П. Чеховым, О. Л. Книппер-Чеховой, И. М. Москвиным, М. М. Тархановым, В. И. Немировичем-Данченко. Теперь она не одинока. Она ушла к своим, они снова вместе.

А тогда, в июле 1995 года, на память о нашей встрече Софья Станиславовна подарила мне фотографию со своей дарственной надписью, которую я и сейчас храню как драгоценную реликвию.

Когда наша беседа закончилась, Софья Станиславовна очень кстати сказала, обращая моё внимание на проходящую мимо нас женщину: «А это вдова Прудкина». Распрощавшись с ней, я подошёл к Екатерине Ивановне, представился ей. На что она сказала: «Заочно с вами знакома, мы храним ваши письма». Да, действительно я вёл переписку с её мужем, корифеем театра, народным артистом СССР, Героем Социалистического Труда, лауреатом Государственных премий СССР Марком Исааковичем Прудкиным. «Вы знаете, – сказала Екатерина Ивановна, – мы сейчас едем на экскурсию, а вот завтра приходите, и мы с вами поговорим».

И наша запланированная встреча состоялась на том же теплоходе. Войдя в её каюту, я увидел замечательный портрет Марка Исааковича, и мне невольно вспомнились слова из его письма: «...А мне так хочется в Саратове». Добрую память о Саратове он также сохранил на всю свою жизнь.

Бережно храню и его фотографию с дарственной надписью: «С душевной благодарностью, Виктор Васильевич, вспоминаю Саратов, саратовцев, человечно встретивших Московский Художественный театр в дни войны, когда жителям города было очень тяжело. Низкий поклон вам всем. Сердечно обнимаю Вас. Народный артист Марк Прудкин».

Судьба его хранила. Он прожил 96 лет. Жаль, что гастрольная поездка прославленного театра состоялась так поздно. Екатерина Ивановна расска-

зала мне о последних днях жизни Марка Исааковича. Прощаясь, она сказала: «Будете в Москве, заходите в гости».

Столь же бережно я храню и дарственную фотографию бывшего в военные годы в Саратове народного артиста Советского Союза Павла Владимировича Массальского.

Собирая материал о МХАТе в годы войны, я обратился с письмом, с просьбой поделиться воспоминаниями, к народной артистке СССР, Герою Социалистического Труда Ангелине Осиповне Степановой.

Прошло достаточно много времени, но ответа я не получил. Но вот спустя какое-то время мне довелось быть в Москве, в Союзе театральных деятелей (тогда он назывался Всероссийским театральным обществом). Выяснив то, что меня интересовало, я неторопливо выходил из здания, и в дверях я уступил дорогу пожилой женщине. Она поблагодарила меня, я не помню, что она сказала, но не слова – меня поразил её удивительно знакомый голос. Удивляюсь своей просто мгновенной реакции. Уже пройдя, я обернулся и спросил её: «Ангелина Осиповна, это вы?» «Да», – ответила она. Я прекрасно осознал, что эта встреча во многомиллионной Москве с человеком, которому я писал, но от которого по каким-то причинам не получил ответа, – это дар судьбы, момент неповторимый. И я тут же обратился к ней со своими вопросами. От неё я узнал, что в Саратове в годы войны она не была по объективным причинам. Да, ответ был отрицательный, но он был очень важен, потому что существуют публикации, в которых утверждается, что в то время она тоже работала в Саратове.

В поисках материала я обратился к сотрудникам музея МХАТа. В своём письме я просил их ответить на некоторые мои вопросы и выслать, если это возможно, соответствующие фотографии, хотя бы их копии. И мне их действительно прислали. И сегодня, спустя много лет через публикации этих фотографий в журнале я как бы возвращаю их музею МХАТа. Как говорится: что ты отдал, то твоё. Спасибо теперь уже, вероятно, бывшим сотрудникам музея О. В. Рыковой, Л. И. Савельевой за их внимание к моим письмам, просьбам, за ту помощь, которую они мне оказали. В письме к Л. И. Савельевой я писал, что наш Саратовский театр драмы им. К. Маркса 21 июля 1942 года посещала А. К. Тарасова. Она смотрела спектакль «Русские люди» К. М. Симонова, что подтверждается документально. Людмила Ивановна попросила меня выслать копию этого документа, что было важно для пополнения летописи жизни и творчества А. К. Тарасовой. Я выполнил эту её просьбу и рад, что в свою очередь тоже что-то смог сделать для музея МХАТа.

Однажды в школе, в которой я работал, провёл театральный вечер, посвящённый пребыванию МХАТа в Саратове в годы Великой Отечественной войны. Готовясь к вечеру, мы обратились к тог-

М. И. Прудкин

О. П. Табаков

дашнему художественному руководителю театра, нашему земляку, народному артисту СССР О. П. Табакову с просьбой сказать несколько слов участникам этого вечера и всем присутствующим на нём. Вместе с письмом я выслал и свою заметку о пребывании МХАТа в Саратове. И Олег Павлович не только откликнулся на нашу просьбу, прислав замечательное письмо, но и подарил, что было совершенно неожиданно, поистине драгоценный для нас подарок – двухтомник по истории МХАТа, выпущенный к столетию его основания, за что, конечно, мы были ему очень благодарны.

Кстати, именно в годы, когда Художественный театр возглавлял О. П. Табаков, наша дружба особенно окрепла. Театр, как известно, привозил новые спектакли в первую очередь в Саратов, труппу пополняли артисты наших театров и выпускники Саратовского театрального института. Хотелось бы напомнить, что когда был поднят вопрос о присвоении нашему городу звания «Город трудовой доблести», то нас, саратовцев, поддержали даже другие регионы страны.

В администрацию города Саратова поступило письмо из Москвы от нынешнего художественного руководителя театра, его директора Сергея Васильевича Женовача. В нём говорилось: «Сегодня, дорожа нашей дружбой и вспоминая с благодарностью помощь, оказанную городом Художественному театру в годы Великой Отечественной войны, зная, как велик вклад саратовцев в Победу, мы присоединяемся к просьбе о присвоении Саратову высокого почётного звания».

Пребывание МХАТа им. Горького в суровые военные годы в Саратове – это действительно очень яркая и незабываемая страница в театральной, культурной жизни нашего города, к которой мы обращаемся, чтобы крепить наши традиции в интересах развития отечественной культуры.

В канун 80-летия пребывания МХАТа им. Горького в нашем городе автор этих строк опубликовал заметку «Сохраним память» («Саратовская панорама» от 24 марта 2021 года), где предложил в связи с юбилеем открыть мемориальную доску на здании нашего ТЮЗа.

Хотелось бы верить, что настанет тот светлый, радостный день, когда в торжественной обстановке мемориальная доска будет открыта в память о тех днях, о мхатовцах – выдающихся мастерах сцены, имена которых золотыми буквами вписаны в историю русского театрального искусства.

**Виталий
попов**

СНИСХОЖДЕНИЕ

Это было в прошлой жизни. Вернее – в одной из прошлых. Да-да, именно так: в глубинах прошедшего времени, хотя кажется – только вчера. Некто послал мне несколько ярких необычных видений-картинок, и теперь они сидят во мне как обрывки из старого, хорошо забытого фильма: сюжет уже не помнится, название – тем более, и лишь отдельные эпизоды навсегда отпечатались нетускнеющими мозаичными плиточками. Не стираются, не забываются... И всё это не наяву, не в реалии. Мозг не воспринимал, лишь душа осязала действие невидимых небесных сил, создающих незримые образы, ощущаемые как живые. Соприкосновение с ними было окутано лёгким мистическим привкусом, будто в сказочном сне. Ужас и великолепие, страх и благоговение – всё смешалось в причудливых сочетаниях, порой абсолютно так же, как в реальной жизни.

Девять дней я находился в реанимации после тяжёлой операции на открытом сердце: искусственное кровообращение, искусственная вентиляция лёгких, тяжёлое состояние... Грань жизни и смерти. Сознание отключено или размыто под воздействием специальных лекарственных препаратов, реальность иррациональна, тело практически не ощущается – оно обездвижено. Только редкие краткие проблески не вполне адекватного восприятия мира напоминают мне о том, что я – это я, потом снова провал... Боли нет. Сон, явь, галлюцинации смешаны в единый фантастический коктейль, в котором «плавают» абстрактные образы, видения, картины.

Она рядом, она близко как никогда. Молча наблюдает, не трогает меня, но пока и не отходит совсем. Через несколько дней, убедившись в моей неготовности к уходу, снисходительно уходит сама. Одна... надолго.

Всё это я осознаю позднее, уже в обычной палате, где заново учусь пить, есть, ходить. Только там память восстановила ощущение её незримого присутствия в реанимации первые 5–6 дней.

-
- Виталий Викторович Попов родился в 1954 году в Энгельсе, в семье офицера. Пишет стихи и прозу. Член литературной студии при Саратовском отделении СП России. Детство и юность прошли в Латвии, Псковской области. Кадровый военный, полковник в отставке. Окончил Ленинградский институт инженеров железнодорожного транспорта, Поволжскую академию государственной службы. Десять лет играл в вокально-инструментальных ансамблях. Автор четырёх книг стихов. Дипломант областного конкурса поэзии 2018 года. Стихи публиковались в журнале «Подъём», других периодических изданиях. Живёт в Санкт-Петербурге.

Я понимаю, что она вернётся, ведь первая встреча уже состоялась. Я даже чувствую, что это, возможно, будет ещё не одна встреча перед той последней, после которой когда-то я уйду следом за ней.

Зачастую люди не думают о том, что жизнь и смерть всегда рядом, всегда вместе, как две стороны одной медали, как орёл и решка на монете. А монета, впрочем, как и медаль, имеет свойство падать иногда не только той стороной, которую мы ожидаем...

Никогда более в земной жизни я не испытывал так явно, так живо, почти «на ощупь» неподдающиеся описанию ощущения от этих необыкновенных видений, преследовавших меня на одре жизни и смерти. Они проходили передо мной, нет – прямо внутри моего воспалённого сознания – чередой коротких, очень ярких и содержательных видеофильмов. Первые дни после реанимации, уже в обычной палате, я с упоением, в мельчайших подробностях пересказывал их ухаживавшей за мной жене. Все они, так или иначе, касались меня, в некоторых я действительно был тогда уверен, как в абсолютно реально происходивших событиях.

Но самое удивительное произошло много позже. Эти сны-видения, как посланные мне неведомой силой предсказания, нашли своё подтверждение через несколько лет! Совпадения были невероятно поразительны!

Первые из них показала мне она – та, которая легко может развернуть невидимую медаль-монету в свою, неожиданную нами сторону, та, что стояла в реанимации у моего изголовья в ожидании развязки. Её видения настолько страшны и жестоки, что описывать их мне бы не хотелось. Они были для меня испытанием – выдержу или нет. Одно из них практически в неизменном виде повторялось несколько раз и было связано (как я сопоставил позднее) с неоднократными неудачными попытками врачей перевести меня с искусственного на естественное дыхание. Два других она послала для понимания, что такое последняя грань, проверяла меня – сорвусь или удержусь. Мне повезло. Не всем, к сожалению, в аналогичной ситуации удалось удержаться... Уже после реанимации я видел это сам. Итак, проверив меня на прочность, она неожиданно погрузила моё сознание в новое жуткое видение: тягостное, безысходное состояние, граничащее с потерей смысла жизни. Невыносимая тяжесть в деталях запомнилась мне навсегда. Слепота! Полная и окончательная, безвозвратная потеря зрения! Непередаваемое ощущение того, что жизнь кончена. Она показала это дважды... жёстко, жестоко, абсолютно в одинаковом варианте! Откуда? Почему? Что это значило? И вот по прошествии шести лет однажды врачи объявили мне, что необходимо оперировать один глаз, иначе он может ослепнуть. Пришлось смириться с некоторой потерей качества зрения. Потом под такую же угрозу попал второй глаз (два видения слепоты!). Ничто ранее не предвещало подобного развития событий.

Наконец она отступила. Ушла. И невидимая медаль развернулась ко мне стороной-жизнью. Два видения про детей и внуков были посланы мне как награда за долготерпение. Жизнь есть жизнь, она показала мне то, что должно было свершиться намного позже, чего я тогда не мог себе даже предполагать!

Через шесть с половиной лет родился мой первый внук, сын моего сына. Десятимесячным малышом, впервые приехав с родителями к нам с женой на дачу, он ползал по травке под деревом в нашем саду рядом с сидящим недалеко от бассейна сыном. Наблюдая за ними, я был поражён! Меня охватило необъяснимое чувство, сотканное из тонких ощущений удивления, кажущейся необычности происходящего, невозможности полного совпадения

с тем видением, что приходило ко мне в реанимации. Именно в таком пейзаже и цвете, расположении фигур сына и внука, дерева, водоёма я видел их тогда – несколько лет назад! Невероятно!

Через восемь с половиной лет в Санкт-Петербурге (что очень важно!) родилась моя внучка, дочь моей дочери. Я абсолютно точно помню, как любовался ими тогда, в одном из тех снов-видений: дочь, стоя как для фотосъёмки, держала на руках девочку 6–7 месяцев на фоне Невы около Адмиралтейства. Судя по погоде на картинке, был конец питерской зимы, с неба сыпалась редкая снежная крупа. И вдруг через столько лет на одном из фото, которые прислала нам дочь, я вижу удивительную картину, абсолютно такую же, как в том видении: она – с малышкой доченькой на руках, в это же время года, как раз у набережной напротив Адмиралтейства. Совпало всё! Даже возраст – внучка родилась в августе, в марте ей было 7 месяцев – даже черты её лица и общий цвет их зимней одежды! Конечно, такое не поддаётся нормальному объяснению. Когда меня оперировали, прошло только полгода, как дочь перевелась в один из питерских университетов. У неё было направление на учёбу с возвратом на крупное предприятие в родной город. В то время, когда я лежал в реанимации, мои дети были студентами, невест и женихов не имели, о семейной жизни не помышляли. Дачу мы приобрели только через 6 лет после моей операции, по семейным обстоятельствам, продав прежнюю, которая нас вполне устраивала. Разумеется, мы и представить не могли, как будет выглядеть какая-то другая.

Наша вторая встреча с ней меня не удивила. В тот год серьёзные проблемы с «мотором» вынудили меня трижды поправлять здоровье в стационарах. Я не сдавался. Несмотря на постоянное недомогание, нестабильное состояние, сложности с подбором вариантов лечения, много занимался любимыми делами, не унывал.

Она появилась, как всегда, неожиданно. Вошла под утро, где-то между сном и явью. Бестелесный невесомый образ в светлой ткани, наподобие индийского сари. В этот раз она не молчала. Я хорошо помню её голос: чуть замедленный, спокойный, уверенный, твёрдый, без явных эмоций.

– Почему ты в светлом? – не удивившись, беззвучно спросил я.

– Разве ты не видишь, у меня хорошее настроение.

Не приближаясь, участливо поинтересовалась:

– Ты меня помнишь?

– Я о тебе не забывал.

– Ты сильно болеешь, но скоро тебе станет лучше. – Легкий взмах её руки как бы подтвердил последние слова. – Я знаю, ты ещё не готов, у тебя много незавершённых дел. Не так ли?

– Да, действительно. Мне необходимо закончить важный трёхлетний труд – создание семейной родословной. Предстоит обобщить, собрать воедино большой объём уже добытой информации, придать всему законченную форму. Ещё мне очень хочется выпустить хотя бы 2–3 книжки для детей и для взрослых. У меня много неизданного материала. И, конечно, не оставлять так рано моих родных: у нас впереди ещё очень важные неосуществлённые планы на жизнь.

– Кстати о жизни, – завершила она своей репликой мой монолог. – Ты же знаешь, мы с ней как две стороны одной невидимой медали – всегда вместе.

Она помолчала, внимательно глядя на меня, произнесла:

– У тебя нательный крест, это правильно. Вот послушай. Несколько часов назад на трассе за вашим городом произошла страшная авария: две

легковушки на скорости столкнулись «в лоб». Виновника случившегося увезли на скорой, он находится в коме. Та самая наша с жизнью двухсторонняя медаль, не встретив никакого препятствия, ребром вошла в его грудь и застряла там обеими частями. Скоро я узнаю, готов ли он уйти со мной или пока останется в коме. Пострадавшие во встречной машине муж и жена были невиновны в столкновении, они отделались не самыми тяжёлыми травмами. Та же медаль ударилась ребром о его нательный крест, её подвеску с ликом Богородицы и обернулась к ним противоположной мне стороной... У него только перелом ключицы и ребра, у неё – сильные ушибы на лице и теле.

Моя рука инстинктивно потянулась к груди. Я перекрестился.

Она усмехнулась:

– Когда ты будешь готов, я приду. Не торопись, у тебя ещё очень много лет впереди, – с улыбкой проговорила она и растворилась в предрассветном полумраке.

Сколько времени мы говорили, я не знаю, мне показалось, что прошёл целый час. Светало. Пробудившись окончательно, я понял, что это длилось всего несколько минут.

Та моя прошлая жизнь до последней встречи с ней пролетела быстро, впрочем, как и у всех других людей. Я успел сделать то, о чём говорил с ней при второй встрече, я сделал ещё очень много полезных дел. Мои дети и внуки надёжно закрепились в жизни, жена была рядом. Я понимал, что моё время истекает, и хоть душа оставалась неизменной, тело уже давно плохо слушалось. Я был готов к встрече с ней. Вся мою долгую жизнь она была ко мне снисходительна и даже, наверное, по-своему добра. Она не ускоряла отпущенное мне время, не тянула меня за собой, просто изредка появлялась рядом и наблюдала.

И вот она пришла.

– Я обещала тебе вернуться, когда ты закончишь все свои важные дела. Я знаю, что ты всё успел, это – хорошо. Твой ум ещё не утратил способность мыслить, и душа, как ей и положено, неизменна. Но тело твоё старо и немощно, и вот я здесь.

Я молчал. Всё правильно, всё абсолютно правильно: обсуждать нечего, спорить не о чем, возражать глупо. Лёгкая, прохладная волна неторопливо пробежала по моему телу с головы до ног, нигде не задерживаясь и слегка замедляя жизнь всех клеточек моего организма. Ум по-прежнему был ясен, но слегка заторможен, сердце потихоньку сбавляло скорость, душа – спокойна.

– Ну что, ты готов? Идём, – сказала она.

– Пошли, – выдохнул я и закрыл глаза.

**Анна
МОРКОВИНА**

ВЕСЁЛАЯ МОЗАИКА ЛЮДМИЛЫ ГОРОЖАНИНОЙ, ИЛИ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЕ ПАННО МИЛЫ ГОР

Людмила Горожанина

Теперь, когда промчалась последняя треть двадцатого и два десятилетия двадцать первого, ещё более быстрого века, в котором, казалось бы, кроме цифровых технологий, не осталось ничего, я всё чаще оглядываюсь назад. С кем я осталась? Что у меня за душой? Какой багаж – духовный, конечно, а не материальный. Чьи фотографии разглядываю в альбомах с трепетом и любовью?

И очень радуюсь, когда нахожу на многочисленных, «густонаселённых» снимках полнофигурную весёлую женщину в очках. Я горжусь, что являюсь современницей и землячкой и, смею думать, единомышленницей на творческой ниве Людмилы Борисовны Горожаниной. Милы Гор.

Пожалуй, если всё расставлять по полочкам, раскладывать по баночкам, по смыслу и т.д., можно найти явные параллели. Например, Людмила Горожанина, как и я, окончила филфак Саратовского университета. Меня так же, как и её, привлекали и до сих пор манят разноцветные лоскутки, из которых «очень умелые – очумелые!» – ручки» могут сотворить нечто такое, что всегда окажется созвучным широкой и невероятно талантливой русской душе. И вообще всем на свете – и детям, и взрослым. Ведь настоящее искусство не имеет возраста и не ведаёт временных границ.

Мила Гор (творческий псевдоним художницы) была, конечно, весёлой фантазёркой, сказочницей, мифотворцем или даже

-
- Анна Юрьевна Морковина родилась в 1968 году. Окончила филологический факультет Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского (специальность – «Журналистика») в 1990 году и аспирантуру Московского института культуры в 2015 году. Поэт, главный библиотекарь Саратовской областной библиотеки для детей и юношества имени А. С. Пушкина, заведующая Пушкинским сектором. Член Союза журналистов, Ассоциации свободных поэтических объединений (АСПО) Саратовской области, Международной гильдии писателей (МГП).

демиургом. Ведь её могучее воображение творило целые миры! Но творила их она не просто на словах, а на самом деле – с помощью иголки, ниток и разноцветных лоскутов. В этом прослеживается древняя русская традиция: из обыденного сотворить великое искусство! При этом добавить как кропотливый труд мастерицы, так и безудержное чувство юмора, и доброту, и дружелюбие. Зная, что люди тебя полюбят и поймут. И совсем не обязательно поражать их эстетические запросы с помощью дорогих материалов, и можно вовсе не в Эрмитаже выставляться... Прекрасно подойдут ситец, бязь и сатин, джинсовые кусочки всех мастей заодно с «лэйблами», а развесить всё это можно, к примеру, на заборе... Если, конечно, забор этот принадлежит музею Павла Кузнецова.

Кажется, именно в этом необыкновенно привлекательном для всех неординарно мыслящих людей с творческими способностями музее мы и познакомились поближе. Надо ли говорить, что креативный Игорь Сорокин в бытность свою директором музея Павла Кузнецова (а это как-никак семнадцать лет!) как магнитом притягивал всех нас, объединял и вдохновлял на великие дела. И в музейщики попал тоже после филфака.

Конечно, с творчеством Милы Горожаниной я была знакома и прежде, но с нею самой регулярно пересекалась на кузнецовских выставках. Бывала всегда польщена возможностью пообщаться с талантливой Людмилой Борисовной, если не ошибаюсь, очень лёгкой в общении. Мой ребёнок тогда подрастал, и мне очень хотелось, чтобы он рос вот в такой незашоренной атмосфере, подрастая «у подножия» творческих людей, по возможности перенимая у них мастерство.

Помнится, я привела Андрюшу на выставку, посвящённую «Алисе в Стране чудес». Замечательное произведение. Не правда ли? И на втором этаже, где и «кроличья нора» была, и пузырьёк с надписью: «Выпей меня», нам разрешили примерить необычные головные уборы авторства Милы Гор и сфотографироваться в них на фоне её же панно. Огромные панно, похожие на шахматные доски (один из мотивов в «Алисе»), занимали целую стену. Рядом стояло кресло-трон, и мы с сыном то по очереди, то вместе сядились в него, а на голове у одного красовалась корона, у другого – то ли гусарский кивер с изумрудным султаном, то ли убор индейского вождя...

Чуть позже повсеместно стали проводить акцию «Музейная ночь». Мы, друзья музея, собрались на первом этаже, в комнате с круглым столом и стали думать, что будем делать завтра вечером, когда придёт толпа народу. Мила со свойственным ей радушием произнесла: «Надо что-нибудь испечь и накормить их. Я, пожалуй, испеку пирог». «Тогда я – ватрушку по-королевски», – подхватила я (ватрушка по маминому рецепту была беспрюирышным вариантом). «Хорошо, – одобрил Игорь Сорокин, – пеките».

На следующий день (т.е. ближе к 6 вечера) мы с пирогами были в музее. Но Игорь понял, что накормить хотя бы и двумя хлебами толпу народа мы вряд ли сможем, и предложил продавать наши кулинарные шедевры по кусочкам. «Как продавать?» – испугалась я. «А вот так!» И Игорь в мгновение ока разрезал пирог Милы на двенадцать частей. Он взял тарелку и пошёл через ворота во двор, куда всё продолжали собираться люди – как мне показалось, студенты и прочие интересующиеся. Мне ничего не оставалось, как порезать свою ватрушку примерно так же и, взяв тарелку в руки, отправиться за Сорокиным. Я увидела, как кто-то подходит и приценивается к пирогу Милы Гор, и не узнала собственный голос, произносящий: «А вот кому ватрушка! Свежая, вкусная...» «Сколько она у вас стоит?» – «По двадцать рублей кусочек...» «Я такую пробовала, – зашептала одна студент-

ка другой. – Объеденье! Дайте два». И я не успела оглянуться, как от моей ватрушки осталось всего три кусочка. А в руке у меня оказались бумажные деньги и монетки... «Игорь, – протянула я, вернувшись в столовую, – теперь мне кажется, что надо было продавать по двадцать пять. Мало как-то получилось!» – «Ну, это от тебя зависело. Тебе никто не мешал продавать и по тридцать...» Но, честно говоря, это был мой первый и последний опыт в торговле. Ведь я люблю просто угощать друзей!

Вероятно, и Мила, плоть от плоти советской эпохи, не слишком любила продавать свои необычные, эксклюзивные лоскутные изделия, и современные мастерицы в этом смысле шагнули гораздо дальше. Но авторский почерк Милы настолько узнаваем, что, сколько бы ни было представлено товаров народных промыслов на любой ярмарке, на любой выставке, горожанинские работы глаз выхватит из общей пёстрой картины всегда. Ну, продавала, наверное (жить-то на что-то надо было!), но никогда меркантильное не ставила во главу угла. Хотя все мы почитали за честь приобрести что-нибудь у мастера, повесить или разложить дома и потом хвалиться подругам: «У меня сама Горожанина есть!»

И у меня есть несколько ярких, много лет не выцветающих ковриков-панно работы Милы. Уже не помню, что и как попало ко мне. Мила создавала миниатюры со знаками Зодиака, и я приобрела «Змею» для мужа и «Кабана» для сына. А вот «Обезьяну» для себя найти не удалось. Придётся мастерить самой, да разве за мастером угонишься!.. И ещё «Котик» есть, ведь мы – семейство кошатников.

Возможно, «Котика» принёс Андрюшка. И мне вспоминается ещё один эпизод, связанный с музеем Н. Г. Чернышевского. В эпизоде также участвовала Мила. Как-то раз сотрудники музея Н. Г. Чернышевского (все давно знакомые, среди них и однокурсницы есть, и просто давние приятели) решили отметить День кошек. Он празднуется 1 марта. И нас с Андрюшкой пригласили. Проходило всё в домике В. О. Фомичёва, и Андрей стал мальчиком, участвовавшим в беспроигрышной лотерее. За правильные ответы Мила Горожанина давала в качестве призов свои миниатюры – одна лучше другой. Андрей помогал раздавать победителям эти «награды».

Думаю, сын запомнил Людмилу Борисовну ещё по одной игре. Она проводилась уже в основном корпусе музея и была посвящена... компьютерной теме. Выдумщица Мила разработала целую серию джинсового квилта, а также викторину для детей младшего школьного возраста. Андрей пришёл со своим закадычным другом Мишкой Гришиным. От них потребовалось сочинить историю, в которой героями были детали компьютера. Так родилась небольшая сказочка про Клаву и Моню, которую сочиняли Андрей Морковин и Миша Гришин. Конечно, без приза от Милы Гор они не ушли...

А ещё мне хотелось бы рассказать о замечательном изделии Милы Гор – ширме «Сказки Пушкина», которую она создала специально для Пушкинской библиотеки для детей и юношества в Саратове. Возможно, такую ширму заказала мастерице директор библиотеки Лилия Ивановна Алиферова – она руководила библиотекой в перестройку, в это же время подрастали её собственные внуки, и было понятно, что нравится детям, чем их привлечь. Конечно, это сказки! А с такой могучей фантазией, как у Милы, с её ориентированностью на игровую стихию только сказки и иллюстрировать!

Ширма представляет собой панно из четырёх прямоугольных створок, и на каждой створке – свой сюжет. Тут есть Шамаханская царица в шароварах, увлекающая куда-то царя Дадона; есть другая пара – царь Салтан с женою, прекрасной и милой царицей, настоящей русской красавицей;

Царевна-Лебедь – птица с нежным белым опереньем, Золотая рыбка, Кот учёный... И ещё небольшой сюжет – чернильница с пером над раскрытой книгой. Всё из ситца, с нарядным декором из цветочных мотивов на каждой створке. Ширме от саратовской мастерицы нет цены уже более двух десятилетий! Однако, к сожалению, от постоянного интенсивного использования ширма кое-где истрепалась, но такова и была задумка – ею должны пользоваться для библиотечных постановок, она призвана украшать парадный зал, добавлять «сказочного» колорита, радовать детей. Сейчас назрел вопрос о бережной реставрации «пушкинской» ширмы. Умея держать нитку с иглой в руках и тяготея к квилту-пэчворку, по-русски – к технике лоскутной аппликации, понимаю, что браться за это придётся самой.

Ещё хотелось бы сделать что-нибудь достойное памяти Людмилы Горожаниной, нашей любимой Милы Гор. Собрать много-много фотографий её работ, её собственных портретов, воспоминания о ней и издать альбом, например. Сделать вечер её памяти, ретроспективную выставку... Да мало ли интересных идей!

Мне кажется, творчество Милы Горожаниной воспитывало нас всех. Она не была воспитательницей в прямом смысле слова – скорее всего, как и Мэри Поппинс, доведись ей внушать хорошие манеры детям, учила бы их, как подниматься по перилам вверх! Но дело-то совсем и не в этом. А в чём – написано в самом начале моей статьи.

Июль 2021 г.

ФЕСТИВАЛЬНЫЙ МУЗЕЙ В ХВАЛЫНСКЕ

Беседа с Галиной Юрьевной Перекальской,
куратором фестиваля «Радуга–XXI век»

Галина Перекальская

А. М.: 31 июля–1 августа 2021 г. в Хвалынске состоялся VII литературный фестиваль «Радуга–XXI век». Поздравляю вас, Галина Юрьевна, с успешным проведением 7-го литературного фестиваля. Насколько я знаю, на него поэты из разных городов привозят свои произведения. Писатели не только выступают здесь, но и, если им удастся, дарят вам свои книги. И к настоящему моменту у вас уже собралось большое количество этих даров. Расскажите, пожалуйста, что это получается за коллекция и какова её судьба?

Г. П.: Конечно, никто не ожидал, что появится такой фестиваль музей... Но когда после проведения второго фестиваля остались программки, эмблемы, различные другие атрибуты и сборники, я подумала, что всё это надо собирать и беречь для будущих поколений.

Наши участники именно после второго фестиваля как-то очень активно начали издавать свои произведения и уже в следующий раз привезли книги. Я была несказанно рада, ведь на третий фестиваль нам привезли около двадцати книг!

А. М.: А кто привёз первые сборники?

Г. П.: Третий фестиваль действительно оказался самым успешным и плодотворным. Балаковские поэты представили сборник стихов «Утро» литературного объединения «Люстра Эммы». Привезли коллективный сборник поэты из «Пугачёвской лиры», из Москвы и т.д. Я поняла, что нам нужен ни много ни мало литературный музей. Елена Никитична Санникова, внучка известного российского поэта Григория Санникова, привезла мне в подарок книги, связанные с именем этого крупного поэта. Я подумала, что такая информация должна принадлежать не только мне, поэтому приняла решение поместить их в литературную копилку музея «Пегас». Теперь у нас в экспозиции три поколения поэтов Санниковых: бабушка, внучка и правнучка. Да и другие поэтические сборники не могли жить толь-

ко в моей домашней библиотеке, поэтому, когда всего этого набралось приличное количество, национальный парк «Хвалынский», в лице его директора В. А. Савинова, выделил нам в помещении «Экоцентра» комнату на втором этаже со стеклянными витринами. Там мы расположили первые восемьдесят книг.

А.М.: *А сколько их сейчас? Фестиваль идёт семь лет...*

Г.П.: Теперь их около двухсот. Только в этом году нам привезли книг тридцать – из Саратова, Москвы, Балакова и других городов. Причём дарят не только книги: барды привозят диски с песнями, авторы фильмов – диски с фильмами. Таким образом, по всем номинациям у нас накопился очень интересный материал. В пятом сборнике фестиваля, который мы издаём на средства министерства лесной промышленности, мы опубликовали первый перечень, куда вошли 16 сборников литературных объединений, 46 авторских поэтических сборников, 10 книг прозы и несколько интересных изданий, среди которых «Переписка Андрея Белого и Григория Санникова» и «По зову памяти отца», изданные Даниилом Санниковым. В этом году перечень пополнился очень существенно. И будет он в 7-м сборнике за 2022 год.

А.М.: *Наверное, уже нужен каталог!*

Г.П.: Да, возможно. Во всяком случае, мы теперь знаем, какие именно книги у нас есть.

А.М.: *Что дальше вы планируете делать с этим богатством?*

Г.П.: У меня есть планы работать над этими книгами. Например, можно пригласить студентов-филологов (из пединститута, университета), сообщить, что есть такой интересный материал... Причём уникальный. Не думаю, что где-то есть такой музей, а если и есть, то совсем не похож на наш по содержанию.

А.М.: *А в чём особенность именно вашего, Хвалынского фестиваля?*

Г.П.: Пожалуй, сейчас можно сказать про особенность нашего фестиваля. Число «семь» само по себе магическое, но я склоняюсь к магии человеческой души. Два дня мы купаемся в волнах добра, любви и уважения друг к другу. С каждым годом поэты, писатели и барды поднимают свою творческую планку, научились слушать друг друга, понимать, сопереживать. А это совсем не просто в творческой среде, каждый готов слушать только своё «эго». На нашем фестивале, к чести всех участников, такого нет. И зарождающийся эгоцентризм быстро гаснет без поддержки, и на аплодисменты друг другу поэты не скупятся.

Возможно, удача фестиваля «Радуга–XXI век» в том, что это не конкурс, а обмен творческими достижениями. Талантливые поэты у нас есть, мы их видим и равняемся на них. Поэты так и говорят: каждый новый фестиваль даёт хороший урок. Я думаю, что наш фестиваль можно назвать большим мастер-классом по всем перечисленным номинациям. Мы получаем информацию и разъезжаемся по своим городам и весям творить на новом уровне. А тема каждого из фестивалей – это условное направление, просто как объединяющий штрих. Перечислю, под какими флагами мы собирались: «В начале было Слово...», «Тогда душа моя поёт...», «Я возвещаю миру о себе», «Поэзии волшебные слова», «Единственная и настоящая роскошь – это роскошь человеческого общения», «Нам не дано предугадать, как слово наше отзовется», «В каждом человеке есть солнце, только дайте ему светить», «Война стучалась в каждый дом». Темы я выбираю сама, но обязательно советуюсь с постоянными участниками, а получив поддержку, вписываю в положение фестиваля. Пока мне удаётся быть на одной волне с мироощущением приезжающих поэтов, надеюсь, что так будет и дальше.

В прошлом, 2020-м году темой фестиваля стала строчка «Война стучалась в каждый дом» – все отмечали 75-летие Победы. Но фестиваль не состоялся из-за пандемии, поэтому в этом году нам пришлось восполнить свои пробы.

Фестиваль 2021 года, как обычно, проводился в два дня. Темой первого дня было изречение Сократа: «В каждом человеке есть солнце, только дай ему возможность светить». Читали разные произведения, и все они соответствовали теме. Второй же день был посвящён военной теме.

И получилась очень мощная фестивальная страница – всё, что исполнялось участниками: стихи, проза, песни – шло из глубины души...

А.М.: *Все плакали, сидели с комком в горле, и я тоже...*

Г.П.: Да, и это были искренние слёзы – за тех, кто не пришёл с войны или кто остался в живых, но нёс в себе её раны.. Так, всех нас потрясли рассказы балаковского писателя Бориса Горшенина. «Порыжевший треугольник» – о письме отца, которое стало оберегом. Мать знала это письмо наизусть, и сын, найдя его и прочтя, положил опять на то же место в комод, чтобы письмо, как оберег, охраняло и новые поколения семьи. А рассказ «Лёша маленький» – об инвалиде без ног, который после войны пел песни перед публикой и заставил самоуверенного молодого лейтенанта отдать ему честь, стоя по стойке «смирно».

А.М.: *Но давайте вернёмся к идее литературного музея...*

Г.П.: В литературном музее «Пегас» теперь много чего есть. Даже собраны шаржи хвалынского карикатуриста Александра Дьякова и Евгения Штырова из Самары (который к тому же поэт и бард). Они на каждом фестивале рисовали портреты участников. Есть рисунки-подарки художника и поэта из Екатеринбурга Александра Степанова...

Поскольку в фестивальной программе существует номинация «Авторская песня» (мне это направление дорого), в музей попали и различные диски с такими песнями.

После первого фестиваля директор НП «Хвалынский» оплатил нам издание сборника в 360 страниц и диск, на котором 27 песен девяти поэтов и бардов, которые мы записали в балаковской студии звукозаписи. Я храню этот диск как большую ценность.

Потом фестиваль стал развиваться, песен становилось больше, хотя и в разной степени профессиональных. Второй диск таких песен ещё только комплектуется. И это вполне естественно, это особое творчество. В номинации «Авторская песня» участники исполняют свои творения под «минусовку», а авторы с гитарой, к сожалению, сейчас большая редкость. Но мы не теряем надежды на такую номинацию.

А.М.: *Галина Юрьевна, у вас действительно накапливается бесценный творческий фестивальный материал. Как с ним могут познакомиться желающие?*

Г.П.: Для этого нужно приехать в Хвалынск, в Национальный парк, на Солнечную поляну, где в помещении «Экоцентра» на втором этаже расположен наш музей. Сотрудники «Экоцентра», в первую очередь, Ирина Чувашкина, встретят вас и помогут всё посмотреть.

А.М.: *Ну, тогда пожелаем развития вашему фестивалю и новых экспонатов в фестивальный музей.*

Г.П.: Большое спасибо!

Елизавета
МАРТЫНОВА

«Люди, наполняющие нашу землю красотой и поэзией...»

**Сызранская излучина: Литературно-художественный альманах/
сост. О. Портнягин. — Самара: Ваш взгляд, 2021. — 328 с.**

**Молодежная волна: Литературный журнал молодёжного отделения
Самарской писательской организации. № 21. — Самара, 2020.**

В последнее время альманахи стали более популярными изданиями, чем журналы и коллективные сборники. Это явление оправдано тем, что на издание журналов, как правило, не хватает литературных материалов, поскольку журнал должен выходить чаще, и не хватает средств для выхода издания с постоянной периодичностью. Региональный альманах может показать картину как местного литературного процесса, так и яркие явления, свойственные современной литературе в целом. Кроме того, сейчас границы между коллективными сборниками, альманахами, журналами стали очень размыты, и жанровые названия изданий достаточно условны.

В этом году в Самарской области вышли два издания, «Сызранская излучина» и «Молодёжная волна», оба — по итогам всероссийских фестивалей. В первом издании, «Сызранской излучине», опубликованы авторы состоявшиеся, чья жизнь и творчество так или иначе связаны с Сызранью, а также приглашённые «гости номера» — писатели из других городов, что расширяет творческую картину альманаха и даёт определённый срез современной литературы — в основном авторов из Поволжья.

Литературный журнал «Молодёжная волна» рисует другую картину. Авторы издания — участники Всероссийского молодёжного фестиваля имени Михаила Анищенко, прозаики и поэты, участвовавшие в работе семинаров, проведённых на этом фестивале, и география журнала значительно шире, чем у «Сызранской излучины» (таким образом, он ограничен только возрастными рамками).

При этом журнал «Молодёжная волна» напоминает скорее коллективный сборник, выпущенный по итогам очередного Всероссийского фестиваля им. Михаила Анищенко, является в какой-то мере его отражением. Каждый раздел представляет произведения участников различных семинаров: прозы, поэзии, детской литературы — и сопровождается предисловиями мастеров, которые этот семинар вели. То есть это своего рода подтверждение необходимости выпуска подобного издания и проведения самого фестиваля, благодаря которому были отобраны тексты участников: «Уровень участников на самом деле очень высокий. (...) Тексты очень талантливые...» (Андрей Геласимов). «Очень приятно, что уровень участников растёт. У нас всё больше и больше заявок, у нас всё сильнее и сильнее авторы. И география, которая и до этого была обширной, ещё больше разрослась. Я вижу настоящих прозаиков и получаю настоящее удовольствие, когда читаю их работы» (Андрей Олех).

Словом, соблюден принцип коллективного сборника (такие издавались и издаются по итогам форумов молодых писателей России). Рядом опубликованы рассказы молодых авторов, уже заявивших о себе в литературе: Ирины Михайловой, Олисы Туговой, Марии Акимовой, Алины Гребешковой, Марии Ким, Елены Луновской и других. Пожалуй, самыми сильными являются реалистические рассказы о наших современниках. Например, «Заметки пандемии» Марии Ким. Мария Ким (ей всего 21 год) работает фельдшером на станции

скорой помощи и получает высшее медицинское образование. Дебютное произведение Марии Ким вошло в длинный список влиятельной литературной премии «Национальный бестселлер».

Но и фантастическая и псевдоисторическая проза (Татьяны Дёминой, Владимира Калашникова) важна в контексте сборника: её авторы тоже пытаются решать проблемы современности: что такое человек, его жизнь, что с ним происходит. С моей точки зрения, фантастическая повесть «Сияние» Татьяны Дёминой написана в лучших традициях фантастики.

Поэты в журнале представлены довольно скромно. Стоит отметить яркие поэтические подборки Екатерины Макушиной, Евгения Мельникова, Вероники Барановой, Евгении Решетниковой – диапазон от классического силлабо-тонического стиха до верлибра. Такое ощущение, что составители издания продуманно решили представить и «традиционалистов», и «новаторов», но, скорее всего, это получилось объективно: участники фестиваля очень разные, и каждый из них выбрал своё направление, свою «ветвь» традиции.

Литературно-художественный альманах «Сызранская излучина» по своему наполнению представляет собой полноценный литературный журнал. Это десятый, юбилейный выпуск альманаха. Поэтому в начале номера представлены поздравления известных писателей: Николая Переясллова, Дианы Кан, Александра Громова.

Значительная часть произведений связана с Великой Отечественной войной, 80-летие с начала которой отмечалось в 2021 году. «Но большинство произведений этого номера альманаха посвящено мирной жизни – во всех её проявлениях», – говорится в аннотации.

Прозаиками номера стали Юрий Семёнов, Надежда Вотинова, Сергей Жилютов, Галина Журлова, Александр Карякин, Лидия Невская, Валерий Тимофеев, Олег Корниенко. Особенно я для себя отметила главу из повести Олега Корниенко и притчевые новеллы Лидии Невской.

Для небольшого города очень серьёзный пул прозаиков, и проза качественная, не любительская, а добротная, профессионально написанная.

Что характерно для этого издания – в нём опубликовано много местных авторов, причём значительную часть составляют поэтические тексты. Это обычное дело, поэтов в количественном отношении в городе больше, чем прозаиков. Таким образом, читатель альманаха может познакомиться с местной литературой, и это хорошо. Стихи написаны в традиционной манере, на традиционные темы, подборки

Олега Портнягина, Галины Елисеевой, Сергея Кирюхина, Натальи Окуневой и других перекликаются друг с другом. Есть в номере и грамотно составленная «Поэтическая мозаика», дающая возможность познакомиться с несколькими лучшими произведениями того или иного автора.

По своему наполнению «Сызранская излучина» – это обычный литературный журнал – традиционный, с маленькими отклонениями в сторону эксперимента. Это обеспечивает его читабельность, так же, как и разнообразие жанров. Не во всяком региональном журнале есть публицистика, критика, произведения (стихи и проза) для детей.

В рубрике «Публицистика» опубликованы мемуары Марии Александровны Воейковой-Киселёвой, представленные её двоюродной внучкой Вероникой Жобер. Интересны эти мемуары тем, что дают картины жизни столетней давности, 20-х годов прошлого века в Сызрани, Самаре, Москве, Харбине. Ценны свидетельства обыкновенного человека того времени, хороший язык и прекрасные старые фотографии.

Критические работы Эдуарда Анашкина и Натальи Окуневой также связаны с изданиями, вышедшими в Сызрани. Замечательно, что интересуются творчеством других авторов, пишут рецензии на книги.

Важна и «страница памяти». В рубрике «Наследие» опубликованы произведения ушедших авторов, это тоже показатель полноценности литературного издания. Таким образом, создаётся литературный контекст, история.

Полноценно представлен и раздел детской литературы: светлые стихи Валентины Юдиной, Елены Мироновой, Татьяны Твердохлебовой, занимательные рассказы Натальи Бондаренко и Надежды Ермаковой. Как выяснилось, в Сызрани значительное количество детских авторов, публикующихся в различных региональных и столичных изданиях.

Среди авторов рубрики «Гости» открытием для меня стало имя Татьяна Кижайкиной, стихи которой отличаются пронзительной лиричностью, единством и прозрачностью стиля. Не ставит перед собой каких-то глубоких задач, но в её стихах есть обращённость к читателю – «беседа по душам», и, по сути, она говорит просто и ясно о главных вещах: о жизни, о смерти, о любви.

Пожалуй, для меня это главное открытие номера.

День прожитый в сумерках тонет.

Что было – давно утекло.

Я еду в последнем вагоне,

На мёрзлое дую стекло.

*Мелькают сады, перелески,
За окнами люди спешат,
И самое время, да не с кем,
Беседу начать по душам...*

И, конечно, радуется, что в «Сызранской излучине» опубликованы стихи Евгения Семичева и Евгения Чепурных – имена эти всероссийского значения, их публикация поддерживает ценность сборника.

Приведу несколько цитат.

Евгений Семичев:

*Заметался по рекам
Синий пламень воды.
Небеса звёздным млеком
Окропили сады.*

*Вишни млечными стали,
Всем явив свою стать.
И на цыпочки стали
Чтобы небо достать.*

*Красным девкам на зависть,
Шепчут в сладком бреду:
«Наши ветви плескались
В небесном пруду» (...)*

Я привела начало стихотворения, но уже по нему понятно, что это прекрасные стихи, написанные в русской классической традиции.

Евгений Чепурных:

*Протяжный
Взрыв очарованья
Прозрачных роц и ручейков
Пересечёт твоё дыханье
И частоту твоих шагов.*

*И ты поймёшь, неторопливо
Входя и в сердце, и в строку,
Что даже ты
Не так красива,
Как эти кроны наверху,
Как лёгкий лист,
Чьё полукружье
Накрыло синих капель смесь,
С непостижимым простодушьем
Соединяя жизнь и смерть.*

Даже если несколько таких стихотворений есть в журнале, сборнике, альманахе – он не зря издан, потому что это настоящая поэзия.

Прочитав журнал «Молодёжная волна» и «Сызранская излучина», я обратила внимание, что и оформлены они похожим образом: на обложке «Сызранской излучины» – фото набережной Сызрани и Волги, на обложке «Молодёжной волны» – абстрактный рисунок реки (волн). В таком оформлении есть резон, потому что содержание периодических изданий такого рода – действительно что-то текущее, меняющееся, но в то же время единое: их создают люди, которые, по словам Николая Перяеслова, наполняют «нашу землю красотой и поэзией».

Елизавета
МАРТЫНОВА

«Этот мир рождён единым...»

Мельников Е.Ю. Мгновения странствий: Стихи. —
Издательство «Новый ветер», Саратов, 2021.

Стихи, опубликованные в книге Евгения Мельникова, написаны в течение 15 лет. Это означает хороший авторский отбор (в сборник вошло всего 48 стихотворений) и значительную дистанцию жизненного пути, ведь всегда чувствуется, какое качество жизни заложено в книге, какой отрезок жизни пройден автором.

А в этой книге заложено очень много. Для неё характерен обширный географический охват и охват душевных движений, разнообразных эмоций.

Мир его стихотворений и есть этот единый природный мир, который поэт открывает для нас. И для того, чтобы его открыть, автор предпринимает «странствие». Стихотворения для Евгения Мельникова и есть своего рода «мгновения странствий» — странствие здесь можно понимать и конкретно, и расширительно.

Особенность поэзии Евгения Мельникова в том, что мир внешний, природный играет в стихах более значительную роль, чем обычно в стихах наших современников. В этом её изюминка, её плюс. Обычно в хорошей лирике душевные движения поэта подкрепляются какими-то параллелями из мира природы. А у Евгения Мельникова, наоборот, природа становится первоначалом, источником этих душевных движений. Евгений Мельников продолжает таким образом одну из ныне забываемых, к сожалению, линий русской классики — природной лирики (А. Фет, А. Майков, И. Бунин). Для них природа значила гораздо больше, чем для наших современников, и это понятно: современные люди городские. Но всё-таки забывать о земном и природном не следует — это первооснова, связывающая нас со всем миром.

Автор книги постоянно олицетворяет природу: один из интересных образов — весна, взявшая билет на поезд. Он обращается к лету, осени, зиме, весне как к живым существам.

Мне как читателю импонирует конкретность названий растений, деревьев, птиц. Очень редкая в наше время черта, большой плюс, так же, как и зримая образность, метафоричность, живописность, любование миром: «серая дождевая шаль», «быстрая тёмная вода».

*...Шляпки груздей как большие чаши
С дождевой прозрачной водой.*

Автор наблюдателен:

*И пёстрым стал под солнцем южный
склон
От лоскутков оттаявших проталин.*

Книга интересно построена: разделы (главы), рассказывающие о состоянии, настроении, связанном с определённым пейзажем, погодой, временем года, чередуются с главами, повествующими о конкретном месте и времени. Одно из лучших стихотворений — о Петербурге; очень удачны «Репино» и «Константиново» — в них чувствуется живая связь с историей и литературой, связь природы и литературы, естественного и сотворённого.

Стихотворения географически точны, и в этом их ценность. Показывая, как красиво то или иное селение, город, пейзаж, поэт говорит нам о красоте всей нашей земли, о том, как это важно: видеть эту красоту, понимать её и беречь.

*Этот мир рождён единым,
Без границ ещё до нас, —*

Утверждает автор.

Стоит отметить удачное оформление книги: чёрно-белые рисунки не отвлекают от текста, наоборот, сосредоточивают на нём, а фотография на обложке даёт ощущение простора.

**Павел ПОСЛУШАЕВ,
Елена РИЗАЕВА**

ИЗ ИСТОРИИ ОДНОЙ НАГРАДЫ

*Александр Николаевич
Чернышевский.
Нач. 1880-х гг.
Фотография Р. Бейера.
Санкт-Петербург.
МНГЧ ОФ 1159*

**(А. Н. Чернышевский – участник
русско-турецкой войны 1877–1878 гг.)**

В фондах Музея-усадьбы хранится уникальный экспонат – фрачный знак «В память русско-турецкой войны 1877–1878 гг.». Он изготовлен из бронзы и имеет диаметр 1,2 см, поступил в дар от правнучки писателя Веры Самсоновны Чернышевской в 1984 году. Однако долгое время не удавалось правильно атрибутировать этот экспонат. При поступлении в музей он был записан под № 4228 как: *«значок бронзовый с изображением креста на полумесяце и датой 1877–1878 гг. Посвящён русско-турецкой войне и победе России в ней. Значок имеет круглую форму. На обороте надпись: «Не нам, не нам, а имени Твоему...». В эту надпись впаян стержень с резьбой».*

При детальном изучении экспоната удалось правильно определить его назначение и владельца.

Фрачные знаки (фрачные миниатюры или просто фрячки) – это уменьшенные копии орденов, медалей, нагрудных знаков, которые более удобны для ношения в отличие от полноразмерных наград.

Чаще всего их носили на бальных фраках, отсюда и название – фрячник. Такой знак можно было надеть в любой ситуации, когда ношение полноразмерного знака было бы неуместно или не регламентировалось. Как правило, кавалер сам мог заказать себе уменьшенные копии заслуженных им наград. На этом специализировались многочисленные ювелирные мастерские. Фрач-

-
- Павел Павлович Послушаев – старший научный сотрудник музея-усадьбы Н.Г. Чернышевского, хранитель рукописно-документального фонда. В 2005 году окончил Саратовский государственный университет. Специальность «Историк. Преподаватель истории».
 - Ризаева Елена Николаевна – главный хранитель фондов музея-усадьбы Н.Г. Чернышевского. В 2008 году окончила Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского. Специальность «Историк. Преподаватель истории».

ники Российской империи никогда не имели официального статуса, но тем не менее пользовались несомненной популярностью среди тех, кто мог себе позволить заказать у ювелира уменьшенный вариант своего знака отличия. Хранящийся в фондах музея фрачный знак является уменьшенной копией медали «В память русско-турецкой войны 1877–1878 гг.»¹.

Медаль «В память русско-турецкой войны 1877–1878 гг.» была учреждена 17 апреля 1878 года указом императора Александра II, объявленным в приказе по военному ведомству. Такая медаль была трёх видов: серебряная, светло-бронзовая и тёмно-бронзовая².

Серебряной медалью награждали: всех чинов, состоявших в войсках, защищавших Шипкинский перевал, а также находившихся в Баязете во время блокады; всех лиц, находившихся по делам службы на Шипке во время обороны перевала. Указом императора Александра II от 19 февраля 1881 года право на награждение серебряной медалью получали части войск, принимавших участие в штурме и взятии крепости Карс в 1877 году³.

Светло-бронзовой медалью награждали:

1) генералов, штаб- и обер-офицеров, нижних чинов всех родов войск и милиции, чинов Болгарского ополчения, принимавших непосредственное участие в боевых действиях во время войны⁴;

2) чинов морского ведомства, участвовавших в боевых действиях на Дунае и в Черном море⁵;

3) священников, медиков и сестёр милосердия, выполнявших свои обязанности на поле боя⁶;

4) чиновников военного и гражданского ведомств, находившихся в войсках по делам службы и участвовавших в боевых действиях против неприятеля с оружием в руках⁷;

5) лиц всех сословий, награждённых Знаком отличия Военного ордена или медалью с надписью: «За храбрость»⁸.

Тёмно-бронзовой медалью награждали всех участников войны, не принимавших участия в боевых действиях. Рисунки лент для медалей были утверждены императором 14 сентября 1878 года⁹. Медали носили на груди на соединённой ленте орденов Св. Андрея Первозванного и Св. Георгия¹⁰.

*Фрачный знак
А. Н. Чернышевского*

¹ Кузнецов А. А., Чепурнов Н. И. Наградная медаль. В 2-х т. Т. 1: 1701–1917. М., 1992. С. 338–351.

² Петерс Д. И. Наградные медали Российской империи XIX – XX веков. Каталог. М., 1996. С. 196.

³ Петерс Д. И. Наградные медали Российской империи... С. 196.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. С. 197.

В 1877–1878 гг. на Санкт-Петербургском монетном дворе было отчеканено 83334 серебряных, 635921 светло-бронзовая и 335424 тёмно-бронзовых медалей¹¹. Диаметр наград, по одним данным, 26 мм,¹² по другим – 27 мм.¹³

На лицевой стороне медали «В память русско-турецкой войны 1877–1878 гг.», в середине поля помещено крупное изображение православного шестиконечного креста в лучезарном сиянии, стоящего на поверженном мусульманском полумесяце; по обе стороны его указаны годы войны: слева – «1877» и справа – «1878»¹⁴.

На обратной стороне, в лавровом венке, перевязанном внизу лентой, помещена горизонтальная четырёхстрочная надпись: «Не нам, не нам, а имени Твоему», являющаяся сокращённой цитатой из Библии (девятый стих 113-го псалма Давида: «*Не нам, Господи, не нам, а имени Твоему дай славу, ради милости Твоей, ради истины Твоей*»)¹⁵. Аналогичная надпись на обороте использовалась и при оформлении знаменитой медали «В память Отечественной войны 1812 года»¹⁶.

Аналогичные изображения имеет и фрачный знак, хранящийся в фондах музея, однако по центру обратной стороны фрачного знака припаян штифт для его ношения (круглая гайка не сохранилась).

По сведениям исследователя наградных медалей Н. И. Чепурнова, для изготовления таких фрачников использовался «металл разный, вплоть до золота, различных диаметров – от 12 до 18 мм» и «они являются копиями вышеописанных медалей во фрачных вариантах», которые «выполнялись по индивидуальным заказам частными мастерами»¹⁷.

Также удалось определить владельца данного фрачного знака. Им, с большой долей вероятности, являлся старший сын Н. Г. Чернышевского – Александр Николаевич Чернышевский.

Известно, что в апреле 1877 года 23-летний Александр Чернышевский отправился добровольцем в действующую армию. Тогда призывали в 25 лет. Он стал «рядовым охотником» в Невском полку, 13-го корпуса, 1-й пехотной дивизии¹⁸. Не смог уговорить его отказаться уйти на фронт ни А. Н. Пыпин, ни П. И. Боков. Решение Александра Чернышевского было непоколебимо. С 10-летнего возраста он воспитывался в семье А. Н. Пыпина, двоюродного брата Н. Г. Чернышевского. Учился в Ларинской гимназии. Не окончив Ларинскую гимназию, держал выпускной экзамен во 2-й гимназии на Казанской улице. В 1871 году поступил в университет на математический факультет. В это время начинается обширная переписка сына и отца из Вилюйска. За тысячу вёрст обмениваются задачами, решают теоремы. И после завершения учёбы в университете, который он окончил кандидатом, Саша продолжал заниматься математикой, печатал свои статьи. Но мысль об отце, о его освобождении не покидала Сашу. Толчком к попытке осуществить мечту явилась русско-турецкая война. Перед ним рисовалась картина: он, тяжелораненый, лежит в госпитале, и за его заслуги исполняют просьбу о помиловании отца.

¹¹ Там же. С. 196.

¹² Чепурнов Н. И. Наградные медали Государства Российского... С. 470.

¹³ Петерс Д. И. Наградные медали Российской империи... С. 197.

¹⁴ Чепурнов Н. И. Наградные медали Государства Российского... С. 471.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Петерс Д. И. Наградные медали Российской империи... С. 77–78.

¹⁷ Чепурнов Н. И. Наградные медали Государства Российского... С. 474.

¹⁸ Чернышевская Н. М. Семья Н. Г. Чернышевского. 1980. С. 55

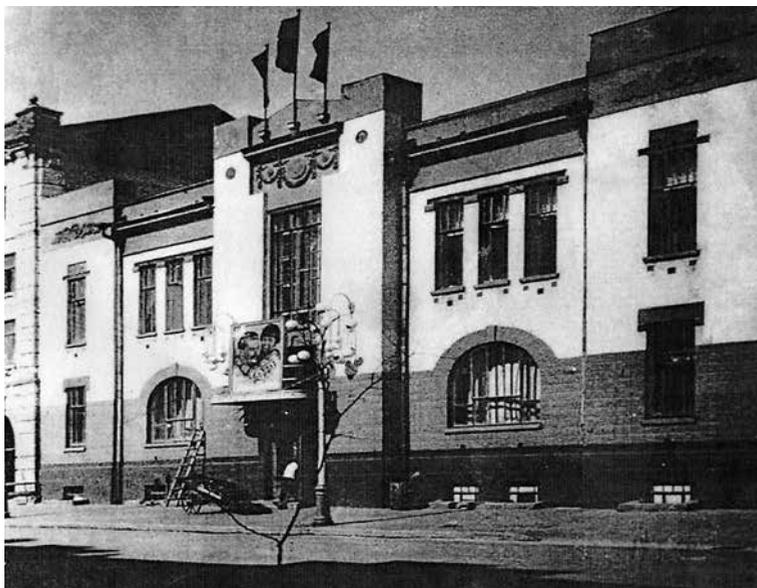
Полк, в который был распределён Александр, участвовал в боях за освобождение Болгарии. Саша *«был в так называемом Руцукском отряде и в самой передовой линии... поэтому их полк постоянно двигался, и когда наступили дожди, это был труд, который не всегда выносят и закалённые солдаты»*, – писал А. Н. Пыпин Н. Г. Чернышевскому¹⁹. 20 сентября Саша пишет родным: *«...9 сентября там, где мы стояли, на позиции происходило такое «дело», в котором участвовал и наш полк. Мы, т.е. весь наш батальон, оставались в резерве и лежали в дубовом кустарнике. Турки отступили, потеряв, как кажется, несравненно больше нас»*²⁰. В это время наряду со смертью бойцов от ран русские солдаты умирали от малярии. Приехавший на фронт С. П. Боткин для наблюдения за здоровьем и безопасностью верховного главнокомандующего – дяди императора, наблюдал антисанитарные условия и неслыханную волну эпидемии малярии. *«Малярия косит воинов»*, – писал Боткин в *«Письмах из Болгарии»*. *«Жёлтая лихорадка»*, или тропическая малярия, подкосила и Александра. На 2 месяца его выслали из действующей армии, а затем перевели в Московский госпиталь²¹.

Скорее всего, за участие в боях А. Н. Чернышевский был награждён медалью *«В память Русско-турецкой войны 1877–1878 гг.»*, которая ныне не сохранилась, зато остался фрачный знак.

¹⁹ Там же. С. 55

²⁰ Там же.

²¹ Там же. С. 56.

*Саратовский ТЮЗ
1941–1942 гг.*

Журнал «Волга–XXI век» зарегистрирован МПТР РФ,
свидетельство ПИ № 77-16080 от 6 августа 2003 года.

Учредители: Министерство информации и печати Саратовской области, Саратовское региональное
отделение Общероссийской общественной организации «Союз писателей России».

Издатель: ГАУ СМИ СО «Регион 64».

Директор – В. В. Степанов.

Редакция:

Главный редактор – Е. С. Данилова.

Дизайн и вёрстка – Л. В. Баранова.

Корректор – Е. Н. Березина.

Художник – Л. Б. Горожанина.

Подписано в печать 20 октября 2021 года.

Дата выхода в свет 29 октября 2021 года.

Журнал отпечатан в ООО «Амирит».

Адрес типографии: г. Саратов, ул. Чернышевского, 88.

Заказ № 41/20101

Цена свободная.

Адрес издателя: г. Саратов, ул. Сакко и Ванцетти, 41.

Адрес редакции: г. Саратов, ул. Сакко и Ванцетти, 41.

Тел. (факс): (845-2) 72-10-06.

E-mail: lizamart@yandex.ru

Сайт: www.g-64.ru/volga

Подписной индекс: П4923

При перепечатке ссылка на издание обязательна.

Редакция не рецензирует рукописи, а только сообщает о своём решении.

Формат 70x100 1/16. Усл. печ. л. 15,60.

Бумага типографская. Печать цифровая.

Тираж 100 экз.

© ГАУ СМИ СО «Регион 64», 2021.

© «Волга–XXI век», 2021.

РАБОТЫ ХУДОЖНИЦЫ ЛЮДМИЛЫ ГОРОЖАНИНОЙ

Фрагменты ширмы
«Сказки Пушкина»
(Фото Анны Морковиной)

Людмила Горожанина
«Ангел»

